ЛОРА БЕКИТТ

ЯРЧЕ, ЧЕМ СОЛНЦЕ

Ярче, чем солнце
Лора Бекитт

Аннотация
Лора Бекитт. Ярче, чем солнце
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
Глава девятнадцатая
Глава двадцатая

Глава двадцать первая
Глава двадцать вторая
Глава двадцать третья

Аннотация

В начале двадцатого века живет в канадском городе Галифаксе расчетливая красавица Миранда, которую любят двое — наследник большого состояния Дилан Макдафф и простой парень Кермит Далтон, привыкший всегда добиваться своего в отношениях с женщинами. Приехавшая из деревни в поисках лучшей доли бедная девушка Нелл устраивается на фабрику Дилана. Не подозревая о грядущем переплетении их судеб, Нелл влюбляется в Кермита, не зная, что тот мечтает о другой и ради нее готов на все…

Лора Бекитт
Ярче, чем солнце

Жернова Господа крутятся медленно,
Но они перемалывают все до конца.

Глава первая

Когда Нелл Бакер впервые увидела гавань Галифакса с грузовыми и транспортными судами, рыбачьими баркасами, множеством причалов и складских помещений, пейзаж показался ей удивительно чужим. Небо у горизонта отливало нежным перламутром, а над головой имело холодный оттенок стали. На подернутой легкой зыбью воде грациозно покачивались чайки.

Повернувшись к городу, в который прибыла в надежде начать новую жизнь, Нелл смотрела на темно-красные, бледно-зеленые, белые и серые дома, прозрачные окна и тусклые крыши, куда-то спешащих людей, автомобили и экипажи.

Девушка никогда не путешествовала одна, тем более по железной дороге, и все еще ощущала себя оглушенной поездом, униженной бесцеремонными пассажирами, которые толкали ее и, случалось, делали обидные замечания.

Нелл казалось, что она выглядит жалко и неприглядно. Она стыдилась своего поношенного платья и жакета, стоптанных ботинок, уродливого фанерного чемодана. Вместе с тем с первых

минут приезда в Галифакс девушка ждала, что в ее судьбу вот-вот войдет нечто необыкновенное, чему она не могла придумать названия, жизненное пространство расширится до таких пределов, о коих она не смела мечтать.

Все началось с того, что одна из приятельниц Нелл, Хлоя Чапман (она была тремя годами старше и уехала из поселка, где они жили, около двух лет назад), написала, что на одну из фабрик Галифакса, делавшей бисквиты, кексы, галеты и печенье, требуются упаковщицы.

Одна лишь мысль о том, что она будет укладывать ароматное печенье в нарядные жестяные коробки, привела Нелл в восторг. Выросшая на берегу Атлантики, в одном из захолустных уголков Новой Шотландии, в рыбацком поселке, она ненавидела запах рыбы, пропитывавший одежду, волосы и кожу, запах, от которого было невозможно избавиться, так же как и от серебристой чешуи, прилипавшей к полу и стенам жилища.

Узнав о решении дочери, Клементина Бакер принялась негодовать, в то время как Нелл молча, с ожесточением перетягивала полуразвалившийся чемодан кожаным ремнем.

Из-за суровой жизни (ее муж и отец ее детей утонул пять лет назад) в сердце Клементины ско-

пилось много горечи, и она редко была довольна Нелл, которая слишком рано начала высказывать собственное мнение. Девушка знала, что при всем желании она не смогла бы стать для Клементины лучшей дочерью, чем была, а потому старалась не обращать внимания на резкие замечания и потихоньку игнорировала запреты.

Получив письмо Хлои, Нелл принялась горячо доказывать, что в Галифаксе она сумеет заработать денег и сможет посылать какую-то часть матери и сестренке Аннели. (Из шестерых детей Клементины в живых остались только две девочки, старшая и младшая, которой недавно исполнилось семь.)

Конечно, это была не вся правда. Больше всего воображение Нелл поразило сообщение Хлои о том, что та регулярно посещает танцы (сама Нелл еще не танцевала ни разу в жизни, поскольку бог весть почему это считалось неприличным занятием), куда приходят не только солдаты, но и офицеры местного гарнизона.

Разумеется, Нелл знала, что в мире идет война, однако она казалась ей чем-то очень далеким. Присутствие в Галифаксе стольких людей в зеленой форме нисколько не удивляло девушку. Нелл казалось, что так и должно быть.

С тайной болью в душе она смотрела на нарядных горожанок. На многих были платья из простых и дешевых тканей, но благодаря искусному покрою они выглядели изящными. Некоторые девушки были одеты по новой моде — в блузки, юбки, пуловеры и жакеты. Нелл поразили огромные шляпы, украшенные цветами, бантами и перьями, а также маленькие круглые шапочки, кокетливо надвинутые на одну бровь.

Ей казалось, что эти элегантные женщины без труда угадывают в ней провинциалку, впервые в жизни увидевшую автомобили. А еще она боялась, что не сумеет найти дом, где жила Хлоя, и ей придется ночевать на улице.

Девушка с раскаянием вспоминала слова матери: «В городах нет счастливых людей, там полным-полно потерянных душ». Если прежде Нелл убеждала себя в том, что она достаточно самостоятельна и сообразительна, чтобы без труда освоиться в Галифаксе, теперь ей чудилось, что она ничего не знает и пробирается по миру на ощупь. Она не обладала ни выдающейся внешностью, ни какими-либо талантами.

Ей оставалось только вздыхать по той красоте, какой могли похвастать девушки с обложек модных журналов. Хотя ее волосы имели цвет

осенних кленов, а светло-карие глаза напоминали янтарь, все портила россыпь веснушек, приводивших Нелл в отчаяние.

Хлоя писала, что живет в районе, который называется Ричмонд, в большом пансионе, где на первом этаже в общей комнате подают завтраки. Она не сообщила Нелл, смогут ли они снимать комнату вместе, но девушка надеялась, что подруга оставит ее у себя хотя бы на первое время.

Сжимая в руках бумажку с адресом, Нелл принялась спрашивать дорогу. К счастью, прохожие отвечали доброжелательно и подробно, и вскоре ей удалось отыскать пансион.

Лишь подойдя к его дверям, Нелл подумала о том, что сейчас Хлоя, скорее всего, на работе.

Делать было нечего, и Нелл отправилась в парк, который приметила еще по дороге. Когда весна окончательно вступит в свои права, Галифакс утонет в зелени, недаром он был известен как «город деревьев».

Она села на скамейку под большим вязом, открыла чемодан и достала коробочку с завтраком. У нее было с собой лишь немного хлеба и сыра, а после покупки билета в кошельке осталось всего-навсего десять центов.

Медленно поедая скромный завтрак, Нелл

размышляла о том, возьмут ли ее на фабрику и сколько она будет получать. Задавала себе вопрос, похожи ли здешние молодые люди на тех бесхитростных добродушных парней, которые жили в ее родном поселке и чья бесшабашная удаль зачастую граничила с застенчивостью. Они привыкли работать, не спрашивая милости ни у Господа, ни у природы, и были столь же надежными, сколь и простыми. Но ни один из них не нравился Нелл по-настоящему.

Помимо воли она вспоминала древний край, где прохладный ветер приносил запахи моря и трав, старый дом, в тесной кухне которого Клементина варила густое яблочное повидло, маленький, заросший примулами дворик со скрипучими качелями. Старшая дочь знала, что мать с ее слабым здоровьем нуждается в помощи, а Аннели еще слишком мала, чтобы позаботиться о себе. Но даже ради них Нелл не могла побороть в себе жажду перемен.

До самого вечера она то сидела в парке, то бродила вокруг пансиона и в результате смертельно устала и страшно проголодалась.

На углу продавали горячие сосиски, но Нелл боялась потратить последние деньги (кто знает, как ее встретит Хлоя!) и потому терпела.

Наконец в начале седьмого она увидела нескончаемую процессию рабочих и работниц, текущую из фабричного района. Боясь пропустить появление подруги, Нелл подошла к дверям пансиона.

Хлоя появилась в стайке смеющихся девушек. Она так сильно изменилась, что Нелл едва ее узнала. Отделанная кожей шляпка, пальто в яркую клетку, новые ботинки с модной шнуровкой. Она стала стройнее и как будто выше ростом. К счастью, Хлоя приветливо встретила Нелл и сразу пригласила ее в свою комнату.

— Я попрошу хозяйку, чтобы она позволила тебе заночевать в пансионе, — сказала она, и у Нелл отлегло от сердца.

Здание пансиона выглядело старомодным и мрачным. Комнатка, которую занимала Хлоя, оказалась крохотной, но уютной. Отблески заката окрасили старую мебель, оклеенные дешевыми обоями стены и потолок, покрытый паутиной трещин, в теплые розоватые тона. Занимаясь приготовлением нехитрого ужина, Хлоя непрерывно болтала.

Она не расспрашивала Нелл о родном поселке, зато много говорила о жизни в Галифаксе:

— Некоторые считают, что здесь ничего не происходит, но на самом деле это не так. Кругом

столько интересного! Получить место на фабрике Макдаффа совсем не трудно, там как раз нужны упаковщицы. Завтра отправишься вместе со мной, и я покажу, как пройти в контору.

— А сколько там платят? — осмелилась спросить Нелл.

— Ты будешь получать не меньше пяти долларов в неделю, хотя не считай, что это много: сперва я тоже так думала! Здесь тебе понадобится куча новых вещей, захочется развлечься, к тому же придется снимать жилье.

— А где его найти? У меня осталось только десять центов.

— Пока ты ничего не заработала, можешь пожить в моей комнате, а после что-то найдешь, хотя бы даже в этом пансионе, — великодушно промолвила Хлоя и продолжила рассказывать о своей жизни: — По воскресеньям мы не работаем, и я хожу на танцы, а иногда в кино. Здесь есть дансинги, но туда пускают за деньги, а вот когда танцы устраивают в гавани, на каком-нибудь корабле, девушки проходят бесплатно. В Галифаксе большой гарнизон; я тебе писала о том, что такие вечера посещают даже офицеры.

— И как они относятся к фабричным работницам?

Хлоя пожала плечами.

— Конечно, есть и такие, кто смотрит на нас свысока, как на людей второго сорта. Просто надо уметь выбирать кавалеров! К тому же зачастую местные девушки не ходят на танцы, потому что им запрещают родители, а такие, как мы, — сами себе хозяева!

— Я не умею танцевать, — призналась Нелл.

— Это дело нехитрое. Я научу тебя в два счета!

— У меня нет хорошей одежды.

— Я одолжу тебе одно из своих платьев, а когда заработаешь денег, купишь себе все, что захочешь. В Галифаксе полно магазинов, и чтобы хорошо одеться, вовсе не обязательно приобретать что-то дорогое.

Хлоя сняла с переносной газовой плитки сковородку с яичницей, и они сели за стол.

— Я не всегда готовлю дома, иногда захожу куда-нибудь перекусить. А еще лучше, если кто-нибудь пригласит поужинать.

Нелл поняла, что Хлоя имеет в виду поклонников, но не рискнула спросить, есть ли у подруги постоянный приятель. Она боялась стать лишней в жизни этой девушки, между тем больше ей пока что не на кого было рассчитывать.

В ее душе в очередной раз проснулись угрызе-

ния совести, и она сказала:

— Мне было нелегко оставить мать и Аннели, и я все время думаю о том, что…

— Брось! — перебила Хлоя. — В городе тебя ждет совершенно иная жизнь. В конце концов, кто-то предпочитает землю, а кто-то — парус на горизонте. Сколько времени ты копила на билет? Можешь не отвечать, я это знаю. А здесь ты вернешь эти деньги, проработав пару недель!

Вволю наговорившись, они легли спать. Хлоя занимала мансардное помещение, вдобавок напротив не было зданий, потому необходимость в занавесках отпадала, и Нелл могла видеть постепенно гаснущее небо с тонким, как ноготь, серпом раннего месяца и редкими проблесками звезд, к которым поднимался дым корабельных топок. Гавань Галифакса не замерзала зимой, а работа в ней продолжалась не только днем, но и ночью, при ярком свете дуговых ламп.

Нелл понимала, почему Хлоя сказала о парусах. Жить близ порта означало находиться на перекрестке множества различных дорог; даже оставаясь на месте, ощущать бесконечное движение, способное вызывать и поддерживать в душе восторженное смятение и страсть к переменам.

Утром Нелл проснулась засветло. Она спала

на удивление крепко, ей ничего не снилось, и теперь она чувствовала себя отдохнувшей.

Хлоя тоже выглядела бодрой; она сказала, что надо поторопиться, и великодушно пообещала поделиться с Нелл своим завтраком.

Девушка с невольной — завистью следила за тем, как подруга собирается на работу. Та умела грациозным движением откидывать волосы назад так, чтобы они струились по спине, а после столь же непринужденно и ловко закалывать непослушные пряди.

Нелл сказала себе, что ей надо многому научиться и многое перенять у Хлои или у кого-то еще.

Она решила надеть скромное платье цвета ржавчины, гармонировавшее с рыжими волосами, и подруга одобрила ее выбор.

Завтрак проходил за длинным столом в молчаливой компании, где были и мужчины, и женщины, в основном фабричные работники или конторские служащие. Подавали овсяную кашу, хлеб с вареньем и маслом и жидкий чай. Нелл с аппетитом съела все, что ей предложили, помня о том, что ее десяти центов едва ли хватит на один полноценный обед.

Когда они вышли на воздух, Хлоя вновь приня-

лась рассказывать о городской жизни, тогда как взор Нелл был прикован к гавани.

На море опустился белый, как молоко, туман. В этом мареве корабли перекликались гудками, и воздух упруго дрожал, а временами, казалось, разрывался от громких, протяжных звуков.

Еще не отдавая себе в этом отчета, Нелл чувствовала, что эта гавань станет гаванью ее судьбы, неким магнитом, притягивающим желанные перемены, именно отсюда начнется отсчет ее нового пути.

Из экономии, а также чтобы подышать свежим воздухом, показать себя и поглазеть на толпу, Хлоя всегда ходила на работу пешком. Очень скоро они с Нелл стали частью потока людей, направлявшихся в промышленные районы города.

Разумеется, прежде всего Нелл интересовала молодежь, хотя она не могла не заметить множество пожилых, изможденных женщин, по-видимому, идущих туда же, куда и они с Хлоей.

Кое-кто из молодых людей пытался заговорить с наиболее симпатичными девушками, но к чести Хлои, она не отвечала на эти заигрывания.

Она не жаловала фабричных рабочих, считая их пустомелями. Насколько поняла Нелл, подруга благоволила к военным, хотя Хлоя сразу преду-

предила, что и тут надо держать ухо востро:

— Многие из них перед отправкой на фронт готовы надавать таких обещаний, что у девушки определенно закружится голова! Впрочем, тебе нечего беспокоиться: я всех здесь знаю и всегда подскажу, с кем не стоит связываться.

Нелл в который раз возблагодарила Небеса за то, что они послали ей такую смышленую подругу (которая была вовсе не против покрасоваться перед менее опытной товаркой).

Хотя сейчас Нелл куда больше волновали не отношения с мужчинами, а предстоящее собеседование. А если она допустит какой-то промах? А вдруг ее сочтут деревенщиной, непригодной для такой работы?!

Заметив, что у подруги в буквальном смысле слова трясутся поджилки, и желая рассеять ее сомнения, Хлоя небрежно произнесла:

— Не робей! Тебе не станут задавать сложных вопросов; в лучшем случае поинтересуются, откуда ты и кто твои родители. Упаковщица для них все равно что машина, никого не волнуют ее ум и чувства.

Фабрика представляла собой огромное здание с множеством переходов, окон, ворот и дверей.

Показав, где находится контора, Хлоя поспеши-

ла на свое рабочее место; девушки договорились встретиться в шесть вечера возле главных ворот фабрики.

К неожиданности и растерянности Нелл, она оказалась не единственной, кто желал поступить на работу: в коридоре столпилось около двадцати девушек и женщин. Заметив прямые бесцеремонные взгляды, Нелл попыталась напустить на себя безразличный вид, хотя при этом ее щеки пылали так, что краска даже скрыла веснушки.

Вопреки обнадеживающим словам Хлои, в душе Нелл медленно, но неуклонно росла паника. Наверняка все догадываются, что она — чистый лист, на котором можно начать писать что угодно.

Собственно, так оно и было. Предостережения и увещевания, какими мать осыпала Нелл перед отъездом, благополучно выветрились из ее души. И дело было не только в том, что, как говорила Хлоя, местные девушки находились под опекой родителей, а приезжим удалось от нее ускользнуть. Просто ни мать, ни даже священник не могли толком объяснить, с чем связаны те или иные запреты.

Почему девушке нельзя жить в городе одной или даже с подругой и работать на фабрике?

Отчего она не должна учиться танцевать и что плохого в том, чтобы принимать ухаживания молодых людей?

Нелл чувствовала себя неспособной самостоятельно мыслить и принимать решения. В семнадцать лет она все еще была куском воска, глиной в руках если не Создателя, то судьбы.

Она совсем не знала себя и только чувствовала, что ей не нравится прежняя жизнь. Ее душу переполняли желания, однако Нелл не могла сказать, чего она больше хочет: хорошего заработка, уважения окружающих, верной дружбы или… любви?

Она едва не пропустила свою очередь; благо одна из девушек подтолкнула ее в спину.

Чувствуя слабость в коленях и звон в ушах, Нелл робко вошла в помещение. Ее подозвали к столу и задали несколько вопросов. Если бы ей предложили проявить какие-то способности, она бы не справилась. К счастью, как предрекала Хлоя, у нее лишь захотели узнать, сколько ей лет, где она живет (Нелл назвала адрес пансиона) и работала ли она где-нибудь прежде.

Потом ей сообщили, что она принята, и велели подождать в коридоре, а через четверть часа Нелл уже шла вместе с другими девушками за

строгой женщиной средних лет, которая должна была объяснить новеньким их обязанности.

Нелл было очень интересно посмотреть на фабрику, что называется, изнутри. Девушкам пришлось идти гуськом по узкому проходу мимо стальных поддонов с бисквитами, пробираться сквозь нагромождения тележек, корзин, деревянных ящиков и картонных коробок. Нелл оглушил шум погрузочных машин, грохот ленточного конвейера и вращающихся печей. Здесь никто ни на кого не смотрел и ни с кем не разговаривал, все были поглощены работой.

Новеньким было сказано, что они должны выполнять все указания мастера. Каждой был выделен шкафчик, где они могли оставить свои вещи.

Нелл пришлось на время забыть свою мечту о печеньях в красивых жестянках, расписанных сценами из райских снов. Ей, как и большинству новеньких, поручили укладывать галеты в большие картонные коробки, предназначавшиеся для отправки в Европу, на фронта Первой мировой войны.

Есть галеты запрещалось. Отвлекаться на разговоры — тоже.

Нелл взялась за работу со всем усердием. Сам по

себе этот труд не требовал никаких умственных усилий, но работа была организована так, что девушкам приходилось соблюдать определенную скорость. Впервые очутившись в подобной обстановке, почти все новички терялись, но Нелл твердо решила, что ничто не сможет выбить ее из колеи. В конце концов, волю и храбрость выковывают именно трудности: об этом она знала с детства.

К полудню она очень устала. Каждый мускул болел, сердце билось о ребра, в жарком помещении было нечем дышать, и все-таки Нелл не решалась остановиться ни на минуту. Когда ей начало чудиться, будто она окончательно потеряла связь с окружающим миром, откуда-то издалека донесся звон колокола, означавший, что наступил перерыв.

Немедленно послышались болтовня и смех. Большинство девушек и женщин направились туда, где стояли скамьи и шкафчики и можно было сесть и перекусить. Многие доставали из коробок и свертков нехитрые сэндвичи, которые запивали водой, холодным чаем или молоком.

Нелл не позаботилась об обеде, и Хлоя, как видно, тоже забыла о том, что днем подруга проголодается.

Нелл уже хотела вернуться в цех, дабы не соблазняться аппетитными запахами и видом еды, как вдруг одна из девушек сказала:

— Садись рядом со мной. Вижу, у тебя ничего нет? Не беспокойся, я тебя угощу.

Нелл села, смущенная ее бесцеремонностью и одновременно исполненная благодарности за заботу.

— Как тебя зовут? — спросила девушка, подавая ей половину своего бутерброда.

— Нелл. Большое спасибо!

— А меня Сиена. Не стоит благодарности. Когда-то я тоже была новенькой и точно так же едва не осталась без обеда, а все потому, что у меня не было денег.

Нелл с жадностью принялась за еду, думая о том, какое красивое имя носит эта отзывчивая девушка.

Тогда Нелл еще не знала, что оно ненастоящее, фальшивое, так же, как и все, что рассказала о себе ее новая знакомая в ближайшие четверть часа. У большинства фабричных работниц была своя выдуманная история. Это служило оправданием того, почему они очутились именно здесь, не добившись от жизни ничего лучшего.

Нелл хотелось побольше узнать о фабрике, и в

конце перерыва она спросила:

— А здешний хозяин — добрый?

— Не знаю, — усмехнувшись, сказала Сиена. — Добрый он или злой, нам от этого ни холодно ни жарко! За те три года, что я работаю на фабрике, я видела его от силы два раза.

— Тебе нравится Галифакс?

— Да, только он очень маленький. Скажем, если попадаешь в переделку, все сразу узнают об этом.

Не понимая, что имеет в виду ее новая знакомая, Нелл только пожала плечами.

— Я остановилась у подруги, — сказала она после. — Мы из одного поселка. Ее зовут Хлоя Чапман. Ты с ней знакома?

— Нет.

— Хлоя часто бывает на танцах, которые устраивают в гавани, — рискнула сказать Нелл.

Сиена не удивилась.

— Туда ходит почти вся фабрика!

— И ты тоже?

— Да, — ответила Сиена, — и я тоже.

После перерыва они встали рядом и время от времени перекидывались словом.

Они волокли по проходу очередную коробку, когда внезапно очутившийся рядом мастер про-

шипел:

— Отойдите в сторону! Сюда идет хозяин!

Сиена выпрямилась и как ни в чем не бывало вытерла рукавом потный лоб.

— Смотри, — спокойно сказала она Нелл, — тебе повезло. Сейчас ты увидишь господа бога.

Мимо сложенных штабелями колобок шла группа мужчин. Было трудно догадаться, кто из них Грегори Макдафф; все они выглядели представительными, властными и серьезными. Внезапно возникшее видение показалось Нелл возвышенным, почти священным. И хотя никто из мужчин не обратил на нее ни малейшего внимания, ее сердце громко забилось.

— Рядом с хозяином, наверное, был его сын? Говорят, он совсем недавно вернулся в Галифакс, — сказала одна из девушек, а другая добавила:

— Какой красивый!

— А я его не разглядела, — расстроенно произнесла Нелл, что вызвало у Сиены горький и едкий смех.

— Разве это важно? В любом случае он женится на наследнице большого состояния, а не на такой, как ты!

Нелл не обиделась. Ведь Сиена была права. Девушка хорошо помнила слова матери: «Не

мечтай о многом, иначе ничего не получишь».

После работы она, как и было условлено, подождала Хлою возле главных ворот.

Та сразу поинтересовалась:

— И сколько ты будешь получать?

— Кажется, пять долларов в неделю.

— Отлично! И это только начало.

— Сегодня я видела хозяина и его сына, только как следует не разглядела ни того, ни другого, — поделилась Нелл новостью и спросила: — Ты знаешь, как его зовут?

— Хозяина? Грегори Макдафф. Его имя есть на вывеске.

— А сына?

— Понятия не имею. Эти люди далеки от нас, как Луна от Земли.

Как и утром, они шли вдоль причалов, дерзко врывавшихся в бесконечность моря, и Нелл вдыхала резкие, тревожные запахи, запахи свободы и надежды. Как ни были огромны и тяжелы стоявшие на рейде корабли, они казались ей птицами, готовыми вот-вот расправить крылья и полететь.

Она наблюдала за жизнью толпы так, как смотрела бы пьесу, не имея понятия о ее содержании, не зная языка, на котором ее играют, но насла-

ждаясь талантом актеров.

Галифакс был тихим провинциальным городом, однако Нелл чудилось, будто он открыт всем ветрам. Она сразу поверила ему, как поверила бы безумному обещанию. Она мгновенно влюбилась в него, как влюбляются в суженого.

Когда они пришли домой, Хлоя отправилась к хозяйке, а вернувшись, сказала:

— Я объяснила твою ситуацию. Миссис Стритер согласилась временно оставить тебя в пансионе. Заработаешь деньги и снимешь комнату, а пока можешь пожить у меня.

Несказанно обрадовавшись, Нелл расцеловала подругу.

Воодушевленная своей удачей, она решила написать письмо матери. Все устроилось просто замечательно. В первый же день пребывания в Галифаксе она нашла жилье и работу. Ей будут платить пять долларов в неделю, а после возможна прибавка, так что со временем она станет помогать семье. И она не одна, с ней Хлоя Чапман, так что Клементина может быть спокойна за дочь.

Расписывая свое будущее, Нелл, однако же, подразумевала далеко не одинокую, безмятежную и упорядоченную жизнь. Она жаждала яркости и

веселья, романтических приключений и новых знакомств.

Устроившись на ночлег, она обратила взор к окну. Небо сверкало звездами, а море — огнями, и Нелл чудилось, будто она плывет в серебристой черноте навстречу завтрашнему утру и своей счастливой судьбе.

Глава вторая

Хотя его глаза напоминали кусочки неба, а рисунок светлых волос был похож на волны, весело набегающие друг на друга в погожий летний день, в выражении лица Дилана Макдаффа никто бы не заметил ничего радостного.

Он стоял в кабинете своего отца и смотрел на гавань. Дилан прожил в этом городе почти всю свою жизнь, но сейчас Галифакс с его складами, доками, корабельными мастерскими казался ему чужим.

По небу плыло золотое солнце, день обещал быть теплым, почти весенним, тогда как в мозгу Дилана кипели мрачные мысли, а по спине пробегал нервный холодок. Он чувствовал то же самое, что ощущал бы человек, помимо воли забравшийся на верхушку высоченного дерева или мачты.

— С начала войны производство неуклонно расширяется, — продолжал рассказывать Грегори Макдафф, — мы постоянно нанимаем новых работников. Сейчас на фабрике трудится триста рабочих. Должен признаться, мне тяжело руко-

водить предприятием в одиночку. Я нуждаюсь в помощнике.

«Но ведь у тебя много служащих, которые справятся с ролью твоей правой руки гораздо лучше, чем я!» — хотел сказать Дилан, но вместо этого спросил:

— Ты слышал о призыве Бордена[1]?

— Конечно. В Британию отправились почти двести тысяч добровольцев.

Выдержав нужную паузу, Дилан промолвил:

— Я тоже хочу вступить в армию.

Грегори Макдафф сорвался с места. Его вытаращенные светлые глаза были похожи на два сверкающих стеклянных полушария.

— Ты сошел с ума?! Ты мой единственный сын, и ты нужен здесь!

Повернувшись, Дилан холодно обронил:

— Кому?

— Фабрике. А прежде всего — мне!

— Я думаю о том, — с заметной угрозой произнес Дилан, — как это будет выглядеть? Сладкий Мальчик избежал призыва благодаря деньгам своего отца?!

Это прозвище пристало к нему, как подтаявшая

---

[1] Примечания: 1

Борден Роберт Лэрд (1854–1937) — премьер-министр Канады с 1911 по 1920 г.

глазурь шоколадного печенья пристает к пальцам, и он его ненавидел.

Мать Дилана умерла, когда он был совсем мал, и он ее не помнил. Отец был постоянно занят на фабрике, и мальчика воспитывали три любящие тетушки, которые, к несчастью, никогда не были замужем и не имели своих детей.

Однажды, когда ему было шесть или семь лет, он услышал, как кто-то сказал: «Этого ребенка явно перекормили пирожными». С тех пор Дилан не брал в рот ни капли сладкого, в чем таилась своеобразная ирония: ведь на фабрике его отца выпекались вкуснейшие кондитерские изделия.

Сейчас он не мог сказать, по какой причине одиночество стало его второй натурой, однако у него не было друзей, и он еще никогда по-настоящему не встречался с девушкой. В Торонто, где он учился в университете, юные леди добивались его внимания, однако Дилан подозревал, что их привлекали далеко не те его качества, какими он мог бы гордиться. К тому же большинство из них не заботилось ни о чем, кроме поисков подходящего жениха.

Он с детства не любил свою внешность — волнистые белокурые волосы, ярко-голубые глаза, обрамленные густыми и длинными ресницами,

тонкое нежное лицо — и содрогался, когда его называли красавчиком.

Когда пришла пора выбирать учебное заведение, Дилан категорически заявил, что не станет учиться в Далхаузи[2], а поедет в Монреаль или в Торонто. Отец согласился, но лишь с условием, что сын будет изучать экономику.

Поступив в университет, Дилан так и не сумел завести приятелей, зато занялся спортом (входившим в моду теннисом, а также плаванием и греблей) и теперь выглядел лучше, чем когда-либо: подтянутый, стройный, с ровным загаром. Но… несмотря на это, что-то неизменно выдавало в нем растерянность и ранимость, а также редкую неприспособленность к жизни.

Он ни за что не вернулся бы обратно, если б не знал, что отец нуждается в нем. Мистеру Макдаффу исполнилось пятьдесят шесть, и он стал уставать. Если отец Грегори владел всего-навсего небольшой пекарней, то сын превратил ее в фабрику с английскими печами для изготовления бисквитов. Считая тесто живой субстанцией, он мог говорить о нем часами; при всей нелюбви к семейному делу, Дилан не мог не уважать своего

---

[2] Примечания: 2
Университет Галифакса.

отца.

— Я стану твоим помощником, исполнив свой долг перед Родиной.

Дилан знал, что это звучит слишком пафосно, но он не мог придумать ничего другого.

— Твоя Родина не Великобритания, а Канада, и нам необязательно воевать. По-моему, с нас довольно того, что мы предоставили Лондону кредит на пять миллионов фунтов стерлингов и наладили производство боеприпасов и медикаментов. Впрочем, дело не в этом. Дилан! На войне всегда думаешь, что убьют другого, а не тебя. И все-таки это может случиться именно с тобой, и тогда моя жизнь потеряет смысл, а все, что я заработал за все свои годы, окажется никому не нужным.

Дилан поморщился. Его всегда коробила суета, связанная с получением прибыли. Он не мог объяснить отцу, что ему хочется понять, *что* представляет собой он сам, узнать, для чего он появился на свет, каково его предназначение. Добиться этого можно, лишь очутившись в общей массе людей, в условиях, где все равны, превратившись из «сладкого» в «обыкновенного» мальчика. На первый взгляд, армия идеально соответствовала таким условиям.

Дилан был еще молод, а потому не знал, что люди никогда не бывают одинаково равны ни перед жизнью, ни перед смертью, и в мире не существует щита, способного оградить от судьбы.

Он был рад, когда в связи с какими-то проблемами отцу пришлось завершить разговор. К тому же Дилан вспомнил об обещании навестить тетушек.

— Том отвезет тебя, — сказал отец, но сын возразил:

— Нет. Я пройдусь пешком.

Он шел к воротам, несколько нервно отвечая на поклоны встречных, а иногда делая вид, что не заметил очередной подобострастной улыбки, предназначенной ему как хозяйскому сыну. Он страдал от вынужденной любезности этих людей. Разумеется, Дилан понимал, что его обсуждают, и догадывался (или предполагал, что догадывается), какие чувства он вызывает у окружающих, а потому шел излишне быстро, расправив плечи и не глядя по сторонам.

Очутившись за стенами фабрики, Дилан был рад слиться с толпой, стать ее частью, чего он не смог бы сделать, передвигаясь по улицам города в шикарной машине.

Стоял один из тех переходных дней, когда зи-

ма отступает и воздух наполняется сладостью возрождавшейся жизни. Воздух был переполнен острым запахом морской соли. Над гаванью стелилась туманная дымка. Вода, плескавшаяся в проемах между кораблями, казалась теплой, но Дилан знал, что она еще не скоро нагреется.

Галифакс всегда был похож на тихую заводь, потому многие его жители обрадовались, когда с началом войны в нем началось оживление и будто повеяло свежим ветром: провинциальный городок вдруг стал близок к тому, что творилось в мире.

При этом люди не замечали, какими суровыми стали цвета окружающей жизни. Так гавань, прежде такая нарядная от разноцветных флагов, теперь, казалось, задыхалась от наплыва военных кораблей, чьи борта отливали сталью, а палубы ощерились смертоносными орудиями.

Подумав об этом, Дилан свернул с набережной на боковую улочку. Он вел себя странно: с одной стороны, стремился в армию, а с другой — ненавидел войну.

Когда он проходил мимо витрины магазина готового платья, что-то заставило его остановиться. Позднее Дилан говорил себе, что это была судьба, потому что в тот самый миг он увидел самую

красивую девушку на свете.

Незнакомка разглядывала одежду, заявленную как коллекция «Весна 1915 года». Здесь было выставлено несколько смелых моделей дамских жакетов почти мужского покроя, со строгими лацканами и платьев с матросскими воротниками и медными пуговицами.

Дилану случалось видеть бедных фабричных работниц, робко застывших возле магазинных витрин. Однако у этой девушки был иной вид. Она раздумывала не над тем, соответствует ли она этим вещам, а соответствуют ли эти вещи ей.

Это была одна из тех редких девушек, появление которых в любой компании заставляет всех присутствующих, обратив свои взоры к ней, мгновенно умолкнуть.

У Дилана защемило сердце. Он был готов положить к ногам незнакомки ворох нарядов, — да что там! — весь мир! Если б это было возможно, и если бы она приняла его дар.

Идеально вылепленное лицо девушки напоминало камею, нежная кожа — гладкий белый атлас, а глубокие глаза — бархат ночи. Ее голова с тяжелым узлом блестящих черных волос была слегка откинута назад, а уголки изящно очерченных губ немного приподняты. Вместе с тем в

выражении ее лица было что-то непреклонное. Судя по всему, она прекрасно осознавала власть своих чар. Хотя на ней было скромное и далеко не новое пальто, Дилану чудилось, что она способна выглядеть воплощением элегантности в любой одежде.

У него пересохло во рту. Дилан не умел знакомиться с девушками, тем более — знакомиться на улице. Но это был тот самый случай, когда промедление подобно смерти.

Случается, человек следует за своими желаниями, зная, что возврата не будет. Казалось, незнакомка проникла в каждую клеточку его тела, вызывая прежде неведомые порывы и чувства, пробуждая дерзкие мысли о восхитительных любовных отношениях, каких ему еще не доводилось испытывать.

— По-моему, раньше здесь не было магазина одежды. Он открылся недавно?

Дилан ощущал себя глупо, но это был первый вопрос, который пришел ему на ум.

Увидев в витрине отражение его лица, Миранда Фишер удержалась от резкого ответа, какой иногда себе позволяла. Этот человек был хорошо одет, молод, красив, а вдобавок выглядел взволнованным и смущенным, а также — явно

сраженным ее красотой.

Не зная, кто он, она довольно сдержанно ответила:

— Насколько я помню, в этом здании всегда располагался магазин.

— Странно. Значит, я забыл. Мне кажется, за последние годы в Галифаксе многое изменилось.

Миранда тихонько вздохнула. Она могла бы сказать, что в этом приземленном мире ничего не меняется. А если точнее, она была готова кричать об этом, если б у нее оставалась надежда, что ее кто-то услышит.

— Вы приезжий? — с нарочитым равнодушием поинтересовалась она.

— Я родился в Галифаксе, но долго отсутствовал. — По его тону можно было понять, что он не рад возвращению в родные пенаты.

Дилан смотрел на Миранду с надеждой, что их разговор продолжится, однако она поправила шляпку и натянула перчатки с явным намерением отправиться по своим делам.

Он не мог этого допустить, а потому немедля сорвался с места.

— Можно вас проводить?

Она покачала головой.

— Я вас не знаю.

От волнения у него пересохло в горле, и все же он сумел выдавить:

— Я был бы счастлив познакомиться с вами.

Миранда это знала. Многие были бы счастливы, ибо она была наделена редкостным даром нравиться буквально всем мужчинам от шестнадцати до девяноста. Однако она всегда держалась подчеркнуто строго — не потому, что это было частью ее натуры, а потому, что мать стерегла ее, будто сокровище, и берегла как зеницу ока.

— Вообще-то я редко выхожу одна. Просто моя мама заболела, и ей понадобилось лекарство.

Во взгляде Дилана промелькнуло понимание. Эта девушка, так же, как и он, была вынуждена делать то, что от нее требовалось, чего от нее хотели другие люди, а не она сама.

— Сочувствую вашей матушке. С ней что-то серьезное?

Миранда сделала гримасу.

— У нее мигрень.

— Вы уже купили лекарство?

Девушка кивнула, и тогда он повторил:

— Так я могу проводить вас домой? Меня зовут Дилан. Дилан Макдафф.

Назвав себя, он словно приоткрыл некую потайную дверь. Ей наверняка была известна его

фамилия! Он напряженно ждал ее реакции, однако она сделала вид, будто не услышала ничего необычного.

— А меня — Миранда Фишер. Мой отец врач, он работает в главной больнице Галифакса почти тридцать лет.

— Благородная профессия.

— Может, и так, только мне никогда не нравились бесконечные рассказы о болезнях и несчастных случаях. С тех пор, как началась война, мы слышим еще и о раненых, которых привозят с фронта.

— Я тоже собираюсь вступить в армию, — признался Дилан, и Миранда одарила его взглядом, в котором явственно читалось: «И зачем вам это надо?».

— Я хочу испытать себя, — почувствовав ее непонимание, неловко добавил он.

Девушка пожала плечами.

— По-моему, есть другие способы. Это необязательно делать, рискуя собой.

— Я еще ничего не решил, — поспешно произнес Дилан. — Собственно, я совсем недавно закончил учебу.

— Где вы учились?

— В университете Торонто.

— Это большой и красивый город?

— Да.

— Расскажете мне о нем? В Торонто живут дальние родственники моей мамы, но я никогда там не была.

Дилан смущенно улыбнулся.

— Расскажу, если вы все же позволите вас проводить.

Они пошли по улице. Дилан заговорил о Торонто, и ему показалось, что Миранда слушает с интересом.

Заметив, какими взглядами его спутница провожает легковые машины, которых в Галифаксе пока что было не так уж много, он тут же подумал об отцовском серебристом четырехцилиндровом «роллс-ройсе». И сказал себе, что если знакомство с Мирандой продолжится, он непременно пригласит ее покататься. Но для начала… для начала почему бы не позвать эту очаровательную девушку в кино?

Его сердце трепетало, словно лоскут на ветру, а душу снедало страстное юношеское нетерпение. Дилан понимал, что спешит, но он очень боялся навсегда расстаться с Мирандой.

Словно в подтверждение его мыслей, остановившись неподалеку от каменной арки, ведущей

в какой-то двор, она сказала:

— Дальше я пойду одна.

Он покорно кивнул, а потом выпалил:

— Давайте сходим в кино!

Во взгляде Миранды отразилось сомнение. Она была уверена, что мать не одобрит этой затеи. Но, с другой стороны, что она скажет, узнав, что ее пригласил не кто иной, как сам Дилан Макдафф?!

Немного поколебавшись, она спросила:

— А какой фильм?

— Я бы хотел посмотреть «Нетерпимость» Дэвида Гриффита[3]. А вы? Говорят, фильм очень драматичный, но заканчивается хорошо.

Миранда слегка постучала носком ботинка по тротуару.

— И в какой день?

Ей понравилось просительное, почти умоляющее выражение в его глазах, когда он сказал:

— Что, если… завтра? На вечерний сеанс?

— Только если не очень поздно. И я не обещаю, что выйду, потому что меня могут не отпустить.

— Понимаю. Я буду ждать вас в пять часов на этом месте. Хорошо?

---

[3] Примечания: 3

Гриффит Дэвид (1875–1948), американский режиссер, отличавшийся новаторскими методами съемок немого кино.

— Да. Если я не появлюсь в течение четверти часа, значит, мне не удалось уйти.

— Договорились. — Он слегка поклонился. — До свидания, мисс Фишер.

— Всего хорошего, мистер Макдафф.

Дилан смотрел ей вслед до тех пор, пока она не скрылась из виду. В те мгновения, когда Миранда проходила под аркой, он сказал себе, что если ему повезет и они станут встречаться, он сделает то, на что никогда прежде не сумел бы решиться: покажет ей свои акварели.

«Романтические глупости», — так говорил о его увлечении отец, не позволивший сыну учиться живописи и заставивший его изучать экономику.

Хотя Дилан вовсе не считал свои рисунки талантливыми, почему-то он был уверен в том, что Миранда не станет смеяться над его работами. Ведь он рисовал и заинтересовавший ее Торонто, и, конечно же, Галифакс, город, который нравился Дилану гораздо больше в те времена, когда еще не столь откровенно поклонялся богам промышленности, войны и торговли.

Между тем девушка очутилась в тесном, словно колодец, дворе, куда, казалось, никогда не проникало солнце. Здесь было сыро и плохо пахло. Она

предпочла бы, чтобы Дилан Макдафф никогда не заглядывал сюда, ведь он-то наверняка живет в собственном роскошном доме где-нибудь на Янг-стрит!

Она невольно вздохнула: какой бы привлекательной она ни была и как бы ему ни нравилась, их разделяет пропасть!

Стоило Миранде подумать об этом, как навстречу шагнул человек, для которого пребывание в таких закоулках было делом привычным.

Его руки были засунуты в карманы, верхняя часть тела слегка наклонена вперед; и поза, и выражение лица были полны настороженности и одновременно небрежности. В полутьме тупика его глаза казались темными, хотя на самом деле они были пронзительно-зелеными, а их взгляд — дерзким, неотступным, как у хищника, почуявшего добычу.

Миранда не испугалась, потому что узнала его.

— Здравствуй, Кермит.

— Что за хлыщ тебя провожал? — с ходу спросил он, не отвечая на приветствие.

Если Миранду и покоробила его грубость, она не подала виду.

— Это Дилан Макдафф. Полагаю, он сын Грегори Макдаффа, хозяина бисквитной фабрики.

Кермит присвистнул.

— Надо же! А я не узнал его. Он здорово изменился. Хотя, похоже, так и не повзрослел.

— Откуда ты его знаешь? — недоверчиво произнесла Миранда.

Кошачьи глаза Кермита сузились.

— Я помню его с малых лет. И не только помню, но и ненавижу.

— За что? Ты никогда не рассказывал мне об этом!

— Говорил, только ты забыла. Когда-то я подстерег его на улице и ударил. Он завизжал, будто его режут, а потом пожаловался папочке. Тот разузнал, кто я, и вышвырнул моего отца с фабрики. Что было потом, ты знаешь.

— Не может быть! — вырвалось у Миранды, и Кермит презрительно усмехнулся.

— Ты мне не веришь?

Она отлично знала, что он мог выдумать эту историю. Ради нее. Для того, чтобы она испытала неприязнь к Дилану.

Вместо ответа Миранда спросила:

— Почему ты его ударил?

— Потому что я не люблю изнеженных богатеньких папочкиных сынков. Так что можешь ему передать: если он посмеет за тобой при-

ударить, я разобью ему морду. Драться-то он наверняка не умеет!

На сей раз она сказала:

— Не груби, Кермит. А главное — не пытайся за мной следить. Ты прекрасно знаешь, что у меня и без тебя достаточно сторожей.

— Ну, Макдаффу они, наверное, будут рады!

Миранда тоже об этом подумала. Ее мать была одержима желанием удачно выдать свою дочь замуж. Эбби Фишер была из тех людей, кто, ничего не добившись в жизни, делает ставку на детей. Колин Фишер целыми днями пропадал на работе, а его жена управляла своим маленьким мирком так, как Господь Бог управляет целым светом.

Эбби знала, что красота девушки — это товар, а если к нему прилагается достойное воспитание, хорошая репутация и скромность, его цена возрастает вдвое.

— Впрочем, он все равно на тебе не женится, — добавил Кермит, и Миранда почувствовала себя уязвленной.

— Почему?

— Потому что ты бедна для него, как и я — для тебя.

— Известно ли тебе, — довольно резко произнесла она, — что мне вообще не хочется выходить

замуж!

Миранде казалось, что она говорит правду. В самых мыслях о браке было что-то монотонное, тошнотворно-скучное. Она мечтала изучить стенографию или машинопись (но только не медицину!), заняться интересным делом и стать такой же самостоятельной, как другие современные девушки. Она не хотела плыть по течению, не желала всецело зависеть от матери. Как и от мужа.

А еще Миранда с удовольствием остригла бы волосы и сделала модную прическу, какую уже носили некоторые молодые жительницы Галифакса, умевшие улавливать веяния времени. Однако мать, считавшая длинные волосы дочери признаком женственности, никогда бы не позволила, чтобы их коснулись ножницы. И неважно, что самой Миранде они казались символом старообразия.

Само собой она мечтала и о том мистическом единении душ, что зовется любовью, но пока не предполагала, где и когда встретит человека, способного растопить лед ее сердца.

Что касается Кермита Далтона, он принадлежал к тому типу мужчин, который ей нравился. В этом человеке присутствовала смесь наглости,

грубости, суровой мужской красоты, преданности и безрассудства. Но он был дитя улицы, и Миранда знала, что ни мать, ни отец никогда не позволят ей соединить с ним судьбу.

Они познакомились в детстве, когда Колин Фишер однажды привел в дом хмурого мальчишку в потрепанной грязной одежде и оставил его ночевать. В ответ на возражения Эбби он сказал, что с отцом ребенка произошел несчастный случай и мужчина только что умер в больнице. Матери у мальчика нет, есть только тетка, но она еще не приехала, и парнишке негде провести ночь.

Вопреки ожиданиям, тетка прибыла спустя месяц после похорон, и все это время, невзирая на энергичные протесты Эбби, Кермит жил у Фишеров.

Для Миранды, хорошенькой аккуратной девочки с двумя тугими косичками, грациозными движениями и безупречными манерами, он был существом из другого мира, его присутствие в доме вызывало в ней непонятный, волнующий трепет.

Прошло немало дней, прежде чем они стали общаться. Она уже не помнила, как это началось. Наверное, с ее стороны толчком послужило все-таки не сочувствие, а любопытство. Несмотря

на трагизм ситуации, Кермит внес в ее жизнь свежесть и обаяние новизны.

Миранде довелось узнать подробности того, что произошло с отцом Кермита. Его выгнали с фабрики, и от отчаяния он бросился под поезд. Тогда Миранда не догадалась спросить, что это была за фабрика и какова причина увольнения.

После Кермиту почти не пришлось учиться, он закончил только начальную школу и теперь перебивался случайными заработками.

Сейчас Миранда вспомнила о том, что он никогда не пытался наняться на фабрику отца Дилана, хотя там часто требовалась рабочая сила.

Все эти годы они время от времени виделись, разумеется, втайне от Эбби Фишер, которая немедленно запретила бы эти встречи. Кермит никогда не назначал Миранде свиданий, просто подлавливал ее то тут, то там, когда она, случалось, выходила из дому без матери. Иногда девушке казалось, что он дежурит под ее окнами.

Сперва это были просто дружеские встречи, но когда Кермиту исполнилось шестнадцать, его накрыла волна безудержной властной любви.

Несмотря на то, что его путь был изматывающим и трудным, что ему приходилось бороться за каждый новый день, а она существовала под

крылом любящих родителей, в почти тепличных условиях, они были чем-то похожи. Ни ей, ни ему не нравилась жизнь, которой они жили, и оба втайне от окружающих мечтали о чем-то другом.

Однажды Кермит обмолвился, что давно покинул был Галифакс, если б не она, и Миранда была вынуждена признаться себе, что страшится его отъезда и не хочет его терять.

Конечно, она догадывалась, что у него случались далеко не невинные отношения с другими девушками, что он давно постиг те стороны жизни, о каких она не имела понятия. Но его сердце неизменно принадлежало ей, и, похоже, то был единственный якорь его одинокой бродячей жизни.

Понимая, что они слишком разные, что она никогда ему не достанется, Кермит все-таки продолжал о ней мечтать.

Миранда выросла в атмосфере, полной рассказов отца о пациентах и их болезнях, бесконечных недомоганий матери (помогавших Эбби Фишер держать дочь на коротком поводке), а Кермит никогда не болел, и его мускулы, равно как и воля, были тверды, как железо. Он с детства привык участвовать в уличных драках и пережил немало

опасных приключений.

— Я собираюсь записаться в армию, — сказал Кермит, и Миранда вздрогнула.

Странно, что сегодня она дважды услышала это, причем от столь непохожих людей, как Кермит Далтон и Дилан Макдафф! Она, не выносящая вида крови, ран и увечий, как и упоминания о них!

Ей хотелось закричать и топнуть ногой. Какой смысл в кровавой бойне?! Отец Миранды говорил, что для сильных мира сего война — раздолье, широчайшее поле деятельности, тогда как простые люди вынуждены страдать и умирать.

— Зачем тебе это? Долг перед Родиной? — спросила она, полная презрения к никчемному показному героизму.

Он усмехнулся.

— Нет, долг перед самим собой.

Брови Миранды поползли вверх.

— Разве война — это что-то личное?

— То, что волнует человека, это всегда что-то личное.

— Почему тебя должна волновать война?

— Потому что я мужчина.

— Я не хочу, чтобы ты шел на войну. На мой взгляд, это глупо. Кого ты собрался защищать? Даже мне известно, что Канаде ничто не угрожает!

В ответ Кермит произнес то, чего она никак не ожидала услышать:

— В данном случае твое мнение не имеет значения.

Высоко подняв голову, она посмотрела ему в глаза.

— Дилан Макдафф тоже сказал, что запишется в армию.

Кермит задохнулся от возмущения:

— Что этому неженке делать на фронте? Да его прикончат в первом же бою! А еще вернее он сам сбежит — обратно к своему папочке! Послушай, ты в самом деле намерена с ним встречаться? Если так, то…

— Мне пора, Кермит, — решительно перебила она, — я без того задержалась. И, пожалуйста, оставь свои угрозы при себе.

Спустя несколько минут Миранда вошла в квартиру, где с рождения жила вместе с родителями. Это был замкнутый мир, душный, тесный и поразительно однообразный.

Ковер в гостиной был вытоптан: кое-где из его основы торчали похожие на солому нити. Абажуры ламп потускнели от пыли, вышитые сиденья стульев поблекли. От потолка кое-где отвалилась штукатурка, некогда блестящие полы из широ-

ких дубовых досок потемнели. Из оконных щелей сильно дуло.

Колин Фишер не думал о быте. Он был настолько увлечен своей работой, что был готов проводить время в больнице даже за бесплатно (что нередко и делал). Что касается Эбби Фишер, та была свято уверена в том, что все чудесным образом переменится с замужеством дочери.

А Миранда? Она просто не могла ничего изменить. Во всяком случае, так ей казалось.

— Почему так долго? — тусклым голосом произнесла лежавшая на тахте мать.

— В аптеке была очередь, — привычно солгала Миранда.

Такой «привычной *лжи*» на ее памяти было много. Например, когда она притворно сочувствовала материнским недугам. Когда на словах потакала желаниям родителей, понимая, что в реальности ни за что не захочет их исполнять.

Однако сейчас она была намерена сказать правду, будучи уверенной в том, что *такая* правда отвечает интересам матери:

— Мама, Дилан Макдафф пригласил меня в кино. Мне можно пойти?

Мгновенно приподнявшись, Эбби Фишер спросила:

— В кино? Дилан Макдафф? А кто это?

— Сын Грегори Макдаффа, владельца бисквитной фабрики, — небрежно произнесла Миранда.

— А где ты с ним познакомилась? — Эбби не была намерена отступать от своих принципов даже под страхом смерти. — Неужели на улице?!

— В аптеке. Он стоял за мной в очереди, и мы разговорились. Он недавно вернулся из Торонто, где получал образование.

— Не думаю, что у этого человека могут быть серьезные намерения. Он наверняка избалован женским вниманием.

— Он показался мне скромным, даже застенчивым.

— Почему он с тобой заговорил?

— Потому что я красива, — в голосе Миранды не было ни тщеславия, ни кокетства, лишь холодная уверенность. — Мама, если я не приму приглашения Дилана Макдаффа, то никогда не узнаю о его *намерениях.* В том, что девушка идет в кино с молодым человеком, нет ничего необычного, а тем более — страшного.

Эбби задумалась. Способен ли богатый юноша жениться на красивой, но не слишком обеспеченной девушке? Ей хотелось верить в чудеса такого рода, хотя она не сомневалась в том, что жизнь

— это пьеса, где все развивается не хаотично, а по определенному сценарию и где каждый актер играет определенную роль, а потому испытывать судьбу не только неразумно, а даже глупо.

— Ладно, — сдалась она, — ты можешь пойти. Только возвращайся домой сразу после кино!

Миранда встрепенулась. Сам того не подозревая, Дилан Макдафф уже подарил ей глоток свободы! Подумав об этом, она испытала к нему, человеку, которого почти не знала, неожиданно теплое, почти нежное чувство и поняла, что с нетерпением ожидает их встречи.

Глава третья

В субботу на фабрике был короткий день, и, едва вернувшись домой, Хлоя принесла от хозяйки утюг, полный раскаленных углей: она собиралась погладить наряды, в которых им с Нелл предстояло пойти на танцы.

Для себя Хлоя выбрала темно-синее платье с многослойной юбкой и поясом с застежкой из серебристого металла. Она заплела темно-каштановые волосы в косу и тщательно уложила ее вокруг головы.

Свято веря в то, что больше всего рыжим идет травянисто-зеленый цвет, она предложила Нелл подходящее платье с блестящими пуговицами и широким поясом, который завязывался сзади большим бантом. Хлоя одолжила ей даже гладкие, как стекло, шелковые чулки, пусть и с бумажным верхом, и Нелл пришла в полный восторг: ей еще не доводилось носить такие изящные модные вещи!

— Ничего, — успокоила Хлоя, — как только начнешь хорошо зарабатывать, купишь себе все, что захочешь.

Девушка кивнула, при этом вспомнив, что собиралась отсылать большую часть заработка матери и сестре. Что же тогда останется для себя?

Неприятная мысль промелькнула и исчезла: сегодня ничто не могло испортить ее настроения.

Пока Хлоя гладила одежду, Нелл безуспешно пыталась запудрить веснушки. А еще ей предстояло разучить основные па, и было совершенно ясно, что они с Хлоей не успеют поужинать. Впрочем, подруга сказала, что можно перекусить по дороге.

Когда они вышли на улицу, на город опустился вечер. Девушки шагнули в толпу, которая текла по тротуарам, словно огромный живой поток. Люди переговаривались и перекликались. Шуршали шины автомобилей, стучали колеса повозок. Город пребывал в постоянном движении, и Нелл жаждала попасть в ритм его жизни, стать его частью, уловить свое место в его изменчивом мире.

На углу, как и в день ее приезда, продавали сосиски, которые готовились на газовом гриле. Аромат подкопченных колбасок, жареного лука, острого соуса, сладкой горчицы и теплых свежих булок был чудесен — Нелл вдохнула его полной

грудью, стараясь задержать в себе и чувствуя, как нутро заполняет ожидание неземного блаженства.

Отстояв небольшую очередь, они с Хлоей взяли две порции по десять центов и принялись с жадностью уплетать сосиски, одновременно оживленно болтая.

Нелл уже поняла, что жизнь города, по улицам которого гулял вольный атлантический ветер, целиком подчинялась делам порта. Ее поражало все, что она видела: массивные военные корабли, переброшенный через гавань легкий ажурный мост, ведущий в Дартмут, город-близнец Галифакса, звездообразная цитадель на высоком холме.

Хлоя и Нелл шли туда, куда стремилось множество веселых и ярких, как бабочки, девушек и получивших увольнительные военных в зеленой форме. Похоже, здесь собралась вся городская молодежь, и дабы обратить на себя внимание, каждый старался перещеголять другого. Так, целая компания молодых людей в штатском въехала на пристань в стареньком «форде» с таким шиком, будто они прилетели на аэроплане.

Нелл обрадовалась, заметив Сиену, непривычно нарядную, с кукольно завитыми белокурыми волосами и сильно подведенными глазами.

Увидев, что Нелл не одна, а с подругой, она ограничилась безмолвным кивком и затерялась в толпе девушек.

— Мы работаем вместе, — пояснила Нелл.

— Я ее знаю, — обронила Хлоя, — прежде она была в нашем цехе, но потом ее перевели.

— А она говорила, что не помнит тебя! У нее очень красивое имя, Сиена, и когда она накопит немного денег, то устроится на киностудию.

Хлоя рассмеялась.

— Все это вранье! Никакая она не Сиена, ее зовут Сьюзен. Кому она нужна на киностудии? Возомнила себя Мэри Пикфорд[4]! Она не желает признаваться в знакомстве со мной, потому что мне известно о ней кое-что не слишком хорошее. Впрочем, не только мне, а всем, кто с ней работал. Она была беременна и избавилась от ребенка.

— Избавилась от ребенка? Какой ужас!

— Вот и я о том же. Потому будь осторожна: здесь много желающих свести с девушками легкое знакомство.

Очутившись на палубе корабля, который возвышался над водой, словно утес, Нелл вцепилась

---

[4] Примечания: 4

Пикфорд Мэри (1892–1979), кино- и театральная актриса канадского происхождения. Легенда американского немого кино, снявшаяся примерно в 250 фильмах.

в руку подруги. Здесь было столько народу, и стоял такой гул! Все толпились, теснились, толкались, то ли стараясь отыскать знакомых, то ли желая занять место получше.

Над головой пестрели разноцветные флажки и сияли огни фонарей. Пахло морской водой, пудрой, духами, железом и потом. Волны казались маслянистыми и тяжелыми, берег таял во мгле, а под ногами, несмотря на то, что судно стояло на якоре, ощущалась качка. На мгновение Нелл почудилось, что корабль вот-вот унесется в море вместе с массой людей, словно отколовшаяся льдина.

Большинство юношей стремилось выбрать себе пару еще до того, как начнет играть оркестр. Поняв, что она, как и все остальные, стала предметом пристального изучения, Нелл ощутила неловкость, если не сказать — страх. Ее колени одеревенели, а тело словно овеяло сквозняком. А если ее никто не пригласит? А если пригласит, и она так смутится, что не сможет танцевать?!

Внезапно она заметила человека, который стоял неподалеку от нее. Он держался с видимым безразличием, между тем у него был притягательный оценивающий взгляд и от него исходило ощущение такой внутренней силы, что Нелл

невольно обратила на него внимание.

У него были черные волосы и светло-зеленые глаза с темной каймой, мужественное и немного жестокое лицо.

— Даже не смотри в ту сторону, — прошептала Хлоя, заметив направление взгляда Нелл. — Это Кермит Далтон. Слишком много девушек отдали ему свое сердце и, подозреваю, не только сердце. Но только не та единственная, в которую он и впрямь влюблен!

— Она здесь? — с любопытством спросила Нелл.

— Она не ходит на танцы, а если б пришла, многие девушки лишились бы кавалеров. Миранда Фишер — одна из первых красавиц Галифакса. Она похожа на киноактрису куда больше, чем эта Сьюзен: у нее темные глаза и волосы и белая кожа, а еще — замечательная фигура, — ответила Хлоя. — Правда, она очень высокомерна и никогда ни на кого не смотрит.

— А почему она ему не достанется?

— Потому что на самом деле он никто и ничто.

Хлоя хотела еще что-то сказать, но в этот миг заиграл оркестр, и прежде хаотичное движение на палубе мало-помалу приобрело более-менее упорядоченный характер.

Пятачок, на котором стояла Нелл, понемногу пустел. Разрумянившуюся от удовольствия Хлою увел высокий военный. А потом, в гуще танцующих, Нелл разглядела Сиену-Сьюзен, которую обнимал молодой человек в лихо заломленной на затылок фетровой шляпе.

Нелл ни о чем не думала, она просто наслаждалась невиданным действом, атмосферой праздника, иллюзией счастья, исходившей от окружавших ее людей. Она ничуть не переживала от того, что ее никто не приглашает: так было даже спокойнее.

— Вы танцуете? — вдруг раздалось над ухом, и она не сразу поняла, что обращаются к ней.

Повернувшись, Нелл увидела того самого человека, которого заприметила в самом начале вечера и от знакомства с которым ее предостерегала Хлоя.

Она молчала в растерянности, не зная, что ответить, между тем он продолжил:

— Вероятно, вы впервые на танцах?

Она молчала и не двигалась, завороженная взглядом его зеленых глаз, но потом ей в лицо ударил отрезвляющий морской ветер, и Нелл почувствовала, что в голове проясняется.

— Почему вы так решили?

— По выражению вашего лица. Ясно, что для вас тут все в новинку.

— Вы ошибаетесь, — упрямо заявила Нелл, решив не сдаваться без боя.

— Возможно, но только прежде я вас тут не видел.

— Здесь так много народу; разве возможно запомнить всех?

Он улыбнулся, обнажив крепкие белые зубы.

— Девушку с пламенем на голове я едва ли сумел бы забыть!

Нелл вздрогнула. «Горели» не только ее рыжие волосы, в ней пылал неожиданно сильный внутренний огонь, и она не знала, почему. Возможно, от возмущения? Сделав над собой усилие, она выдавила:

— Вы смеетесь надо мной?

— Нет, я говорю вам, что вы особенная, непохожая на других.

— Из-за волос?

— Не только. Пойдемте танцевать?

Опустив ресницы, Нелл неожиданно призналась:

— Я еще никогда не танцевала.

— Значит, все-таки я был прав?

— Да.

— Вы совсем не умеете?

— Подруга кое-что показала, но…

— Не беспокойтесь, — перебил он, — я тоже не очень хороший танцор. Так что поучимся вместе.

Его объятия были уверенными, но не навязчивыми, он хорошо слышал музыку и умело вел Нелл, которая умирала от смущения и восторга. Подумать только, всего неделю назад она прозябала в крохотной деревушке, вдали от мира, а теперь танцует с молодым человеком! Мечты и страсть образовали в ее душе чудесный сплав, будоражащий нервы и не поддающийся описанию. Непрерывное кружение, водоворот красок, ритмичные скользящие движения — что может быть лучше!

Когда музыка смолкла, кавалер отвел ее на место, но не стремился покинуть.

— Следующий танец тоже мой.

Нелл показалось, что это утверждение, а не вопрос, и она не знала, как реагировать, а молодой человек, казалось, наслаждался ее растерянностью.

— Признайтесь: на ваших щеках золотая пудра? — с улыбкой промолвил он и, не дав ей ответить, спросил: — Как вас зовут?

— Нелл.

— А меня — Кермит. Вы давно в Галифаксе?

— Несколько дней. А вы?

— Я здесь родился и вырос.

— Это хороший город?

На его лицо набежала тень.

— Для тех, кто не хочет ничего менять в своей жизни, не стремится что-либо повидать или узнать что-то новое. Вы устроились на работу?

— Да, на бисквитную фабрику Макдаффа. Подруга написала, что там требуются работницы, и я приехала в Галифакс.

— В последнее время я слишком часто слышу это имя, — заметил Кермит, и в его голосе послышалось нечто угрожающее.

В нем вообще было много угрозы: мыслям и чувствам Нелл, ее образу жизни. Она понимала это, потому, когда он предложил проводить ее домой, поспешно произнесла:

— Нет, я пойду с подругой!

Он не удивился и только сказал:

— Тогда давайте сходим в кино?

— Я не могу.

— Почему? Тоже договорились с подругой?

— Нет, но я…

Кермит громко рассмеялся. Нелл заметила, что

он ведет себя так, будто вокруг никого нет.

— Вы думаете, что это дурно, но не знаете почему. А я скажу вам, что это совершенно обыкновенно и нормально. Мы просто посмотрим фильм. В кинематографе вы тоже не были?

Нелл поняла, что он читает ее, как раскрытую книгу.

— Не была.

— Значит, побываете. Я зайду за вами после работы, скажем, завтра. Назовите адрес.

Когда она ответила, он спросил:

— Это пансион?

— Да. Я временно живу у подруги.

— Хорошо, тогда я буду ждать вас у входа.

На обратном пути, как и следовало ожидать, Хлоя беспрестанно выговаривала ей:

— Я предупреждала тебя насчет Кермита Далтона, а ты меня не послушалась. Знаешь, кто ты для него? Деревенская дурочка! Его все знают, и с ним мало кто связывается, вот он и охотится на свеженьких. У него ужасная репутация.

— Правда?!

Хлоя сокрушенно покачала головой.

— Уверена, Далтон довел до беды не одну девчонку. Ему хорошо известно, что многие, приезжая сюда из глуши, теряют голову. И он пре-

красно знает, что им сказать и как себя повести.

— Мы всего лишь танцевали! — защищалась Нелл.

— Только не говори, что он ничего тебе не предлагал!

Подумав о том, что она слишком многим обязана Хлое, девушка призналась:

— Он хотел меня проводить, но я отказалась. А еще он пригласил меня в кино.

— Вот видишь!

— А что в этом плохого?

— Ты полагаешь, он хочет посмотреть с тобой фильм? Едва выключат свет, как он полезет тебе под юбку!

Нелл испуганно вздрогнула.

— Тогда я с ним не пойду.

— Наконец-то я слышу разумные слова.

Когда они подошли к дверям пансиона, Нелл показалось, что наступила глубокая ночь. Горизонт был залит угольной чернотой, и оттуда веяло дыханием чего-то от века свободного, мощного и великого, неподдающегося земным законам. Девушке чудилось, что человеку ничего не стоит растаять, раствориться в этой бесконечности и темноте, и она впервые подумала о том, как ничтожна, коротка, непонятна, а порой и страшна

жизнь.

— Слушайся моих советов, и с тобой все будет в порядке. Но если ты решишь идти своим путем, тогда на меня не рассчитывай, — сказала Хлоя, и Нелл согласно закивала.

Пока у нее не было ничего своего. Она жила в комнате Хлои, даже взяла у нее одежду, а значит, должна была перенять и образ мыслей. К тому же все, что говорила подруга, казалось очень правильным. Нелл говорила себе, что Хлоя старше и умнее, а потому с ней не следует спорить.

В понедельник на фабрику поступил срочный заказ, и девушкам пришлось еще быстрее укладывать горы галет. То ли из-за напряженной работы, то ли по другой причине, но только Нелл показалось, что Сиена ее избегает.

Улучив момент, девушка сказала:

— Как тебе танцы?

Сиена пожала плечами. Сегодня она выглядела иначе, чем вчера: белесые ресницы, бледный рот, морщинки в уголках глаз. Прежде уложенные кокетливыми локонами, а теперь напоминавшие паклю волосы были свернуты на затылке небрежным узлом.

— Как всегда. Ничего особенного. Я уже привыкла. Надо же как-то убить время.

— Там появляются новые люди?

— В последнее время чаще. В основном солдаты и офицеры из гарнизона. Ну, а местных мы все давно знаем.

Набравшись смелости, Нелл промолвила:

— Вчера я познакомилась с неким Кермитом Далтоном. Что ты можешь о нем сказать?

Сиена равнодушно пожала плечами.

— Красивый и дерзкий парень, но без будущего. Он даже не закончил школу. Трудится то на укладке рельсов, то еще где-нибудь, постоянного занятия у него нет, к тому же он будто терзает себя изнутри. То ли несчастная любовь, то ли что-то еще…

Нелл удивилась: она не заметила в Кермите ничего подобного, хотя Хлоя и говорила о том, что он безнадежно увлечен какой-то девушкой. Впрочем, Нелл почти его не знала. И после обещания, данного подруге, уже не надеялась когда-нибудь узнать.

Она подумала, что, пожалуй, будущее человека зависит не только от того, учился ли он в школе и имеет ли постоянный заработок, но и от чего-то еще.

— Послушай, Сиена…

— Твоя подруга наверняка сказала тебе, что

меня вовсе не так зовут! — резко перебила девушка. — Да, мы вынуждены что-то придумывать, чтобы реальность не казалась нам слишком страшной. Что такое неудача и бедность? Это судьба, которую нельзя изменить.

— Я вовсе не лезу в чужую жизнь, — растерянно пробормотала Нелл.

До конца смены они не разговаривали, а когда Нелл возвращалась домой вместе с Хлоей, ее уже не столь сильно радовал оживленный сияющий город и веселые толпы народа. Неожиданно она вспомнила дом, где все было таким искренним, простым и привычным. Представила, как солнце поднимается над холмами, меняя их цвет, преображая все, даже некрашенные, покосившиеся, вросшие в землю домишки, как трава искрится росинками, а река убегает вдаль, подобно широкой и бесконечной дороге.

Хлоя сказала, что зайдет в лавку за продуктами, а подругу отправила в булочную.

Войдя туда и увидев горы сдобы, Нелл вспомнила материнские лепешки, и у нее защемило сердце. Купив багет, она поспешно вышла на улицу, и у дверей пансиона столкнулась с Кермитом.

Она сразу поняла, что вчера, на танцах, не раз-

глядела его как следует. Он был по-настоящему красив, просто это не бросалось в глаза. Длинные темные ресницы, мужественный подбородок, выразительные скулы. И эта страстная беспощадная пронзительность во взоре! Его одежда была грубоватой и простой, но это нисколько не портило его облика.

— Вы что, забыли о своем обещании? — спросил он.

— Нет, просто моя подруга…

— Вы живете чужим умом? Она вас запугала? Сказала, что я начну приставать к вам в темноте?

Нелл вспыхнула. Насколько он самоуверен и груб!

— Я вас слишком плохо знаю.

— Так попытайтесь узнать. Подарите вторую жизнь моей сомнительной репутации.

Сейчас он улыбался так, будто не принимал всерьез не ее, а самого себя.

Внезапно Нелл поняла, что ей до боли хочется пойти с ним в кино и что она ничего не боится. Рядом с ним все остальное в жизни казалось второстепенным.

Но как быть с Хлоей и куда девать только что купленную булку? Вновь прочитав ее мысли,

Кермит сказал:

— Я понимаю, что вы зависите от своей подруги, но с ее стороны не очень-то честно навязывать вам свои взгляды. Не беспокойтесь, я доставлю вас домой до темноты. А булку мы съедим по дороге.

Они пошли по улице. Нелл не было стыдно ни за свой потрепанный жакет, ни за поношенные туфли, ни за простую прическу, потому что она видела, что Кермит не обращает на это никакого внимания. Он рассказывал ей про Галифакс, он знал много интересных фактов, о каких та же Хлоя не имела понятия. Нелл сразу отметила, что он не производит впечатления необразованного человека: вероятно, ему были свойственны природная любознательность и ум.

Так, Кермит сказал, что незамерзающая гавань Галифакса считается второй по величине городской гаванью после Сиднейской, что гордость города — старинные башенные часы приказал изготовить принц Эдвард, герцог Кента, цитадель признана самым мощным укреплением на восточном побережье материка, а маяку на острове Джордж Айленд почти сто лет.

Он практически не говорил о себе, и Нелл стеснялась спросить, живы ли его родители и чем он

сейчас занимается. Единственное, что она узнала о Кермите за то время, пока они шли к кинотеатру, что он начинает плавать в заливе с ранней весны: это свидетельствовало об отменном здоровье, а еще — о силе воли.

Он заплатил за два билета, и они вошли в зал. Нелл понятия не имела, как называется картина, которую они будут смотреть; впрочем, это не имело значения.

В зале было жарко, душно и тесно. Зрители с толкотней и шумом занимали свои места. Вдруг Кермит сделал стойку.

Мимо них прошла молодая пара. Нелл не разглядела мужчину, зато обратила внимание на девушку.

Ее одежда была скромной и вместе с тем выгодно подчеркивала прелестные изгибы ее тела — потому что эта девушка обладала редкостной природной грацией и изяществом. Она была из тех, кто, порой сам того не ведая, царит над окружающим миром, в котором им подчиняются и люди, и вещи. Идеальный нос, тонкие дуги бровей, блестящие волосы, безупречно изогнутые губы.

Каким-то непостижимым образом Нелл догадалась, что это и есть Миранда Фишер.

На фоне столь ослепительной красавицы Нелл выглядела обыкновенной рыжей девчонкой. И без того не любящая кричащие цвета своей внешности, теперь она окончательно приуныла. Благородство не может быть ярким, ему свойственна черно-белая гамма.

Во время сеанса Кермит вовсе не думал приставать к Нелл; казалось, он и вовсе о ней позабыл. Девушка чувствовала, что его тело превратилось в камень, а нервы — в комок оголенных электрических проводов. Кермит не видел фильма, он думал только о людях, сидевших впереди, на лучших местах: о красивой девушке и ее спутнике.

Нелл ошибалась: он размышлял не о Миранде, а о том, что произошло много лет назад.

Мать Кермита ушла из семьи, отец был угрюмым, замкнутым человеком, возможно, даже страдающим неким душевным расстройством. Он работал на бисквитной фабрике ночным сторожем, и Кермит видел его слишком редко, да и тогда отец почти не разговаривал с сыном.

Кермит не привык просить у отца деньги даже на самое необходимое, а потому, когда заканчивались уроки, продавал на улицах газеты, или чистил обувь, или разносил молоко, или делал что-то еще. Он никого не боялся и, случалось,

дерзил даже взрослым. Он не сетовал на свое положение и не жалел себя. Или, во всяком случае, ему так казалось.

Кермит хорошо помнил, как заприметил противного мальчика, сына хозяина бисквитной фабрики Грегори Макдаффа (впрочем, кто они такие, он узнал впоследствии). Подметая улицу, он видел, как в одно и то же время в сопровождении пожилых дам мимо проходит (или проезжает на машине с шофером) богатый мальчишка в нелепом костюмчике: бархатной куртке с бантом, дурацких штанах с завязками, доходящих до колен, белых чулках и туфлях с пряжками.

Эти штаны и чулки до крайности раздражали Кермита, но и сам мальчишка бесил не меньше. Он был толстый и розовый, словно молочный поросенок, кудрявый, как ангелочек, и весь какой-то приторный, будто обсыпанный сахарной пудрой, с ярко-голубыми глазами и похожим на спелую малину ртом. Таких детей обычно изображали на коробках с рождественскими подарками.

Поскольку «поросенка» сопровождала свита щебечущих и кудахтающих тетушек, Кермит не мог ни ударить его, ни даже просто показать ему язык. А «ангелочек» вышагивал надутый и важный, лоснящийся и довольный.

Кермит ненавидел этого мальчика и мечтал толкнуть его так, чтобы тот упал и разбил свои круглые розовые коленки о камни мостовой.

Он приобрел привычку следить за врагом, которого сам же себе и придумал, и вскоре узнал намного больше. Он видел, как под Рождество возле дома мальчишки выгружают подарки и пушистую елку, тогда как у самого Кермита никогда и ничего не было. Он слышал, как тетушки по сто раз спрашивают своего воспитанника, не голоден ли он и не холодно ли ему, между тем отец Кермита никогда не интересовался ни самочувствием, ни желаниями своего сына.

И вот однажды Кермиту повезло. Выйдя из машины, мальчишка на какое-то время остался на тротуаре один. Не отдавая себе отчета в том, что он делает и чем это может закончиться, Кермит подскочил к нему, схватил за шиворот бархатной курточки так, что затрещал воротник, и влепил «свиненку» пощечину, после чего швырнул его на грязную мостовую и принялся пинать ногами.

Вместо того чтобы попытаться дать сдачи, мальчик заревел, как девчонка, завизжал, как самый настоящий поросенок. Тут же из машины выскочил шофер и поймал не успевшего убежать Кермита. Тот царапался и кусался, но мужчина

держал его слишком крепко.

Началось дознание. Кермит наотрез отказался признаться, кто он такой, но его выдал кто-то из уличных приятелей, очевидно, за пару центов.

Его пригрозили выгнать из школы, а спустя пару недель отца уволили с работы. Кермит был уверен в том, что это связано с нападением на Дилана Макдаффа.

Ночью отец исчез. Как выяснилось, он бросился под поезд. Он не оставил сыну ни записки, ни денег, а лишь непонимание, вину и боль. Тетка, у которой были свои дети, позволила Кермиту окончить начальную школу, а потом он пошел работать.

Он давно жил отдельно, но иногда заходил к ней, если ему хотелось поесть домашнего супа или удавалось заработать побольше денег, которыми он мог поделиться с ее семьей.

Единственным светлым воспоминанием его детства были разговоры с девочкой по имени Миранда, каких он не вел ни до, ни после. Кермит не мог сказать, каким образом она вывела его на откровенность. Наверное, уже тогда его поразила ее красота — сразу и в самое сердце.

А теперь эта девочка, превратившаяся в прекрасную девушку, пришла в кино с тем самым

Диланом Макдаффом!

Кермит удивился, как сильно тот изменился: стал стройным, даже худощавым. Тело Дилана утратило рыхлость, лицо побледнело, а волосы уже не кудрявились, как у ангелочка, а лежали крупными волнами. Он был красив, и в его голубых глазах отражались благородство и интеллект. А еще в их взгляде таилась несколько озадачившая Кермита уязвимость. Вероятно, у этого внешне благополучного, богатого парня были свои скелеты в шкафу.

Впрочем, Кермиту не было ни малейшего дела до его секретов. Он знал только одно: Дилан Макдафф не имеет и не может иметь никаких прав на Миранду Фишер.

Глава четвертая

Поскольку фильм произвел на Миранду и Дилана сильнейшее впечатление, они проговорили о нем всю обратную дорогу.

В «Нетерпимости» были показаны сразу четыре эпохи: Древняя Иудея, Вавилон, средневековая Франция и современный мир на пороге гибели. Миранду больше всего поразили истории из прошлого, а Дилана — видения Апокалипсиса.

— Лилиан Гиш[5] сыграла просто великолепно — такое выразительное лицо! Со временем она наверняка затмит Мэри Пикфорд, — сказала Миранда.

— Поражаюсь, как Гриффиту удалось объединить столько тем!

— Я не ожидала, что невинно осужденного Дженкинса все же помилуют.

— Спасение в последнюю минуту — это конек Гриффита. Впрочем, как и искупительная жертва.

— Вы видели другие его картины? — поинтере-

---

[5] Примечания: 5

Гиш Лилиан (1893–1993), одна из самых знаменитых и значительных актрис американского немого кино.

совалась Миранда.

— Только «Много лет спустя».

— Надеюсь, этот режиссер снимет еще много фильмов.

— Мне очень понравились слова, произнесенные в финале: «Истинная любовь принесет нам вечный мир», — сказал Дилан.

Несмотря на сумерки, Миранда заметила краску в его лице. Ей нравилась его застенчивость, хотя вообще-то она предпочитала парней посмелее.

Почему-то ей казалось, что Дилан Макдафф еще не знал женщин, а ведь ему наверняка было не меньше двадцати трех.

Запертая в четырех стенах, Миранда, тем не менее, стремилась быть современной девушкой: она много читала, в том числе и о вопросах пола. Отправившись в библиотеку, она набирала кучу целомудренных, чопорных, скучных романов, которые демонстрировала матери, а сама тем временем прятала под матрасом что-то более откровенное. Поскольку сама Эбби никогда не ходила за книгами (она интересовалась в основном журналами по домоводству, которые выписывала на дом), Миранда не опасалась того, что библиотекари расскажут матери об ее истинных

пристрастиях.

Дилан Макдафф хорошо разбирался в современном кинематографе, знал имена известных режиссеров и знаменитых актеров. А еще он признался, что дома у него есть новенький патефон известной английской компании Parlophone Lindex с кучей модных пластинок.

— Вы танцуете? — оживилась Миранда.

Он вновь смутился.

— Немного. А вы?

Она не удержалась от горькой усмешки.

— Я танцую у себя в комнате, тайком, наедине с собой и без музыки. Меня никуда не пускают.

— Жаль. Мне бы очень хотелось послушать пластинки вместе с вами.

— Едва ли это возможно, — сказала Миранда, хотя она многое отдала бы за то, чтобы увидеть, как он живет.

— Как вы думаете, а я могу к вам прийти? — робко спросил Дилан. — Я согласен увидеться с вами в присутствии вашей матушки и отца.

То, что он сразу заговорил о визите к ее родителям, свидетельствовало или о его крайней неопытности, или о пресловутых «серьезных намерениях».

Миранда втайне улыбнулась.

— Я поговорю с мамой. Думаю, она позволит мне пригласить вас в гости.

Дилан просиял.

— Я был бы счастлив!

Миранда чувствовала, что он говорит правду, так же, как знала, что даже оставшись с ней наедине, Дилан Макдафф не позволит себе никаких вольностей.

Если бы, несмотря на его богатство, с ним было неинтересно общаться или он бы повел себя высокомерно и властно, она бы без колебаний прекратила это знакомство, но он казался таким любознательным, живым и одновременно милым…

— Так вы не против… встречаться со мной?

Подумав о веренице дней, наполненных чем-то предсказуемым и незначительным, дней, которые текли уже много лет, не принося ничего нового, Миранда искренне ответила:

— Я согласна.

— Что, если ваша мама разрешит вам прогуляться со мной в парке? А еще у моего отца есть машина, и я…

— Не стоит спешить, — перебила Миранда.

— Вы сердитесь? — казалось, он искренне испугался.

Она рассмеялась.

— Не очень.

Миранде нравилось его преклонение перед ней. Она легко могла представить этого юношу обнимающим ее колени, словно она была богиней.

Миранда невольно сравнила Дилана с Кермитом, и сравнение оказалось не в пользу последнего. На фоне Дилана Кермит выглядел необразованным, грубым человеком, одержимым чисто плотскими страстями.

Было довольно поздно, потому они простились. Миранда обещала поговорить с матерью и завтра же передать Дилану ее ответ.

Она была уверена в том, что этот молодой человек с его мягкими, приятными манерами произведет на Эбби самое выгодное впечатление, но войдя в квартиру, поняла, что не хочет, чтобы Дилан Макдафф приходил к ней домой.

Что он скажет о старой мебели, выцветших обоях, следах от мыльных брызг в ванной комнате, о скоплении ненужных вещей в тесной прихожей?

А что он подумает о ее матери? Эбби Фишер наверняка наденет платье с пышным декоративным треном, какие уже никто не носит. У нее

было одутловатое лицо, слишком пристальный взгляд и неряшливые пряди седых волос на висках, напоминавшие паутину.

Чего доброго, она начнет напрямую выспрашивать Дилана, как он относится к ее дочери, или интересоваться семейным предприятием Макдаффов! А не то начнет жаловаться на свои многочисленные придуманные болезни.

«Какая ирония — супруга врача и так больна!» — скажет она, и Дилан наверняка удивится: «Почему же он не может вас вылечить?»

«Потому что мой отец не психиатр», — подумала Миранда, продолжая воображаемый разговор.

Но, с другой стороны, он же придет не к ее родителям, а к ней!

Она была драгоценной жемчужиной в грязной раковине, но едва ли это помешает Дилану, если она ему по-настоящему нравится. И вряд ли он решит, что обстановка ее жилья неотделима от ее самой.

В голове Миранды промелькнула весьма практичная мысль о том, что у него есть шанс стать прекрасным принцем, освободившим ее из заточения. Такой человек, как Дилан, наверняка позволит своей жене сделать модную стрижку, накупит ей нарядов и отправится с ней в путеше-

ствие по Европе. У него куча денег, и она найдет способ крутить им, как хочет. Только как заставить его сделать предложение? Пожалуй, это будет не такой уж сложной задачей, если он в нее влюблен, а Миранда видела, что так оно и есть.

И самое главное — в этом случае ей не придется отделять выгоду от удовольствия.

Когда Эбби принялась выговаривать дочери за то, что та задержалась, девушка сказала:

— Фильм шел дольше, чем мы думали.

— И ты сразу пошла домой? — с подозрением спросила мать.

— Конечно. Мистер Макдафф проводил меня, и мы тут же расстались. Кстати, мама, он бы хотел зайти к нам на чай. Он вовсе не против познакомиться с тобой и с папой.

— Вот так сразу?! — всполошилась Эбби.

— Почему нет? Разве ты не хочешь его увидеть?

— Да, но он живет в роскоши, а у нас… — Эбби развела руками.

— Мне кажется, он не из тех людей, которые судят о вещах по их стоимости.

— Я должна посоветоваться с твоим отцом.

— Я сама поговорю с папой.

В это же время Дилан Макдафф возвращался до-

мой в весьма приподнятом настроении. Миранда Фишер казалась ему воплощением того, что он всегда мечтал найти в девушке. Целомудренная и в то же время откровенная, обаятельная, умная и гордая! Дилан жаждал заключить в объятия ее совершенную красоту и вместе с тем возвышенно преклонялся перед нею. Его тело и душу обжигало безумное желание, и приятно охлаждали романтические мечты. Он грезил наяву. Детали их разговора с Мирандой, ее взгляды, движения мелькали перед ним, как на экране.

Пребывая в абсолютно расслабленном состоянии и будучи бесконечно далеким от действительности, Дилан содрогнулся всем телом от резкого окрика:

— Эй ты, постой!

Он оглянулся: к нему приближалась темная фигура.

Дилан остановился. Он много раз говорил себе, что должен быть сильным и храбрым. Что может быть хуже потери ощущения собственной личности перед нашествием грубой силы? В этом случае должна восторжествовать если не справедливость, то его собственная воля. Но он столько раз пугался самого себя, что ему ничего не стоило замереть от окрика незнакомого человека.

— Что вам нужно? — Дилан старался, чтобы его голос не дрожал, и пытался сделать все для того, чтобы волна паники не затопила его разум.

Навстречу шагнул молодой мужчина, неприятно дерзкий и поразительно уверенный в себе. От него исходило ощущение презрительной злобы.

— Ты не помнишь меня?

— Нет. Кто вы? И почему обращаетесь ко мне на «ты»?

— Потому что я тебя знаю. Ты был розовым поросенком, а сейчас превратился в бледную рыбину. Но твоя сущность не изменилась.

Дилан вздрогнул.

— Я вас не понимаю, — холодно произнес он, невольно вовлекаясь в разговор, — думаю, вы обознались.

— Ничего подобного. Когда-то я тебя ударил. А теперь — способен убить, — просто произнес незнакомец, и Дилан сразу вспомнил один из кошмаров своего детства.

В те времена он терпеть не мог себя, неуклюжего толстого мальчика в нелепой одежде, не любил вечно суетящихся тетушек с их назойливой опекой, его раздражало все, что его окружало.

К тому же однажды какой-то уличный мальчишка ни с того ни с сего схватил его и принялся

избивать! Дилан так и не понял, почему он сделался предметом столь неистовой ненависти!

Однако именно после этого он начал рисовать. Ему было необходимо уйти в какой-то другой мир. Он ощущал почти невыносимую потребность избавиться от того «я», которое его мучило.

Сейчас его более-менее устраивала собственная внешность. А вот внутренние ощущения — нет.

Случившееся полностью подтверждало это. Стоило какому-то дерзкому человеку грубо окликнуть его на улице, как его рассудок и самообладание оказались парализованными.

— Что вам от меня нужно? — повторил Дилан.

— Ничего. Просто если ты думаешь, что можешь заполучить все самое лучшее только потому, что у тебя есть деньги, то ошибаешься.

— Я никогда так не думал.

— Я тебе не верю и потому хочу предупредить: если ты решил увиваться за Мирандой Фишер, тебе не поздоровится!

Услышав имя Миранды из уст этого человека, Дилан был ошеломлен. Неужели они знакомы? Что еще такого есть на свете, о чем он не имеет понятия, что в очередной раз способно разрушить его мечты?!

Невероятным усилием воли взяв себя в руки,

он спокойно произнес:

— Я вас не боюсь.

Незнакомец ухмыльнулся.

— Нет, боишься.

Это была правда, которую знали оба.

— Я не желаю продолжать этот разговор. Дайте мне пройти! — нервно произнес Дилан.

— Так иди. Тебя же никто не держит.

Его в самом деле никто не держал, и Дилан понял, что вновь позволил завлечь себя в ловушку.

Нелл с замиранием сердца открыла дверь комнаты. Похоже, Хлоя спала или делала вид, что спит.

На небе ярко сияла луна, ее блики усыпали помещение, как бриллианты.

Нелл чудилось, будто она отделена от прежнего мира прозрачным, тонким, но твердым и прочным стеклом. Как быстро это произошло! И едва ли она теперь сможет достучаться до Хлои!

Вопреки ее ожиданиям, свидание закончилось хорошо. На обратном пути Кермит ни словом не обмолвился о фильме (который очень понравился Нелл), зато немного рассказал о себе, а также спросил, как и где она жила до приезда в Галифакс. А после продолжил увлекательное повествование о городе.

Нелл с изумлением услышала, что на кладбище Фэрвью-Лоун похоронено больше ста жертв крушения «Титаника»! Она мало что знала об этой катастрофе (как и вообще о том, что творилось на свете), и Кермит подробно рассказал о том, как считавшийся непотопляемым корабль столкнулся с айсбергом. Он столь красочно описывал, как волны захлестывают палубу тонущего судна, в то время как из груди несчастных пассажиров рвутся вопли о помощи, что девушке чудилось, будто она видит все это своими глазами.

Кермит предложил Нелл провести ее на кладбище и показать ряды могил с памятниками из серого гранита, на многих из которых начертан только номер и дата смерти, и посмеялся над суеверными страхами девушки, когда она сказала, что грешно тревожить покой усопших. А после добавил:

— Хотя на самом деле это ужасно. Не думаю, что нам доведется стать свидетелями подобной катастрофы. Хотя кто знает! Ведь реальная жизнь куда более непредсказуема, чем выдуманные фильмы.

— Как страшно быть похороненным безымянным!

— Думаю, мертвым все равно. Надо пожалеть

тех, кто так и не узнал, что стало с их родными.

Проводив Нелл до дома, Кермит пригласил ее на новое свидание, и девушка согласилась. В нем было некое грубоватое, но властное обаяние, которому было трудно противиться.

Хлоя пошевелилась, и Нелл всей кожей почувствовала ее возмущение. Она хотела извиниться, но подруга заговорила первой:

— Ты ушла, ничего не сказав, попросту бросила меня! Что я должна была думать? Имей в виду, я больше не буду о тебе заботиться! Теперь-то я вижу, что ты всего лишь шлялась с парнем!

Этот тон и слова изменили намерения Нелл: на смену чувству вины пришли обида и упрямство.

— Я вовсе не шлялась! Я просто сходила в кино.

— С Кермитом Далтоном.

— Ну и что? Ты ревнуешь?

— Ревную? Пока что я в своем уме! А вот ты успела его лишиться, хотя прошло всего несколько дней, как ты приехала в Галифакс. Подумать только, для этого тебе стоило всего лишь раз сходить на танцы! Полагаю, вскоре ты потеряешь еще кое-что. Кермит Далтон охотно тебе поможет. Ну и пусть. Я не намерена за тобой присматривать.

— Да ты только и делаешь, что следишь за моим

поведением! — с досадой произнесла Нелл.

— Я уже сказала, что больше не буду этого делать. Найди себе другую квартиру и живи, как хочешь!

На губах Нелл задрожала жалкая улыбка.

— Хлоя, ты же знаешь о том, что у меня нет ни цента.

Подруга с иронией приподняла брови.

— Кстати, где деньги, которые я дала тебе на хлеб?

— У меня их нет. Когда я встретила Кермита, то уже купила булку.

— И куда ты ее подевала?

— Мы… мы ее съели.

Да, они так и сделали, а перед этим Кермит зашел в аптеку и взял себе и Нелл содовой воды. Булка оказалась удивительно свежей; Кермит разломал ее и протянул Нелл больший кусок. Когда она шла по улице рядом с красивым парнем, поедая мягкую сдобу и запивая ее прохладной содовой, ей чудилось, будто она дрейфует в океане блаженства.

Хлоя спустила босые ноги на пол.

— Чем он тебе понравился?

— С ним интересно.

Нелл показалось, что возмущение Хлои исчезло

в одно мгновение. Ее лицо сделалось спокойным и серьезным. Чувствовалось, что она приняла какое-то решение.

— Ладно, знаю. Я встречалась с ним в прошлом году.

Нелл остолбенела. Сперва внутри сделалось пусто, а потом эту пустоту заполнила мучительная боль. Ей захотелось очутиться далеко-далеко отсюда. Закрыть глаза и ничего не видеть, заткнуть уши и ничего не слышать. И все же она заставила себя спросить:

— Между вами что-нибудь было?

— Ничего. Он два раза проводил меня до дому. Мы даже не целовались.

— А… потом?

— Я видела его на улице идущим под ручку с Беллой Макнейл, весьма доступной девчонкой. Уверена, он переметнулся к ней потому, что сразу понял: от меня ничего не добьешься. А через некоторое время знакомые девушки рассказали, что он влюблен в Миранду Фишер, причем безнадежно и давно.

— Я видела ее сегодня. Кермит смотрел на нее таким взглядом, что я сразу догадалась: это она, — призналась Нелл.

— И где это случилось?

— В кино. Она была с молодым человеком.

— Вот как? И кто он?

— Не знаю. Я смотрела не на него, а на нее.

— Она красавица.

— Это правда. И все же… Хлоя, неужели я не могу понравиться Кермиту!

— Откуда мне знать! Он же позвал тебя в кино!

— И пригласил на второе свидание. Думаешь, мне не стоит идти?

Хлоя вздохнула.

— Иди. Только не позволяй Далтону воспользоваться твоей наивностью.

— Он даже не пытался меня поцеловать!

— Ничего, он сделает это во второй или в третий раз. А теперь давай спать.

Нелл послушно разделась и легла. Ей очень хотелось побольше узнать о Миранде Фишер, но она запретила себе расспрашивать Хлою. Если она в самом деле хочет встречаться с Кермитом Далтоном, лучше вести себя так, словно у него не было и нет никаких иных увлечений.

Глава пятая

Как и следовало ожидать, Эбби Фишер была очарована гостем, его скромностью, грамотной речью и безукоризненными манерами.

Она провела его в гостиную, где стоял круглый стол под пыльной скатертью, на которой были небрежно расставлены чашки из старого и уже неполного сервиза, чашки, которые не мешало бы вымыть получше.

К чаю были поданы пирожные со взбитыми сливками, на которые Дилан посмотрел с явным ужасом. Но он все-таки съел одно, при этом с ангельским терпением слушая рассказы Эбби о каких-то пустяках. Она допустила бестактность, сперва поинтересовавшись здоровьем его матушки (которая умерла, когда Дилану было два года), а после — начав расспрашивать, почему и как это произошло.

Миранда в темном шерстяном платье, оттенявшем белоснежную кожу, которое она надела вопреки протестам матери, заявившей, что у него слишком глубокий вырез, с блестящими волосами, приспущенными полукружьями на уши, а

сзади закрученными в изящный узел, с трудом сдерживала раздражение против родителей.

Колин Фишер, ввиду такого события вернувшийся из больницы раньше обычного, сначала спас положение, а после усугубил его, как всегда начав рассказывать о больных и раненых. Вероятно, он считал, что гостю будет интересно поговорить о войне, а также выслушать его соображения относительно положения в Европе.

Ему тоже понравился Дилан. Мистер Фишер терпеть не мог напористых людей, старавшихся задавать тон, выставлявших свое богатство напоказ и вообще живущих на широкую ногу. Этот же юноша держался совсем иначе.

— Те, кто предлагает молодым канадцам вступать в армию, играют на их сокровенных чувствах, — говорил Колин. — А нашим юношам не приходит в голову, что никакие идеалы и принципы не могут быть важнее жизни. Суть в том, что гибель не бывает ни героической, ни благородной. Ни один мертвый не встанет и не скажет, стоит ли умирать, но глядя на покойников, никому не покажется, что смерть хороша.

— Вы считаете, наша страна должна держаться в стороне от войны? — спросил Дилан с уважением молодого человека, прислушивающегося к

мнению старшего.

— Нет, я так не думаю, потому что знаю: это невозможно. Отголосок столь масштабных сражений так или иначе долетит до всех уголков земли, отдастся пусть даже слабеньким эхом. Однако довольно того, что порт Галифакса является сырьевой базой, поставляющей боеприпасы в Европу, и что он принимает суда Антанты. Мы готовы отдать свою дань войне, но только не жизнями, только не жизнями!

— Бога ради, папа! — не выдержала Миранда. — Найди другую тему!

— Что поделать, если она злободневна! А мистер Макдафф лучше чем кто-либо знает, что война — это нажива.

Было заметно, как сильно смутился Дилан.

— С началом войны фабрика стала работать с двойной нагрузкой, но, поверьте, ни отец, ни я…

— Я имел в виду вовсе не это! — перебил Колин Фишер. — Просто дочь сказала, что вы изучали экономику в университете Торонто.

— Это правда.

— А чем плох Далхаузи? Я сам в нем учился.

— Просто мне хотелось увидеть большой город, — уклончиво произнес молодой человек, а мистер Фишер проворчал:

— Вот-вот, на войну тоже идут, надеясь на новые впечатления. Хотя по мне только безумцы способны рассматривать эту бойню как шанс изменить свою жизнь. Впрочем, горлопаны, призывающие молодежь воевать, умеют разглагольствовать, как никто другой! Иные из них даже умудряются заявить, что война способна открыть человечеству новые горизонты!

Дилан подавленно молчал. Сам того не желая, Колин Фишер выставил их с отцом хладнокровными дельцами, которые наживались на крови и несчастьях людей!

Будучи врачом, отец Миранды спасал людей, причем зачастую бескорыстно, жертвуя всеми силами, а что делал Грегори Макдафф? Снабжал фронт галетами, беззастенчиво набивая свои карманы деньгами! Дилан знал, что с начала войны семейное состояние увеличилось в несколько раз. И он… он был единственным наследником этого состояния.

Вскоре доктор Фишер, извинившись, удалился к себе. Ему было необходимо как следует отдохнуть перед завтрашним днем: с утра ожидалось прибытие корабля, нагруженного ранеными.

Эбби милостиво позволила дочери показать мистеру Макдаффу комнаты, и Миранда провела

Дилана к себе.

По сравнению с другими помещениями обстановка в комнате девушки была почти спартанской. Безликие безвкусные обои (кое-где Дилан заметил грязные подтеки), никаких салфеточек, безделушек и подушечек, только книжные полки. И, конечно, зеркало. Еще на стене висели фотографии, выполненные несколько лет назад с помощью фотопластин.

Дилан обрадовался, увидев, что на большинстве из них запечатлен Галифакс. Это облегчало переход к разговору о его рисунках. Однако прежде ему хотелось помолчать, глядя на Миранду и наслаждаясь тем, что он видит.

Это длилось недолго. Нервно сжав руки, девушка сказала:

— Я прошу прощения за поведение своих родителей. Они никогда не задумывались о том, что говорят.

— А мне показалось, они говорят именно то, что думают. По-моему, у вас довольно дружная семья.

— Не знаю. Мама всегда заботилась только о себе. А отец был поглощен своими больными.

— А мой — фабрикой.

— Я заметила, что вам не понравились пирож-

ные, — вспомнила Миранда. — Мама купила их в кондитерской на углу. Наверняка по сравнению с бисквитами, которые производит фабрика вашего отца…

— Нет-нет, — поспешно перебил Дилан, — дело в том, что я вообще не ем сладкого.

Миранда насторожилась.

— Почему? Проблемы со здоровьем? — Ей хватало постоянных жалоб матери.

— Просто не люблю. Причем с самого детства.

Неожиданно девушка рассмеялась.

— Вижу, у нас с вами много общего! На фабрике вашего отца делают столько вкусностей, а вы их не едите. Мой отец врач, а я не могу слышать о болезнях и страданиях людей и уж тем более видеть все это!

— Да, такова ирония судьбы. Как говорят, мало кому удается и выпекать торты, и лакомиться ими. Порой самое главное от нас не зависит.

Услышав его слова, Миранда была поражена: то же самое говорил Кермит Далтон! Она хорошо запомнила его фразу: «Мне с детства пришлось познать один жестокий закон: от нас ничего не зависит». Хотя, глядя на Дилана, ей хотелось сказать: «Неужели вы, человек, у которого столько денег, не способны распоряжаться своей жиз-

нью?».

— Наверное, вы правы, — довольно сдержанно произнесла она, — а вот мой отец — далеко не во всем. Если говорить о войне, то кое на что она все-таки повлияла и в положительном смысле. Взять хотя бы моду.

— Я плохо разбираюсь в этом.

— Но вы хорошо одеваетесь, — заметила Миранда.

— Просто покупаю то, что мне нравится.

«Если бы я могла делать то же самое!» — с досадой подумала девушка.

Поскольку она продолжала благосклонно улыбаться, Дилан спросил:

— Как вы думаете, теперь ваши родители позволят мне приходить к вам?

— Надеюсь, что да. Если вас не отпугнула обстановка нашего дома.

— Мне у вас нравится.

— Разве вы не замечаете, что на всем, что вас сейчас окружает, лежит печать запустения?

«Тем разительней по контрасту кажется ваша красота!» — хотел сказать Дилан, но не осмелился.

Поскольку он молчал, Миранда задала очередной вопрос:

— Вам было интересно учиться?

— Вовсе нет. — Дилан обрадовался тому, что может быть откровенным с нею. — Меня никогда не привлекали точные науки. Просто я единственный сын своего отца, и мой долг изучать то, что пойдет на пользу делу. По крайней мере, так мне всегда говорили.

— А что вы любили или любите?

Он набрал в легкие побольше воздуха, словно собираясь броситься в глубину океана, а потом просто произнес:

— Рисовать.

— Вот как? — в глазах Миранды вспыхнул огонек любопытства. — И что вы рисуете?

— То, что вижу вокруг.

— Людей?

— Нет. Мне кажется, я плохо знаю человеческую натуру, потому в основном это пейзажи.

— Вы мне покажете?

— Покажу. Я принес их с собой.

— И где они?

— Я оставил папку в прихожей.

— Мне не терпится их увидеть!

Дилан радостно встрепенулся.

— Хорошо, я сейчас принесу.

Миранда не ожидала, что он так хорошо под-

готовился: подумать только, даже взял с собой папку!

Она с нетерпением и одновременно с тревогой ждала, пока он развяжет тесемки и вытащит пачку листов с акварелями.

Зарисовки Торонто выглядели жесткими и холодными. В них ясно ощущалось чувство оторванности, некая опустошенность. Зато пейзажи Галифакса были великолепны. Хотя Миранда плохо разбиралась в живописи, она с уверенностью могла сказать, что на этих рисунках прекрасно изображена погода, изумительно передана атмосфера; они дышали, жили и невероятно притягивали к себе. Они не казались статичными, им была свойственна некая волшебная изменчивость. На этих рисунках была запечатлена, на первый взгляд, ничем не примечательная жизнь небольшого провинциального городка во всех ее проявлениях.

Стальные нити мостов, дым уходящего поезда, мелкая зыбь в заливе и корабли, корабли, корабли. А какие цвета! На акварелях Дилана даже банальный серый имел удивительно много оттенков.

Миранда поняла, что он решил показать ей свои рисунки не для того, чтобы похвастать и

произвести впечатление, а потому что хотел поделиться с ней сокровенным.

Дилан смотрел на девушку тревожным, почти умоляющим взглядом.

— Вам нравится?

Она решила не кокетничать с ним и не мучить его. Дилан вообще был человеком, с которым легко быть откровенной.

— Очень! Вы где-то учились?

— Нет.

— Впрочем, вам и не нужно. Вы художник от Бога.

— Не думаю. Просто я всегда посвящал этому занятию очень много времени, — ответил Дилан и попросил: — Только никому не рассказывайте, хорошо?

— Не расскажу. Я рада, что вы поделились со мной своей тайной.

— Ваше мнение значит для меня слишком много!

— На самом деле я не разбираюсь в живописи. Я только знаю, что в нашем мире все, в чем есть душа, воистину бесценно.

— Миранда! — восхищенно воскликнул он и тут же спросил: — Вы не сердитесь, что я назвал вас по имени?

— Нет. Только не делайте этого при родителях, — ответила девушка, чуть не добавив: «Пока не делайте».

Ей захотелось как-то поощрить Дилана, приблизить его мечты к реальности, и она сказала:

— Хотите потанцевать? Правда, без музыки, но я могу напеть какую-нибудь мелодию! — И, не дожидаясь его ответа, запела модную песенку.

Дилан был сражен пикантностью ситуации и неожиданной смелостью Миранды, а особенно — близостью ее тела. Обняв девушку за талию, он почувствовал под рукой твердые пластинки корсета. Он слышал шелест ее нижней юбки, вдыхал аромат ее кожи, и эти мгновения казались ему прекраснейшими мгновениями на свете.

И все-таки Дилан чувствовал, что в его душе поселилась крохотная червоточинка. Ему очень хотелось знать, какие отношения связывают Миранду Фишер с тем человеком, который напугал его в подворотне! От него исходило ощущение бесстрашия, безрассудства, желания рисковать, чего никогда не было в самом Дилане. Потому последнего мучили подозрительность и ревность, то, в чем он не мог признаться Миранде.

Кермиту Далтону снилось, будто он лежит поперек двух параллельных, блестящих, отли-

вавших металлом стержней, а над головой сияет пустое синее небо. Откуда-то доносится ужасающий грохот. Вскоре он понимает, что под ним рельсы, а шум — это звук приближающегося поезда. Он не может встать, он вообще не в силах сдвинуться с места. Кермит пытается закричать, но из его горла вырывается лишь нечто похожее на комариный писк, и тогда он стискивает зубы.

То был один из повторявшихся детских кошмаров, не оставлявших его даже тогда, когда он стал взрослым. Ведь его отец погиб точно так же, причем неизвестно, сделал ли он это добровольно или под влиянием помешательства. Когда его нашли, у него были отрезаны ноги, и все-таки он еще не умер; это случилось в больнице, спустя несколько часов. И все это время его сын просидел рядом, отчаявшийся, неподвижный и бледный, похожий на безмолвно молившегося истукана.

Как обычно Кермит проснулся до того, как его смяла грохочущая громадина. Сны тем и отличаются от жизни, что в них нельзя умереть. Зато там возможно все остальное.

Кермит знал, что любые чувства способны задушить человека, если позволить им пустить корни и разрастись. Потому он быстро встал, оделся и умылся, пытаясь думать о том хорошем,

что предстоит ему этим днем.

Кермит далеко не всегда просыпался от кошмара: чаще — от шума близкого порта и от восходящего солнца, лучи которого били сквозь тонкие занавески, озаряя вопиющую убогость его жилья.

Он снял эту комнатушку в самом бедном районе Галифакса два года назад, потому что ничего другого не подвернулось и ни на что иное тогда и не было денег, да так и остался тут.

Многие ощущали себя в безопасности в этом доме только тогда, когда двери были крепко заперты на ключ, а еще лучше — заложены палкой или шваброй. Но Кермит не относился к их числу. Он охотно спустил бы с лестницы любого, кто посмел бы нарушить его пространство, состоящее буквально из нескольких футов, на которых с трудом помещались кровать, тумбочка, стул и переносная газовая плитка, точно такая, как в комнате Хлои Чапман, только залитая сбежавшим кофе и заляпанная жиром от бекона.

В комнате было маленькое окно с перекошенными створками, облупившиеся стены и некрашеный пол. Впрочем, это не имело значения. Зачастую Кермит приходил сюда только спать, да и то если не оставался ночевать у оче-

редной подружки. Иногда какая-нибудь девушка соглашалась прийти к нему, хотя в своей комнате ему нравилось быть одному.

Сегодня его душу согрела мысль о свидании с рыжей девчонкой по имени Нелл. Почему он связался с ней? Кермит любил все яркое, и его поразили ее будто сделанные из медной проволоки волосы, словно обрызганные солнцем щеки, а еще — удивительно живые глаза, смотревшие на мир любознательно, наивно и страстно.

Кермит знал: стоит ему захотеть, и их отношения зайдут как угодно далеко. Но он еще не решил, надо ли это делать. За строгой красоткой стоит ухаживать с серьезными намерениями, а таковых он не питал. Вместе с тем если соблазнить честную, но податливую девушку, сложностей не оберешься. Впрочем, девицы с опытом ему порядком надоели. Если хочешь чего-то подобного, куда проще пойти в бордель. А он жаждал свежести, искренности и новизны. Только такая девушка могла помочь ему хотя бы на время забыть Миранду.

Кермит довольно долго встречался с Нелл, прежде чем впервые поцеловал ее в кино. Сперва она запаниковала, но быстро расслабилась, и теперь он раздумывал, не пригласить ли ее к

себе для более тесного знакомства. К Нелл не удастся пойти, потому что она до сих пор жила с подругой.

Как недавно выяснилось, этой подругой была Хлоя Чапман, которую Кермит пару раз проводил домой. То было досадное недоразумение, но он разрядил обстановку, уверив Нелл, что между ним и Хлоей не было ничего «такого» (что, впрочем, являлось чистейшей правдой) и что он расстался с ней потому, что она показалась ему чопорной и скучной (тут он тоже не солгал). Однако Кермит представлял, что могла наговорить о нем Хлоя: ведь она жила в Галифаксе два года и постоянно посещала танцы, с которых он почти всегда уходил с новой девушкой.

Под каким предлогом можно позвать Нелл в комнату, где нет ни собрания сочинений известных поэтов, ни коллекции старинных гравюр?

Кермит усмехнулся. Надо что-то придумать! Если девушка влюблена, рано или поздно она все равно поддается уговорам. Так, несколько дней назад Нелл все-таки согласилась прогуляться на кладбище, невзирая на все свои суеверия, и они нашли кучу могил жертв крушения «Титаника».

Кермит живо интересовался темой катастроф и внезапных смертей. Гибель ведь тоже бывает

разной. Иногда мысли о смерти убаюкивают и успокаивают. А порой она предстает резкой и сильной, словно удар грома или вспышка молнии.

Сегодня вечером Кермит решил потратиться на кафе, куда еще ни разу не водил Нелл: он знал, что она будет в восторге. Он с легкостью мог делать ей приятное почти каждый день — это почти ничего не стоило. А вот Миранде не было нужно ничего из того, что он хотел бы ей предложить. В том числе и его любовь.

Эта девушка невольно внушала ему мысли о том, что несмотря на все свои похождения и приключения, он не добился и не добьется ничего значительного ни в любви, ни в работе, ни вообще в жизни.

Когда он пригрозил набить морду этому выскочке Макдаффу, который обнаглел до того, что начал захаживать в дом Фишеров, как в свой собственный (Кермит несколько раз проследил за Диланом, а потом едва ли не выл под окнами девушки, как бездомный пес), Миранда ответила:

— Это вовсе не тот поступок, каким мог бы гордиться нормальный человек.

Кермит знал, что она совершенно права.

Закончив работу, он решил подождать Нелл

у ворот фабрики. Он уже давно встречал и провожал ее, не таясь, а сегодня впервые подумал: а не сделать ли ее своей постоянной подругой? Миранду Фишер пора оставить в прошлом. Пора оставить в прошлом все, что мешает ему жить полноценной жизнью.

Кермиту показалось, что Нелл чем-то расстроена. Она выглядела удрученной и хмурой, что еще больше подчеркивала старая немодная одежда, которую она носила до сих пор.

— Что-то случилось? — спросил молодой человек, когда она подошла к нему.

Нелл вздохнула. В кармане ее жакета лежало письмо от матери. Кашель, начавшийся у Клементины Бакер еще зимой, никак не проходил. Нелл несколько раз посылала матери деньги и лекарства, из-за чего так и не смогла одеться получше и снять собственное жилье.

Нелл решила сказать правду:

— Мама больна, и я не знаю, чем ей помочь. Пока я смогу еще что-нибудь ей послать, пройдет не меньше двух недель.

— Эти Макдаффы прижимистые люди! — заметил Кермит. — Платят работникам гроши, тогда как у самих карманы набиты деньгами! Ненави-

жу этих jobeur[6]!

Мысль о том, что Нелл, как и Миранда, по-своему находится в руках Дилана Макдаффа, вызывала в нем раздражение, даже злобу.

— Мне прибавили жалованье, и для меня одной этого вполне бы хватало, просто лекарства слишком дороги.

— Давай я дам тебе денег, — предложил Кермит. — Сейчас я получаю достаточно.

— Нет-нет! — Нелл замотала головой.

Зря она заговорила с ним о деньгах. Хлоя предупреждала о том, что ни в коем случае нельзя брать деньги у парня: в этом случае он может потребовать взамен конкретной награды.

— Тогда позволь мне немного поднять твое настроение. Ты хочешь есть?

— Да.

— Пойдем поужинаем в кафе.

Лицо Нелл озарила улыбка.

— Хорошо.

Они пошли по набережной. Стояла пасмурная погода, небо сочилось мелким дождем. Пирсы мигали красноватыми огоньками. На ближайшем корабле зажегся прожектор, осветивший его

---

[6] Примечания: 6

Слово из франко-канадского жаргона, означающее «работодатель».

мокрую палубу и ближайший кусочек берега.

Кермит обнял Нелл за плечи, а потом наклонился и поцеловал. У него были горячие руки и губы, и в такие минуты он заставлял ее забывать обо всем. Ей чудилось, будто в нее перетекают его напор, сила и страсть. Целуя Нелл, Кермит раскрывал не только ее губы, но и душу, извлекая то потаенное, о чем она прежде и не догадывалась.

В маленьком кабачке в районе порта было накурено и тесно. Там шумели и пили пиво. Однако Кермит провел Нелл в отдельное помещение за перегородкой, где усадил на деревянную скамью.

— Здесь подают великолепные ростбифы и такой отличный жареный картофель, что только пальчики оближешь. А еще мы возьмем бутылку вина.

Пока они ожидали заказ, Кермит заговорил о пикнике. Он знал прекрасное место, где росли белые канадские сосны, гладкие и стройные, как девичьи ноги, и маленькое озеро, спокойная гладь которого напоминала гравировку по стали. Где за будто спящими лесами высились синие горы. В выходной они с Нелл могли бы взять покрывало, еду и поехать туда хоть на весь день, если, конечно, погода будет хорошей.

Не слушая протестов Нелл, Кермит до краев

наполнил ее бокал.

— Я хочу кое-что сказать.

Сделав паузу, он посмотрел ей в глаза, и ее сердце замерло от предвкушения желанного признания. Но Кермит заговорил о войне.

— Я собираюсь на фронт. Уже был на пункте, скоро мне пришлют повестку.

— Зачем тебе на войну?! — вырвалось у Нелл, и лицо Кермита сделалось жестким.

— Если не понимаешь, лучше не спрашивай. Если мужчина нигде и никогда не проявлял героизма, то это вовсе и не мужчина, а какой-нибудь… Дилан Макдафф!

— Сын хозяина фабрики, где я работаю? При чем тут он? За что ты его не любишь?

— Да просто так. А ты его видела?

— Нет. Но говорят, он очень красив.

Кермит скрипнул зубами.

— Смотря на чей вкус. Если ты предпочитаешь дохлую рыбу, тогда конечно.

— Я давно хотела тебя спросить, — голос Нелл слегка дрожал, но она твердо решила — сейчас или никогда, — я много слышала о том, что ты неравнодушен к одной девушке, Миранде Фишер. Скажи, это правда?

На мгновение Кермит окаменел, а потом

небрежно откинулся на спинку стула. Его зеленые глаза, как и прежде, горели ярким, гипнотическим огнем.

— Отчасти. Это просто застарелая привязанность. Было время, я считал себя очень одиноким, а она оказалась рядом. На самом деле мы очень разные. Сейчас мне нравишься ты.

У Нелл зазвенело в ушах, а лицо залила краска.

— Но она очень красива!

— Ты тоже.

— Она дочь врача, а я простая фабричная работница.

— И что с того? А кто такой я? Постоянного занятия у меня нет, берусь то за одно, то за другое. Хорошо, что сейчас в порту работа просто кипит и требуется много рук!

Нелл уже слышала, что с началом войны порт рос если не с каждым часом, то с каждым днем. Шли работы по углублению причальных мест, не прекращалось строительство новых пирсов. Неудивительно, что там пригодились энергия и сила Кермита.

Между тем он продолжал смотреть на нее со странным напряжением, словно стараясь проникнуть в душу.

— Послушай, Нелл, я хочу, чтобы ты дождалась

меня с фронта.

— Конечно, дождусь! А если тебя... — она прикусила губу, а он рассмеялся.

— Меня не убьют. Со мной вообще ничего не случится. Если б ты знала, сколько раз я рисковал! Стоял на рельсах перед идущим поездом, отскакивая в последний момент, прыгал в воду с самых высоких круч, проплывал между бортами кораблей, стоявших так тесно, что, казалось, они способны меня раздавить.

— Зачем ты это делал?

— Пытался избавиться от страха смерти.

— У тебя получилось?

— Не знаю, однако я понял, что смерть меня не берет, — сказал он и вручил ей бокал. — Пожалуйста, выпей за мою удачу!

Принесли жареный картофель и ростбиф. Еда выглядела и пахла так, как она выглядела бы и пахла в раю, если там вообще есть еда. Кермит ел с огромным аппетитом, а потом заказал им с Нелл еще по чашке кофе.

Он много говорил, шутил и смеялся, и она не заметила, как выпила бутылку вина с ним пополам. Его черные волосы растрепались, глаза сверкали, как изумруды, лицо было смуглым, а зубы — удивительно белыми. Глядя на него, Нелл думала о

том, что вполне могла бы подчинить свою жизнь жизни другого человека. Этого человека.

Когда они вышли на улицу и прошли с полквартала, хлынул ливень, и Кермит сразу решил, что этот дождь — подарок судьбы. Ничего не случается просто так!

Нелл вымокла и дрожала. Ее волосы, облепившие голову, походили на бронзовый шлем. Вода падала стеной, отчего казалось, будто все вокруг соткано из мутных теней. Этот ливень должен был ознаменовать конец зимы и начало весны, начало истории новых отношений.

— Давай зайдем ко мне! — Кермит старался перекричать грохот падающей воды. — Это совсем близко. Тебе надо обсохнуть: если ты заболеешь, твои хозяева не заплатят тебе ни гроша!

Не дожидаясь ответа, он схватил девушку за руку и повлек за собой.

Его жилье произвело на Нелл соответствующее впечатление. Загаженный двор, захламленная лестница, темные коридоры, ободранные стены и грязные окна. Однако все это, по-видимому, ничуть не смущало Кермита.

— Давно хочу переехать, да все лень. Много ли надо одинокому мужчине?

Похоже, он не лгал: в его комнате и не чувство-

валось ни малейшего присутствия женщины.

Почему он привел ее сюда? И зачем она пришла? Нелл робко присела на стул. Заметив, как напряглась ее спина и сжались колени, Кермит непринужденно промолвил:

— Ты насквозь промокла. Сними хотя бы жакет. А я тем временем согрею чай.

Пока он возился с плиткой, Нелл повесила жакет на спинку стула. В ее ботинках хлюпала вода. Пожалуй, после такого ливня одежда не просохнет и за неделю!

Видя, что Нелл не перестает дрожать, Кермит сказал:

— Раздевайся. Завернешься в простыню.

Когда она помотала головой, он подошел к ней и расстегнул блузку. В следующий миг ее грудь легла в его ладонь так просто, словно ей было предназначено находиться именно там. Кермит слегка разжимал и сжимал пальцы, тогда как его губы сомкнулись с губами Нелл.

Вскоре блузка валялась на полу, а сама Нелл лежала на кровати, и вся ее одежда пришла в такой беспорядок, что было бы проще скинуть ее совсем.

Думая о том же, Кермит освободил ее от юбки и нижнего белья. Он не давал ей ни освоиться с но-

выми ощущениями, ни даже вздохнуть. Однако то была не только пытка, но еще и блаженство. Его руки «там» и «тут», жгучие поцелуи, хриплое дыхание и бессвязные слова сводили Нелл с ума.

Быстро вскочив, он рывками стянул с себя одежду. У него было сильное, смуглое, красивое тело.

В следующий миг он навалился на Нелл всем своим весом. Резкая вспышка боли — и он вошел в ее тело.

У нее перехватило дыхание. Утоляя свой голод, он двигался быстро и резко, и Нелл понимала, что в эти минуты он вовсе о ней не думает, его не тревожат ее чувства. Она ощутила усталость и опустошенность в мозгу, душе и теле. А главное — в сердце. Ей захотелось как можно скорее уйти отсюда.

Наконец он затих, лежа на ней, потом откатился в сторону, а через минуту встал с постели.

— Мы забыли о чае. Сейчас попьем.

— Я не хочу. Мне надо домой.

Увидев, что Нелл едва не плачет, Кермит сел на постель и погладил ее по волосам.

— Каждый день сотни девушек теряют невинность. Счастье, если это происходит с тем, кого они любят и кто любит их. Но в любом случае в этом нет ничего страшного. В следующий раз тебе

будет лучше, я обещаю. Я хочу, чтобы ты осталась на ночь, потому что утром из окна можно увидеть, как над гаванью поднимается солнце.

— Что скажет Хлоя, если я не приду ночевать? — прошептала Нелл.

— Неважно, что она скажет. Главное, ей не удастся изменить то, что уже случилось.

Заснув в его объятиях, Нелл наконец согрелась. На рассвете Кермит разбудил ее поцелуем, а после заставил подняться и подвел к окну.

Красное солнце было огромным; казалось, оно занимает половину неба. По воде бежали оранжевые блики, и на ней лежала полоса глубокой тени от перекинутого через гавань моста, казавшегося призрачным, словно радуга. В вышине парили птицы и растворялись ночные облака. Слышалась мерная пульсация просыпающихся судовых механизмов и нестройные гудки множества кораблей.

Кермит стоял радом с ней, обнаженный, гибкий и сильный, стоял, любовно и властно положив руку ей на плечи, и в эти мгновения Нелл думала о том, как хорошо вот так, вместе, встречать рассвет. Всегда, до конца своей жизни.

Глава шестая

— Я познакомился с девушкой, на которой хочу жениться, — сказал Дилан отцу, и в кабинете стало так тихо, что было слышно, как откуда-то снизу, оттуда, где тянулись ряды бисквитов, возвышались штабеля хлебных буханок и высились пирамиды коробок с печеньем, доносится грохот поддонов и скрежет печей.

Грегори Макдафф выпрямился в кресле. Иногда он поражался способности сына находиться не в том времени и не в том месте. Еще в детстве Дилан часто уходил в свои мысли, а потом с трудом возвращался к действительности.

Подумать только, минуту назад они обсуждали очередную крупную поставку товара в Европу и вот пожалуйста: Дилан говорит о какой-то девушке!

С одной стороны, мистер Макдафф-старший был рад тому, что сын наконец обратил внимание на прекрасный пол, но с другой — почему сразу брак!

Он неохотно отложил бумаги.

— Кто она?

— Дочь врача галифакской больницы Колина Фишера.

— Это мне ни о чем не говорит, кроме разве того, что она тебе не пара.

Дилан словно повис в пустоте, где нет ни атмосферы, ни жизни. Он с трудом произнес:

— Почему?!

— Ты даже не представляешь, сколько девушек и их родителей мечтают увидеть тебя своим мужем и зятем!

— Миранда не корыстная. А еще она очень красива.

— В последнем я нисколько не сомневаюсь, чего не скажешь о первом.

— Как ты можешь так говорить: ведь ты ее не знаешь!

— Я знаю гораздо больше, чем тебе кажется.

— Почему ты женился на маме? — голос Дилана дрогнул. — По расчету? Ты часто о ней вспоминаешь?

Грегори недовольно повел плечом. Прошлое, которое причиняет боль, лучше забыть. После смерти супруги у него были женщины, но он не женился ни на одной: не нашлось ни похожей, ни достойной. А еще он всегда думал о будущем Дилана.

— Разумеется, вспоминаю. Она подходила мне, это так. И, конечно же, нравилась.

— Миранда мне тоже нравится. Даже больше — я ее люблю. И мы подходим друг другу! Мы одинаково думаем и чувствуем.

— На свете нет двух одинаковых людей. Все это иллюзии.

— Словом, — подвел итог Дилан, — ты не хочешь с ней познакомиться?

Грегори пожал плечами.

— Я могу взглянуть на нее, но зачем? Сперва ты должен как следует изучить производство, а устройством твоей личной жизни мы займемся потом.

— С этим я как-нибудь сам разберусь!

Резко поднявшись, Дилан отшвырнул стул и устремился к дверям.

— Ты куда? Мы еще не закончили!

— Я закончил. И я возьму машину. Без Томаса. — Это прозвучало как утверждение. — Мы с Мирандой едем за город. А еще я недавно побывал на призывном пункте. Я займусь делами фабрики, отслужив в армии.

Услышав это, Грегори мигом утратил невозмутимость и вцепился дрожащими руками в крышку массивного дубового стола.

— Дилан! Мой мальчик! Ты сошел с ума! Ведь я уже не молод и не вполне здоров! Ты хочешь свести меня в могилу? Ты не создан для войны! Тебя же убьют!

— А ты не думал о том, что я тоже способен *убить?* — холодно произнес сын.

Спустя полчаса он ждал Миранду рядом с автомобилем. Ничто не выдавало его смятения и досады. Дилан устроил эту прогулку, чтобы попросить Миранду выйти за него замуж, а в результате отец все испортил! И как теперь быть?

Увидев Дилана в пальто для автомобильной езды, модном кепи, белом шелковом кашне, темных очках и кожаных перчатках с крагами, Миранда радостно улыбнулась. Сейчас он выглядел решительным, непоколебимо уверенным в себе человеком. Ей нравились именно такие мужчины.

Она подошла к нему, сияя улыбкой, и он тотчас открыл перед ней дверцу шикарной машины.

— Вы сами водите?

— Пока не слишком уверенно: у меня еще мало опыта. Но вам не стоит беспокоиться: мы поедем по хорошей дороге.

Когда они тронулись, Миранду охватило настроение, какое она испытывала, видя блеск

огней, вдыхая аромат роз или слыша красивую музыку.

— Куда мы направляемся?

— За город. Не волнуйтесь, это недалеко. Мы устроим пикник прямо в машине. Надеюсь, вы не против?

— Конечно, нет. Кстати, Дилан, я давно хотела спросить: почему в свое время вы уехали в Торонто? Вам не нравился Галифакс или это было связано с вашей семьей? Мне кажется, мой отец прав: Далхаузи хороший университет.

Автомобиль замедлил ход.

— Сложный вопрос. Скорее, я пытался убежать от самого себя, не осознавая, что это невозможно. Что касается Галифакса… Прежде мне казалось, будто в отличие от крупных собратьев этот город противится современности, что ему свойственна провинциальная романтичность. — Он говорил о Галифаксе так, словно тот был живым существом. — Все изменилось с началом войны…

— Вы еще не передумали вступать в армию? — спросила Миранда, и Дилан осторожно ответил:

— Я пока не решил.

Поскольку дорога была пустынной, он ускорил движение. Мимо проносились прямые, высокие, как корабельные мачты, сосны, дубы с сильными,

словно мускулистыми, ветвями. Казалось, где-то в лесной глуши скрываются тропы, на которые не ступала нога белого человека и где сохранились следы индейских мокасин.

Дилан думал о красках окружающей природы. Он внимал им, удивительным, прекрасным, иногда неправдоподобным. Он обожал нежные цвета, розовые, голубые, сиреневатые и лиловые. Оттенки неба на заре, переливы морских раковин, прозрачность тумана и дыма — для него они были так же реальны, как плоть и кровь. Они словно являлись частью его самого. Очутившись за городом, он больше всего на свете хотел бы вынуть бумагу, кисти и рисовать. Однако этот день был посвящен Миранде.

Остановив машину, Дилан достал бумажный пакет с жареными куриными крылышками и печеным картофелем, сверток с хлебом и сыром и бутылку вина.

— Тут много еды, правда, она довольно проста, хотя, — он улыбнулся, — и лучше, чем пеммикан[7]! Миранда, вы выпьете?

— А почему нет? — в ее голосе прозвучали игривые нотки.

---

[7] Примечания: 7

Пеммикан — питательная смесь, изобретенная индейцами. Приготовлялась из смеси животного жира и сушеного мяса.

После первого памятного танца Дилан больше не решался обнять Миранду, а она думала о том, когда же он ее поцелует. Не то чтобы она этого желала, просто ей хотелось почувствовать себя современной и взрослой девушкой.

Они пили и ели, наслаждаясь уединением, ароматами природы и присутствием друг друга. Разумеется, Дилан жаждал большей близости с Мирандой, но он был настолько скован и так сильно ее уважал, что просто не знал, как к этому подступиться.

К счастью, на помощь пришла праматерь Ева.

Дилан даже не понял, как и когда голова Миранды легла на его плечо, а его рука обвила ее талию. А потом она повернула к нему лицо, и их губы соприкоснулись.

Они долго целовались, благо, вокруг не было ни души. Внутри существа Дилана словно раскрылись шлюзы, и неведомый поток устремился к столь же неизведанному руслу. И этого оказалось достаточным для того, чтобы он решился сделать признание:

— Я люблю вас, Миранда! Выходите за меня замуж!

К его неудовольствию, она отстранилась.

— Разве ваш отец не будет против нашего

брака?

Дилан постарался не показать, насколько сильно удручен ее реакцией: он не мог понять, почему Миранда заговорила о его отце, сразу перешла к практической стороне дела? Ведь он только что признался ей в любви! Дилана сразил ее холодный деловой тон. И еще ему почудилось, будто Миранда ждала этого предложения.

— В данном случае все решаю *я*, — уверенно произнес он.

Его руки, мгновенье назад обнимавшие девушку, твердо легли на руль автомобиля.

Поняв, что повела себя неправильно, Миранда попыталась исправить положение:

— Просто я всегда боялась, что мы не пара, что такой богатый человек, как вы, никогда не женится на простой и бедной девушке!

— Все это глупости! Я же люблю вас! А вы меня любите?

У него были правильные, почти классические черты, тонкие нервные руки с длинными пальцами — руки художника, в растрепавшихся от ветра белокурых волосах сверкало солнце, а в прозрачных глазах отражалось небо. Он был хорошо одет и сидел за рулем шикарной машины. Он жил в роскошном особняке, а его отец был

владельцем огромного предприятия. Почему бы ей не попытаться полюбить *такого* человека?

— Не торопитесь. Все это так неожиданно. Мне нужно разобраться в себе. Да, я думаю, что люблю вас, но я отвечу вам позже, хорошо?

Дилан помнил: для того чтобы влюбиться в Миранду ему понадобилось одно мгновение, но ведь люди бывают разными. К тому же женщины совсем не похожи на мужчин.

— Наверное, я должен обратиться к вашим родителям? — спохватился Дилан.

Миранда улыбнулась.

— В наше время это уже не обязательно. Я сама сообщу им о вашем предложении. А вы расскажите своему отцу.

— Я уже говорил с ним. Он хочет вас увидеть.

Дилан не знал, что заставило его солгать. На самом деле он надеялся, что увидев Миранду, отец поймет его чувства и не станет противиться браку.

— А когда?

— Можно даже завтра. Я заеду за вами вечером.

Дальше они ехали молча, любуясь пейзажем, пока Дилан не заметил стоявшего на дороге человека. Тот застыл с таким видом, словно собирался

остановить автомобиль голыми руками. Дилан почувствовал, что его ноги занемели, а пальцы начали дрожать.

Поняв, что человек не свернет с пути, он бросил машину влево. Миранда закричала от страха, но, к счастью, Дилан успел затормозить, и «роллс-ройс» остановился буквально в двух футах от огромного дерева.

Распахнув дверцу автомобиля, Миранда выскочила наружу и побежала к дороге. Дилан подумал, что она в шоке, а после увидел, как она осыпает упреками человека, который продолжал стоять на прежнем месте.

— Ты сошел с ума! Что тебе нужно, Кермит?

— Тебе известно, *что*, — ответил мужчина, и тогда Дилан его узнал.

Он медленно выбрался из машины и, прихрамывая от боли в затекшей ноге, подошел к мужчине и Миранде, которые продолжали перебрасываться репликами.

— Почему ты меня преследуешь?

— Потому что, связавшись с этим булочником, ты ступила не на тот путь.

— Какое тебе дело до меня и мистера Макдаффа!

— Я знаю, тебе нужны его деньги.

— Ничего подобного! Я люблю его, и именно поэтому выйду за него замуж!

Дилан был вынужден признать, что не способен выдержать взгляд этого человека, а вот Миранда могла. Она не просто бросила фразу ему в лицо, а еще и издевательски расхохоталась, оскалив зубы. И тогда Дилан понял, что она может быть *другой.*

У ее собеседника был такой вид, будто у него выбили из рук оружие в самый разгар сражения, а все его соратники вдруг повернулись к нему спиной.

— Из-за вас мы едва не погибли, — сказал Дилан.

Даже в такой ситуации он держался вежливо, что, по мнению, Кермита, являлось признаком малодушия и трусости.

Соперник Дилана (а тот больше не сомневался в том, что это его соперник) усмехнулся.

— Это ты чуть не убил *ее*, чтобы не врезаться в меня! Я слышал, ты собираешься воевать? А тебе известно, что на войне надо стрелять в людей? Ты уверен, что сможешь?

— Почему вы ко мне привязались? Что я вам сделал?

Зеленые глаза Кермита сузились.

— Ты увел у меня девушку.

— Насколько я понимаю, эта девушка никогда не была вашей, — ответил Дилан.

— Она бы стала моей, если б не влез ты со своими деньгами! — бросил Кермит, а потом вдруг произнес: — Ладно. Вы мне надоели. Делайте что хотите; с этих пор я буду жить своей жизнью.

Резко повернувшись, он пошел прочь по дороге, а Дилан и Миранда смотрели ему вслед. Наконец Дилан произнес:

— Кто это?

— Один сумасшедший. Он вообразил, что влюблен в меня, и не дает мне проходу.

Она рассказала, при каких обстоятельствах познакомилась с Кермитом, и у Дилана отлегло от сердца. В такую девушку, как Миранда, способен влюбиться любой мужчина, даже самый примитивный и грубый.

— Однажды я уже встречался с ним, — признался он. — Этот человек ударил меня в детстве, даже не просто ударил, а избил ни за что ни про что.

— Вот как? — с любопытством спросила Миранда. — И вы пожаловались своему отцу?

— Я никому не жаловался. Просто наш водитель успел поймать этого мальчишку. А что было дальше, я не знаю и никогда не хотел знать.

В голосе Дилана было столько усталости и досады, что Миранда решила не говорить ему правды.

— Поверьте, — сказал он затем, — я никогда не признавал существования каст. Если я и делил людей, то не по их происхождению и материальному положению.

— Я верю вам, Дилан, — искренне ответила Миранда.

Они сели в машину и продолжили путь. Приближающийся вечерний город казался мозаикой из огней и красок, но Дилана, будто бы, ничто не трогало.

Когда они въехали в Галифакс, он не смотрел ни на витрины магазинов и кафе, ни на свою спутницу, а только вперед.

Когда машина остановилась, Миранда промолвила мягким, ласкающим голосом:

— Я приду к вам завтра. Не обращайте внимания на Кермита. Он и впрямь не в своем уме. Я сказала правду: я люблю вас и согласна стать вашей женой.

Кермит не лгал: место, выбранное им для пикника, казалось сказочным. Все, что открывалось глазам, поражало ширью, необычностью и мощью. Волны необъятных вечнозеленых лесов

простирались до самого горизонта, где виднелись голубоватые массивы гор. Маленькое озеро то искрилось рябью, высекаемой легким ветром, то становилось похожим на гладкое серебряное зеркало. А небо было таким бездонным, что в нем хотелось утонуть.

Нелл не пришлось ничего готовить для пикника: Кермит все сделал сам. Чай они кипятили на костре и там же жарили мясо, а еще он припас толстые сэндвичи с ветчиной и сыром, свежую зелень и бутылку вина.

Целый день они то ели, то бродили по округе, то лежали на покрывале, то занимались любовью.

Нелл поражалась тому, как быстро Кермиту удалось пробудить огонь в ее теле. Теперь она не могла представить своего существования без его близости. К сожалению, им было негде встречаться: Кермит считал свою комнату слишком убогой для того, чтобы приводить туда девушку, да и ей было неловко к нему приходить.

Очутившись на природе, Нелл боялась обнажиться (вдруг кто-то увидит!), хотя вокруг не было ни души, и сперва они занимались любовью полуодетыми. А потом Кермит сказал, что хочет искупаться.

Скинув одежду, он без сожаления разбил

безупречную гладь озера, и, повинуясь зову возлюбленного, девушка последовала его примеру.

Солнце ласкало ее незагорелое тело, обводя его контуры золотыми линиями, придавая коже нежный опаловый блеск.

Было еще слишком рано для купания, и у Нелл перехватило дыхание, тогда как Кермит без малейшего содрогания рассекал воду сильными взмахами рук.

Потом, все в каплях, словно осыпанные алмазами, они рухнули на берег, возле костра, и смотрели на голубоватую весеннюю дымку, заслонявшую небо. То было нечто фантастическое, прозрачное, похожее на фату невесты.

Нелл вспомнила разговор с подругой. Разумеется, Хлоя быстро догадалась о том, что подруга вступила в близкие отношения со своим ухажером. Она не ругала и не осуждала Нелл, а только спросила:

— Он намерен на тебе жениться или хотя бы думает о последствиях? Будет очень мило, если он уйдет на войну, а ты останешься беременной. А потом он вернется и скажет, что за время его отсутствия ты погуляла с кем-то другим и он не имеет к твоей беде ни малейшего отношения!

Как обычно, Хлоя была права. Нелл не заме-

чала, чтобы, давая волю своему желанию, ее возлюбленный заботился о том, как бы она не забеременела. И она была слишком несведуща и наивна, чтобы самой защититься от этого.

Теперь она наконец решилась произнести вслух:

— А если у меня будет ребенок?

Приподнявшись на локте, Кермит посмотрел ей в лицо.

— Ничего не случится. Не думай об этом.

Он ответил так уверенно, что она выбросила из головы беспокойные мысли.

Когда пришла пора возвращаться в город, Кермит сказал:

— У меня осталось две недели, и я хочу провести их с тобой. Давай снимем общую комнату? О деньгах не думай, я заплачу вперед. Зато приехав в отпуск, я буду знать, куда мне идти. Ну как?

— Я согласна! — воскликнула Нелл.

Разумеется, больше всего на свете она желала, чтобы Кермит женился на ней. Но он не заговаривал об этом, и она также пока что не смела затрагивать столь щекотливую тему.

Когда однажды Нелл вновь обмолвилась о Миранде, Кермит произнес сквозь зубы:

— Она продалась, как многие красивые девуш-

ки: выходит замуж за Дилана Макдаффа.

— Быть может, она его любит?

— Как можно полюбить этого слюнтяя! Ей нравятся совсем другие мужчины.

Нелл не стала спрашивать, какие: было ясно, что Кермит имел в виду себя.

Он довольно быстро нашел подходящее жилье: тоже в районе гавани, но в лучшем доме.

Небольшая уютная комнатка оказалась полностью обставленной, что порадовало молодых любовников: ведь у них почти не было своих вещей.

Девушка тепло и не без некоторого сожаления рассталась с Хлоей, пообещав заходить в гости.

Кермит и Нелл зажили, как муж и жена: по вечерам он ждал ее у ворот фабрики, и они под ручку возвращались домой. Для обоих такая жизнь была в диковинку, и они наслаждались ею. По вечерам Нелл обожала сидеть в своей комнатке, где на вбитом в стену гвозде висела куртка Кермита, а на спинке стула — ее чулки, где пахло яичницей с беконом, которую Кермит жарил на завтрак, и дешевыми духами, которые он подарил Нелл. В этом скромном жилье она ощущала себя в безопасности, словно птица в гнезде.

Нелл думала о Кермите каждую минуту, она

буквально жила им. Даже когда они говорили о каких-то пустяках, ей казалось, будто на свете нет ничего важнее. Хотя он не признавался Нелл в сокровенных чувствах, зато никогда не перекладывал на ее плечи лишних забот. Часто сам готовил холостяцкие блюда, вроде бифштекса с консервированной фасолью, а белье посоветовал относить в прачечную.

А как сладостно было засыпать и просыпаться в объятиях друг друга! Кермит и Нелл всегда лежали лицом к окну, и занавески постоянно были раздвинуты.

По утрам корпуса стоявших на якоре кораблей казались сделанными из серебра, а по ночам звезды над гаванью были такими большими и яркими, что чудилось, будто они заливают светом весь город.

Когда прошла неделя, сердце девушки тревожно заныло. Осталось так мало времени! Кермит по-прежнему уверял, что с ним ничего не случится, он обещал писать так часто, как только будут позволять обстоятельства и время, и при малейшей возможности вырваться в отпуск.

Однажды, когда Нелл выходила из ворот фабрики, к ней подошла Хлоя. По лицу подруги девушка поняла: что-то случилось. Рот Хлои был сжат в

тонкую линию, а в глазах затаились растерянность и скорбь. А потом Нелл увидела, как она вынимает из кармана письмо. Оно пришло из родного поселка, но не от матери. Та умерла две недели назад. Послание запоздало, и Клементину Бакер, конечно, успели похоронить. Надеясь, что Аннели приютили соседи, Нелл отправилась в путь.

Всю дорогу она то плакала от горя, то терзалась мыслями о том, что теперь делать. У них с Аннели не осталось близких родственников, стало быть, ей придется забрать сестру в Галифакс и заботиться о ней. Значит, последней недели с Кермитом не будет: они не смогут жить втроем.

Совсем недавно казавшаяся радужной действительность вдруг повернулась к ней неведомой темной стороной: Нелл потеряла мать, а вскоре ее возлюбленному предстояло уплыть на другой континент, чтобы принять участие в нелепой, жестокой и страшной войне.

Глава седьмая

Дилан Макдафф жил в большом особняке в районе, где обитало высшее общество Галифакса. Улица была хорошо вымощенной, широкой, а стоявшие на ней дома выглядели просто великолепными: Миранде казалось, будто она каким-то чудом угодила в другой город.

Во дворе окруженного кованой оградой особняка Макдаффов был фонтан, чугунные статуи, оплетенная зеленью беседка, посыпанные гравием дорожки и аккуратные клумбы, а чуть в стороне от дома находился большой гараж.

Миранда не могла взять в толк, почему, обитая здесь, Дилан чувствовал себя несчастным. Что может быть лучше, чем жить в доме, где есть горничные, лакей, повар и личный шофер, в доме, который буквально пронизывало ощущение роскоши!

В столовой, где хозяев и гостью ждал ужин, висели старинные часы, стоял мраморный камин, длинный стол орехового дерева и стулья с высокими спинками. Тяжелые шторы на узких окнах были прихвачены толстыми золотыми шнурами,

паркетный пол сверкал, словно зеркало.

Грегори Макдафф не понравился Миранде, как и она ему. Он был неразговорчив и хмур и пристально смотрел на нее из-за круглых очков. Судя по всему, на него не произвели впечатления ни ее красота, ни хорошие манеры. Между тем, собираясь в гости к Дилану, она как никогда тщательно выбирала одежду и украшения.

Платье благородного темно-синего цвета, с узкими длинными рукавами и неглубоким вырезом, струящееся до носков лакированных туфелек. Скромные серьги с аметистом в комплекте с перстнем — подарок родителей на совершеннолетие — и маленький крестик на золотой цепочке.

В разговоре Миранда старалась подчеркнуть, что ее отец — врач, по-своему известный и уважаемый в городе человек. Что ее обучали французскому и игре на фортепиано (хотя, признаться, она не преуспела ни в том, ни в другом). И что в ее личной библиотеке много современных книг. Однако в глазах Грегори Макдаффа все это не имело никакого значения.

Она была из низов, потому что ее родители не заправляли большими деньгами, не построили фабрику, не имели ни собственного дома, ни ав-

томобиля. Их не приглашали на светские вечера, и, значит, они ничего не добились в жизни. А к тем, кто стоит ниже тебя, надлежит относиться согласно определенным нормам и не позволять приближаться к себе. С точки зрения мистера Макдаффа, красота не являлась пропуском в высший мир. Для этого было нужно нечто другое.

Он увидел в Миранде всего лишь ловкую девицу, желавшую выгодно использовать свою внешность, одну из многих тысяч обивавших пороги храма богатства и роскоши, куда им не было доступа.

На ужин подали крабовый салат и белую рыбу с молодым картофелем под соусом из муки, петрушки, сельдерея и лимона. На сладкое была клубника со взбитыми сливками, а также несколько напичканных цукатами и изюмом кексов и кремовых пирожных, которых Дилан, конечно, не ел.

Мистер Макдафф не стал пить кофе и, довольно сухо извинившись, удалился к себе. Позже Дилан пояснил, что у отца больное сердце.

«И вместе с тем холодное и безжалостное», — подумала Миранда.

Она чувствовала, что потерпела поражение. Это случалось нечасто.

А ведь она уже рассказала матери и отцу о том, что ей сделал предложение сам Дилан Макдафф! Эбби едва не упала в обморок от восторга, а отец усомнился в том, правду ли она говорит. А еще Миранда сообщила об этом Кермиту.

Вспомнив о нем, она невольно вздохнула. Все же он сильно отличался от Дилана. Увидев человека, который не хочет убираться с его пути, Кермит ни за что не свернул бы в сторону.

Заметно расстроенный Дилан пригласил Миранду пройти наверх. Его комната напоминала ее собственную: ничего лишнего, много книг. Рисунков не было: он хранил их в папке, оберегая от посторонних глаз, и не показывал даже отцу.

— Я не понравилась мистеру Макдаффу, — сказала Миранда, присев на диван.

— Это не имеет значения. Мы все равно поженимся.

— Но он может вас наказать. Например, лишить наследства.

Дилан помотал головой.

— Нет! Он меня любит.

«Разве любовь бывает важнее денег?» — подумала Миранда. Впрочем, она еще никогда не любила.

Ей ничего не оставалось, как сказать:

— Что ж, будем надеяться на лучшее.

— Миранда! — Дилан взял ее за руки. — Я ухожу на войну. Отбываю на другой континент. Отец знает об этом, но пока не может поверить. Мы вступим в брак, когда я вернусь, хорошо? Если он не изменит своего решения, церемония будет скромной, но вы же не против?

Миранда мечтала о пышном венчании напоказ всему Галифаксу, потому ей пришлось покривить душой:

— Конечно, нет.

А потом в ее голову пришла одна мысль. Она давно хотела узнать ту соблазнительную тайну близости мужчины и женщины, о которой писали в некоторых книгах. Отчего-то она полагала, что это станет ключом к свободе, скрытой формой протеста против привычных и потому ненавистных жизненных устоев, того убогого существования, на какое ее обрекала судьба.

И главное, она была уверена в том, что после этого Дилан женится на ней даже вопреки воле отца. Ведь о его порядочности впору было слагать легенды!

— Вы по-прежнему хотите записаться в армию, Дилан?

— Я уже сделал это. Я уезжаю через неделю.

Сколько Миранда ни уговаривала его, он так и не передумал. Это было, пожалуй, единственное, в чем он не желал ей уступать. Она считала, что это ужасно глупо, что он ведет себя, как ребенок, решивший поиграть в солдатиков, но не могла сказать ему об этом.

Продолжая игру, Миранда опустила глаза.

— Я понимаю, это ваш долг. Я знаю, что иногда женщины дарят мужчинам, которых они любят и которые уходят на войну, самое сокровенное, чтобы тем было что вспомнить на полях сражений. Я готова сделать то же самое.

Глаза Дилана выражали испуг, а его поза — величайшую нерешительность. Он был похож на бычка, которого вели на заклание. Похоже, он не вполне понимал, о чем она говорит.

— Расправьте постель, — попросила Миранда.

Он выполнил ее просьбу. Его руки дрожали. Она понимала, что он не решится ее раздеть, а потому сама расстегнула платье, а потом стянула его через голову. К счастью, сегодня на ней не было корсета, только легкая сорочка и отделанные кружевами панталоны, которые Кермит Далтон наверняка сорвал бы в порыве страсти и на какие смущенный Дилан едва осмеливался смотреть.

Миранда сняла белье. Ее груди были полными,

а талия — тонкой. Наверняка прежде ее жених не видел обнаженных женщин, потому что его взгляд выражал безмерное восхищение и величайшую стыдливость. Сам он разделся после некоторого колебания, хотя его тело не имело изъянов.

Они легли в постель, и он неуверенно привлек девушку к себе.

Пока Дилан целовал Миранду и гладил ее тело, ей было довольно приятно, а потом началась настоящая пытка.

Он был неопытным, неловким, и у него ничего не получалось. Казалось, он просто не знает, что нужно делать. Миранда вновь подумала о Кермите: вот тот бы точно не растерялся! Да, с ним все было бы по-другому. Как же все-таки жаль, что он беден!

Когда Дилану наконец удалось проникнуть в ее тело, Миранда не почувствовала ничего, кроме легкой боли, а также довольно сильного раздражения. Вопреки тому, что писали в запретных книгах, ей вовсе не было хорошо, ей было противно; она желала оттолкнуть мужчину, которому сама же отдалась, а еще лучше — ударить его, потому что происходящее казалось ей на редкость унизительным. К счастью, все закончилось

быстро.

После Дилан принялся осыпать тело Миранды горячими поцелуями, перемежавшимися с благодарностями и извинениями, но она почти никак не реагировала, она лежала и думала о том, зачем ей понадобилось совершать такую глупость? А если она забеременеет, а его убьют?! Впрочем, Миранда читала, что зачатие редко происходит с первого раза. Главное, чтобы это не повторилось до его отъезда.

Дилан смотрел на нее затуманенным взглядом. Подумать только, он был близок с женщиной, с любимой женщиной, подарившей ему свою невинность!

Вместе с тем он понимал, что не сумел доставить Миранде ни малейшего удовольствия. Но все произошло так неожиданно, а у него не было никакого опыта. Мало кто в его возрасте оставался девственником, но он не желал идти в бордель лишь для того, чтобы стать мужчиной. Он мечтал о любви.

Взяв со стола маленькую коробочку, Дилан опустился на колени и протянул ее Миранде.

— Я хотел подарить это вам, чтобы вы не сомневались в моих намерениях. Полагаю, сейчас как раз подходящий случай.

Она с любопытством раскрыла футляр: на черном бархате лежало золотое кольцо с небольшим прозрачным камушком.

— Простите меня за мою неловкость, — потерянно произнес Дилан. — Просто до вас у меня никого не было.

Миранде показалось, что он вот-вот заплачет, и она погладила его по волосам.

— Все в порядке, Дилан. Кольцо очень красивое. Я принимаю твое предложение. Полагаю, теперь мы можем обращаться друг к другу на «ты»?

Пересилив себя, она вновь легла с ним в кровать, где они провели около получаса. Миранда оставалась начеку и не позволила Дилану овладеть ею еще раз. Однако он был счастлив, даже просто целуя и обнимая ее. Когда, одевшись и приведя себя в порядок, они спустились вниз, Миранда лукаво улыбалась. Несмотря ни на что, она ощущала себя победительницей.

Поездка на родину произвела на Нелл удручающее впечатление. Все здесь выглядело убогим, серым, словно втоптанным в грязь. Туманные рассветы, пустой горизонт, мокрый бурьян, мутные от дождя и солнца стекла домов — ни малейшего сходства с Галифаксом, который она успела полюбить.

Нелл долго рыдала на могиле матери, в том числе оплакивая и свою участь. Соседи привели Аннели. Та и прежде была молчаливой и тихой, а теперь и вовсе сделалась похожей на тень. Сестры мало походили друг на друга: волосы младшей были каштановыми, а не рыжими, как у старшей, а глаза не карими, а серыми.

Нелл попросила соседей заколотить двери и окна дома. Его едва ли удалось бы продать, потому что он пришел в полную ветхость. Хозяйственные постройки тоже находились в плачевном состоянии; их можно было пустить разве что на дрова.

Уезжая, Нелл понимала, что окончательно порывает с местом, в котором родилась и выросла. Девушка жалела, что у нее не останется ни единой фотографии отца и матери: они никогда не ездили в город, никогда не снимались. Из вещей взять было совершенно нечего. Не старую же посуду или домотканые дорожки? Нелл с тревогой подумала о том, что ей придется купить Аннели новую одежду и отправить сестру в школу.

Разумеется, Кермит был недоволен, хотя и старался не подавать виду. Он с сочувствием отнесся к горю Нелл, приветливо поздоровался с Аннели, а потом сказал, что пойдет ночевать к приятелю. Девушка все понимала. Он снял эту комнату, же-

лая жить в ней вдвоем, а не для того, чтобы Нелл поселилась здесь со своей сестрой. При Аннели они не могли ни толком поговорить, ни тем более заняться любовью. К тому же для троих в комнате было слишком тесно.

Не выдержав, Нелл поделилась своей проблемой с Сиеной (она продолжала называть ее так, хотя девушка и призналась, что имя ненастоящее), и та сразу сказала:

— В первую очередь думай о своей жизни. Молодые мужчины, а тем более неженатые, не любят всяких сложностей. Зачем ему твоя сестра? И когда тебе заниматься ее воспитанием? В Галифаксе есть заведение для сирот: там их и кормят, и учат. Отдай девочку туда; в приюте она будет под присмотром, а в выходной ты сможешь ее забирать.

Нелл так и сделала, хотя на душе скребли кошки. Аннели приняли: ведь она потеряла обоих родителей. Девочка не возразила ни единым словом, но у нее был совершенно убитый вид.

Впервые увидев сестру в тяжелых ботинках, сером платье и черном переднике, Нелл испытала острое желание немедленно забрать Аннели домой. Но она поборола себя. В приюте с девочкой не могло случиться ничего дурного, там было

хотя и довольно убого, но чисто; детям выдавали школьные принадлежности и неплохо кормили.

В воскресенье, с разрешения воспитательниц, Нелл увела Аннели до вечера. Втроем, вместе с Кермитом, они решили посетить ярмарку, где в числе прочего были установлены карусели и показывали зверей.

Все, что продавалось на ярмарке, выглядело по-деревенски свежим: овощи, сыры, мясо, пчелиные соты. Горы ревеня и кленовый сахар были типично канадским товаром. Индейцы предлагали покупателям корешки дикого дягиля и чудодейственный пихтовый бальзам.

Кермит отправился смотреть скачки на неоседланных конях, а Нелл покатала сестру на карусели и сводила в зверинец. Потом все вместе пошли есть жареных цыплят, а затем купили Аннели мороженое. И за все это время девочка не проронила ни единого слова и не выказала почти никаких эмоций.

Нелл была встревожена, но она не знала, что делать. В приюте ей сообщили, что Аннели открывает рот, только когда ее о чем-то спрашивают, да и то говорит неохотно и тихо.

На обратном пути Нелл сказала сестре:

— Пойми, мне приходится работать целый

день: некому будет встречать тебя из школы и кормить обедом. Я буду забирать тебя каждое воскресенье, а когда Кермит уедет, то иногда и чаще.

— Он твой муж? — спросила Аннели.

— Жених. Он тебе не понравился?

Девочка пожала плечами. Она видела и чувствовала, что Кермиту нет до нее никакого дела Да и со старшей сестрой у них не было почти ничего общего.

И вот наступил день отъезда галифакцев на фронт. На пристани было не протолкнуться. Играло сразу три оркестра. Над головами трепетали большие британские флаги. Кто-то произносил напутственную речь. В руках многих провожающих были цветы. Иные люди молились, другие плакали, третьи смеялись, а четвертые пили вино. По набережной сновали офицеры, пытаясь собрать новобранцев в кучу.

Кермит смотрелся в зеленой военной форме просто великолепно: она подчеркивала его мужественный вид и выделяла цвет глаз. Он держался нарочито сурово: настоящее прощание с Нелл состоялось минувшей ночью, полной безумной страсти, горячих и бесстыдных ласк.

Неподалеку стоял Дилан Макдафф, но они с Кер-

митом не видели друг друга. Дилану совершенно не шла форма; создавалось впечатление, будто он вырядился для театрального представления. В ней он выглядел моложе, чем был, и казался удивительно беспомощным.

Грегори Макдафф не пошел провожать сына: он не хотел, чтобы на них глазели любопытные жители Галифакса. Зато Миранда мечтала именно об этом. В красной бархатной шляпке с большой пряжкой, в плотно облегавшем фигуру английском костюме и туфлях на высоких каблуках она, напротив, казалась старше своего возраста. Ее губы были чуть тронуты помадой, а щеки — румянами. На пальце сверкало подаренное Диланом кольцо.

Они не целовались на людях, просто стояли и разговаривали, глядя друг на друга. В прошедшие дни Миранда вела себя очень сдержанно: больше им так и не довелось переспать. Она призналась, что боится забеременеть до свадьбы и желает сохранить свое доброе имя. Дилан не спорил: случившееся и без того казалось ему величайшим подарком судьбы. Если его убьют, по крайней мере, он успел испытать близость с любимой женщиной. А если он останется жив, у них с Мирандой еще будет время сполна познать

друг друга.

— Я постараюсь писать тебе каждый день, дорогая. Я буду рассказывать обо всем, что увидел. Правда, я не знаю, насколько хорошо работает военная почта.

— Ты будешь рисовать?

— Войну? — Дилан содрогнулся. — Нет.

Он отдал заветную папку Миранде, попросив сохранить рисунки. И подарил свою, как ему казалось, наиболее удачную фотографию: на ней он не выглядел грустным, а улыбался светлой и радостной мальчишеской улыбкой.

— Постарайся не лезть под пули.

— Не буду. Ради тебя.

— Я так и не поняла, зачем ты идешь на войну? — не выдержала Миранда. — Ты не создан для нее.

Дилан вздохнул.

— Я знаю. Все так говорят. И это правда. Я не могу убивать. Видя, что по дороге ползет муравей или жук, переступаю через него, стараясь не раздавить. Ведь жизнь такая хрупкая! Человеческое тело кажется крепким, но стоит ткнуть кожу чем-то острым, как пойдет кровь. Но если я откажусь, что подумают люди? Дилан Макдафф откупился от судьбы деньгами своего отца?!

— Тебе так важно, что они скажут?

— Но ведь я буду думать то же самое. Можно закрыть глаза на чужое мнение, но как укрыться от своей совести?

— У тебя выдающиеся моральные качества, — усмехнулась Миранда. — Только ты забыл обо мне.

Дилан взял ее за руки.

— Я думаю о тебе каждую минуту. Я уверен, что Бог нас не оставит. Мы слишком сильно любим друг друга! Мы обязательно будем вместе.

Миранда сделала верный ход: после того, как она отдалась Дилану, он больше не сомневался в ее любви. И она знала, что он скорее умрет, чем нарушит данное слово.

Вскоре началась погрузка на корабль. Море словно тоже пребывало в состоянии смятения и войны. Увенчанные белыми гребнями волны кипели и грохотали от ярости.

Дилан покидал Галифакс, не зная, увидит ли его снова. Сейчас, когда он ехал туда, куда ему, в сущности, не хотелось ехать, он лучше, чем когда-либо, понимал, как сильно привязан к родному городу.

Он стоял у борта, глядя на берег слезящимися от резкого ветра глазами, когда услышал знако-

мый голос:

— Кажется, здесь запахло сахарной пудрой! Советую держаться подальше от воды: Сладкий Мальчик может размокнуть. Впрочем, ты всегда был размазней. Тебе известно о том, что ты отправляешься туда, где твои деньги ничем тебе не помогут, где ты будешь всего-навсего одним из многих?

Дилан не обернулся и ничего не ответил, однако в сотый раз повторил себе, что куда бы он ни пытался бежать, ему придется нести свой груз с собой. Хорошо, если Кермит Далтон не станет насмехаться над ним в присутствии других новобранцев! Разумнее было бы дать ему сдачи, ответить оскорблением на оскорбление и ударом на удар, но Дилан знал, что никогда не сможет этого сделать.

Глава восьмая

Канада вступила в Первую мировую войну в 1914 году, после того, как генерал-губернатор страны принц Артур подтвердил, что доминион[8] является противником Германской империи.

Весной 1915 года подразделения Первой канадской дивизии были направлены на важнейший участок обороны союзных войск, Ипрский выступ, во Фландрию. Сейчас уже не было времени держать их в учебном лагере несколько месяцев: госпоже войне требовалось пушечное мясо.

Хотя Кермит Далтон и Дилан Макдафф служили буквально бок о бок, они почти не общались. Благодаря своей храбрости и сообразительности Кермит очень быстро выдвинулся и сумел стать признанным лидером даже среди тех, кто начал служить намного раньше. Очень часто именно его назначали в ночной наряд или поручали какое-либо ответственное задание. Кермит оставил в покое Дилана, решив, что такое ничтожество не стоит его внимания. Тот всегда тащился в хвосте,

[8] Примечания: 8

Термин, которым до 1947 г. обозначались государства — члены Британского Содружества Наций.

от него не было никакого толку. Ему не хватало ни физической выносливости, ни моральной устойчивости. Здесь он тем более не сумел найти себе товарищей. На войне, как и в мирной жизни, Дилан Макдафф оставался наедине со своими мыслями и чувствами.

Конечно, в этом хаосе колючей проволоки, внезапного ураганного обстрела, снопов осветительных ракет, воронок от снарядов, запаха крови и мертвечины было сложно не свихнуться. И если Кермиту помогала закалка, какую он приобрел с детства, а также природная выносливость, то у изнеженного Сладкого Мальчика ничего этого не было и в помине.

В свободные минуты Дилан писал Миранде, хотя иногда ему казалось, будто он переписывается с призраком. Он поражался тому, насколько быстро привычное сделалось нереальным и далеким.

Дилан не был плохим солдатом, он… вовсе им не был. Окопы, высотки, стрельба… Мелькание дней, в которых не было никакого смысла, а существовала одна задача — уцелеть. Пока что ему удавалось выжить, но больше ни на что не хватало сил.

Здесь никто не спрашивал, кто он, тут ему просто говорили, что нужно делать. Дилан не

сопротивлялся и не возражал: он был вынужден принять правила игры, в которую сам пожелал вступить. Если ему поручали, он чистил уборные или мыл на кухне посуду.

Так продолжалось до тех пор, пока один из парней, служивших не первый год, не приказал ему надраить пол казармы зубной щеткой.

Это произошло в присутствии Кермита, и тот увидел, что лицо Дилана сделалось похожим на лицо растерянного обиженного ребенка. Но его ответ прозвучал поразительно твердо:

— Я не буду этого делать.

— Как это не будешь?!

— Не буду и все.

— Почему?

— Потому что бессмысленно, и вы это знаете.

Парень немедленно подступился к нему, собираясь показать, кто есть кто, и Кермит рассмеялся про себя. Сейчас этот богатенький папенькин сынок наконец-то поймет, куда он попал!

Но потом его словно что-то толкнуло: он сделал шаг вперед и отстранил парня от Дилана.

— А ну оставь его!

Разумеется, подмена слабого соперника на сильного не понравилась парню, и он ощерился:

— А тебе что за дело?

— Мы земляки.

— Так тут вроде все из Канады…

— Мы — из Галифакса, — веско произнес Кермит.

Оценив крепкие мускулы противника и его дерзкий взгляд, парень отошел в сторону, а Кермит заметил, что Дилан смотрит на него с изумлением и благодарностью. Но ни тот, ни другой не сочли возможным перекинуться словом.

Хотя большинство новобранцев стало солдатами по доброй воле и многие идеализировали войну, видя ее в некоем романтическом свете, мало кто из них думал о карьере, о том, чтобы война сыграла какую-то практическую роль в их жизни. А вот Кермит довольно скоро задумался об этом. Очутившись на фронте, он сразу почувствовал, что стоит многих других. Он обладал способностью мгновенно приходить в состояние полной боевой готовности, когда дело касалось опасности, ему была свойственна обостренная чуткость, он не страшился смерти и вместе с тем не был безрассудным. Кермит быстро подорвал власть тех, кто пытался подмять новобранцев под себя и заставить их выполнять всякие бессмысленные поручения, потому что ни капли их не боялся: тот, кто привык сражаться с судьбой,

знает слишком много неписаных, зато реально действующих законов.

На войне различия, созданные происхождением, образованием и воспитанием, стирались. Иногда тот, кто был менее щепетилен, даже имел преимущества. Война, что называется, переплавляла людей, выявляла, кто чего стоит на самом деле.

Дилан знал, что сегодня предстоит важное сражение. Он нащупал в кармане письмо, которое собирался отослать Миранде, но не успел дописать. Внезапно он подумал о том, что пребывает в странном мире между жизнью и смертью, который, при всем при том, сейчас казался единственно реальным. В мире, где то, что он слышал, видел и узнавал, оседало в душе, как свинец. А еще Дилан думал о подлом животном страхе, заслонявшем и перечеркивавшем все, чем он жил прежде. Но в этом смысле он не был единственным. Он много раз видел тех, для кого прошлое утрачивало свое значение, чьи мысли превращались в глину, в зависимости от обстоятельств принимавшую то одну, то другую форму.

В тот роковой день Кермит первым из окружавших его людей заметил, что происходит что-то странное.

Желтовато-зеленое облако газа неуклонно наползало на окопы, и настигнутые им солдаты начинали задыхаться. Судя по всему, то был ядовитый газ, происхождения которого они не знали. Что могли придумать эти немцы?!

Кермит немедленно принялся размышлять, что и как можно использовать для защиты: ему в голову не пришла даже слабая мысль о постыдном бегстве. Пытаясь сообразить, что находится под руками, он вспомнил, как еще в детстве тетка советовала ему смазывать раны и ушибы… собственной мочой! В данном случае брезгливость не имела значения. Кермит тут же сказал об этом товарищам, и они наложили на лица тряпки, пропитанные мочой.

Благодаря его сообразительности они не только спасли свою жизнь, но и удержали позиции, а вскоре командование подтянуло резервы.

После Кермит и его сослуживцы постарались оказать помощь тем, кто пострадал от газовой атаки.

Их было очень много. Большинство погибло сразу — в основном от удушья. Другие чудом выжили, но поражения от хлора были ужасны. Пострадавших клали на плащ-палатки или носилки и переправляли в полевой лазарет.

Обходя позиции, Кермит обнаружил человека, который полз по грязи, словно червяк, и умолял о помощи. Это был Дилан Макдафф!

Склонившись над ним, Кермит увидел, что он закрывает лицо руками.

— Помогите! Мне больно!

Как ни странно, Кермит не ощутил ни капли жалости.

— Помогу, если ты ответишь на вопрос, было ли что-то между тобой и Мирандой Фишер? Ты понимаешь, о чем я!

На мгновение Дилан очутился в другом мире, где есть время, запахи, видения и звуки, где он оставил все, ради чего стоило жить. Но это длилось так недолго, а его столь сильно мучили неизвестность и боль, что он простонал:

— Ничего не было!

— Тебе повезло, потому что в противном случае я бы тебя убил. А теперь признай, что ты — ничтожество!

Дилан ощущал себя, как на Страшном суде, где гневный Бог задает ему вопросы. И он покорно произнес:

— Признаю.

— Ладно, вставай. — Кермит приподнял его за шиворот. — Ноги у тебя целы, значит, ты можешь

идти.

— Я ничего не вижу!

— Я тебя поведу.

Из кармана шинели Дилана торчало что-то белое. Письмо от Миранды? Кермиту стало любопытно, что она пишет, и он вытащил сложенные листки.

Дотащив Дилана до полевого лазарета и передав в руки санитаров, Кермит нетерпеливо развернул письмо и пробежал глазами аккуратные строки.

То было не ее, а *его* послание, и оно показалось Кермиту проникновенным, страстным и нежным. Он ни за что на свете не сумел бы найти таких слов! На втором листе был рисунок. Несколько штрихов заставили сердце Кермита сжаться от боли. Галифакс. Гавань, место встреч и разлук, слияния прошлого и будущего. Оказывается, булочник умеет рисовать!

Впервые Кермит был готов признать, что у Дилана есть перед ним кое-какие преимущества.

Внезапно ему сделалось совестно. Чего он привязался к этому парню? У него постоянные отношения с Нелл, на которой он, возможно, даже женится. А Миранда все равно ни за что не вышла бы за него замуж.

Что заставило его издеваться над человеком, который наверняка страдал от невыносимой боли? Хотя именно такие, как этот Макдафф, и выдают военные тайны под пытками. Что ни говори, этому парню ни за что нельзя было идти воевать.

В конце концов Кермит решил в ближайшее время навестить Дилана в лазарете и вернуть ему письмо.

Очнувшись, Дилан не мог понять, где находится. Он не знал, почему не видит: только ли потому, что его глаза сжимала плотная повязка, или от того, что он ослеп? Он помнил, как брел, едва переставляя ноги, поддерживаемый Кермитом, и чувствуя, как его лицо словно обжигает языками пламени. Нечеловеческая боль вгрызалась в кожу, лишая воли, разума и сил.

Потом он, наверное, потерял сознание. Сколько прошло времени? Сможет ли он встать? Внезапно Дилану захотелось сбежать из собственного тела, сдавленного повязками и, как он полагал, изувеченного.

Он осторожно пошевелил руками, потом ногами. Все как будто было на месте, а перевязанным оказалось только лицо. А еще при каждом вздохе по легким будто разливался огонь.

Потом он услышал голоса. Какие-то люди, очевидно, доктора, остановились возле его кровати и беседовали, вероятно, не предполагая, что он очнулся.

— Думаю, зрение восстановится: глаза пострадали не очень сильно. Легкие тоже — он не успел надышаться газа. А вот что делать с лицом, я не знаю.

— Пластическая операция не поможет?

— Вам же известно, коллега, пластика — дело новое. Конечно, имея деньги, можно попытаться, но я ни в чем не уверен.

— Мне безумно жалко этого парня.

— Мне безумно жалко всех парней, угодивших в эту мясорубку. Они умирают толпами. Давайте продолжим обход.

Поняв, что они собираются уйти, Дилан счет нужным пошевелиться и тут же услышал:

— Вы очнулись, мистер Макдафф! Вы меня слышите? Вы в лазарете. Я главный врач, Уоррен Пайпер, а это мой помощник, мистер Тодд. Как вы себя чувствуете?

— Я ничего не вижу, а еще мне тяжело дышать.

— Это пройдет. И мы думаем, что ваше зрение восстановится. Просто надо несколько недель

носить повязку с лекарством.

— Я ранен?

— На вашем теле нет ни одной царапины. Но ваше лицо, — мы вынуждены признать, — пострадало довольно сильно. Точнее, половина лица. Мы, как могли, нейтрализовали дальнейшее действие хлора, но он успел сделать свое дело. И еще… мистер Макдафф…

— Прошу вас, зовите меня по имени.

— Хорошо, Дилан. Нам придется сообщить вам плохую новость. К сожалению, ваше командование что-то напутало и послало в Канаду весть о том, что вы погибли. А сейчас мы узнали, что ваш отец скончался от сердечного приступа. Приносим вам свои соболезнования.

Дилан окаменел. На мгновение ему почудилось, будто в ткани бытия кто-то внезапно прострелил дыру, словно привычный мир вдруг оказался вывернутым наизнанку. Его отца, Грегори Макдаффа, давшего ему жизнь и вырастившего его, больше нет! Дилан вспомнил, как бросил ему в лицо: «А ты не думал о том, что я тоже способен *убить?*». Вот он и убил. И не кого-нибудь, а собственного отца!

— Мне надо домой! — простонал он, скребя по одеялу онемевшими пальцами.

— Вам придется еще немного побыть в лазарете. Вы все равно не успеете на похороны: они уже состоялись.

— Сколько же прошло дней?!

— Вы здесь почти две недели. Вам давали морфий, и вы почти все время спали. Возьмите себя в руки, Дилан: для вас война закончилась. Скоро вы поедете в Канаду и вернетесь к прежней жизни. Другим повезло куда меньше: они задохнулись или навсегда ослепли.

«Нет, — подумал он, — теперь я всегда буду думать о войне и о том, что она со мной сделала!»

Последующие дни он пребывал в таком состоянии, словно его душа очутилась в аду. Боль в груди и обожженных глазах не давала ему плакать, потому он страдал молча, вновь и вновь размышляя о том, что ему пришлось пережить. Задетым оказалось не только прошлое и настоящее, но и будущее. То, что он считал своей реальностью, исчезло; Дилан догадывался, что произошедшее полностью изменило его жизненный путь.

Однажды ему сказали, что к нему пришел посетитель. Услышав имя Кермита Далтона, Дилан удивился и сперва решил попросить, чтобы его не пускали, а потом передумал. Что такого мог сказать или сделать этот человек, чтобы ему

стало еще хуже?

Как и многие люди, Кермит ненавидел госпитали с их запахом крови, гноя, лекарств и… смерти. Ситуацию не спасало даже присутствие хорошеньких медсестер, исподволь бросавших заинтересованные взгляды на красивого молодого человека с великолепной военной выправкой.

Кермит надеялся, что вскоре его шинель украсят офицерские погоны. Командованию стало известно о том, как он проявил себя во время газовой атаки: не только догадался, как защититься от отравляющего вещества, но и не позволил товарищам покинуть позицию, в результате чего германская армия не смогла прорвать оборону и город Ипр не был взят.

Хотя госпиталь был переполнен, Дилан Макдафф лежал в отдельной палате. Вероятно, каким-то образом врачи узнали о том, что он не простой рабочий парень.

Он был весь в бинтах и походил на мумию: открытыми оставались только ноздри и полоска губ. Подумав о том, *что* может скрываться под этими бинтами, Кермит невольно содрогнулся.

И все же он был далек от сантиментов и потому ограничился тем, что сказал:

— Привет! Из твоего кармана выпало письмо,

я поднял его, но забыл сунуть обратно. Я принес его тебе.

— Едва ли мне доведется его закончить, — сдавленно произнес Дилан.

— Ты не сможешь видеть?

— Врачи обещали, что зрение восстановится, только я не очень верю.

— Это ты зря. Они наверняка знают, что говорят. В этой атаке пострадала уйма народа. Трупы складывали штабелями, словно дрова. Многие были сильно обезображены. Так что тебе еще повезло. Поедешь домой, где тебя ждет невеста.

— Доктор сказал, у меня что-то с лицом. Как я покажусь на глаза Миранде?

Меньше всего Дилан желал говорить об этом с Кермитом, но не сумел сдержаться. Эта мысль мучила его наряду с мыслью о смерти отца, и хотя он никогда не был склонен к лишней откровенности, сейчас понимал, что если не поделится своими чувствами хотя бы с кем-нибудь, то просто сойдет с ума.

А если его лицо покрыто шрамами? А если там вообще один сплошной струп?! Прежде Дилан не слишком радовался, когда его называли красавчиком, а теперь боялся предстать перед Мирандой полным уродом!

— Если девушка выбирает парня за его внешность или за его деньги, грош ей цена, — удовлетворенно произнес Кермит.

— А еще я убил своего отца! — в отчаянии прошептал Дилан.

— Как это?

Услышав ответ, Кермит сказал:

— Успокойся. Не бери в голову и не терзай себя. В этом виноват не ты, а проклятые немцы, а еще тупое командование, приславшее твоему отцу похоронку. И потом — твой отец все же прилично пожил, а вот я потерял своего, когда мне было всего десять лет. Я остался совсем один, потому что у меня не было матери.

— У меня тоже не было, — сказал Дилан и добавил: — Она умерла.

— А моя просто ушла от нас. — Кермит помедлил. — Что касается отца, он бросился под поезд после того, как его уволили с твоей фабрики. Полагаю, его выгнали после того, как я тебя ударил.

Казалось, Дилан находится на грани истерики.

— Я не имею к этому отношения! Я никому не жаловался! Я никогда не понимал, за что ты меня ненавидишь!

— Сперва за то, что мне приходилось самому пробивать дорогу в жизни, а тебе судьба все пре-

поднесла на золотой тарелке. А потом — из-за Миранды. Но это в прошлом. У меня есть невеста; между прочим, она тоже работает на твоем предприятии. Конечно, моя девушка не такая красотка, как твоя, но зато она меня очень любит.

— Ты по-прежнему думаешь, что Миранда сошлась со мной из-за денег?

Кермит пожал плечами.

— Правду можешь знать только ты.

— Я тоже не знаю, — признался Дилан, — но надеюсь, что нет.

— Ты выяснишь это, когда вернешься домой. Полагаю, тебе не о чем волноваться. Ты побывал на войне, выполнил долг перед Родиной — никто не сможет тебя упрекнуть. К тому же ты пострадал: в общем почти что герой! И теперь именно ты будешь управлять делами. Кстати, советую получше заботиться о людях, которые зарабатывают для тебя деньги!

Стоило Дилану подумать о руководстве фабрикой, как у него похолодела душа. Он не считал это основой или смыслом жизни, это была обуза. Но он знал, что никогда не сможет объяснить этого Кермиту. А тот сказал:

— Ладно, мне пора идти. Надеюсь, у тебя все будет хорошо.

— Я не стану благодарить тебя за то, что ты меня спас, потому что это было сделано напрасно, — твердо произнес Дилан.

— Полагаешь, лучше гнить в земле?

— Это все-таки лучше, чем гнить живьем.

— Я уверен, что ты поправишься. Пара шрамов на лице ничего не значат. И едва ли врачи врут относительно твоего зрения. Между прочим, ты здорово рисуешь! Это же твой рисунок был вложен в письмо?

— Да, только едва ли мне еще когда-нибудь захочется рисовать.

Глава девятая

Дилан вернулся домой через два месяца и тут же, по рекомендации врачей, лег в больницу Галифакса. Он все еще носил на глазах повязку, отчего зачастую его захлестывала паника. Дилан пытался стряхнуть с себя это чувство, втолковывал себе, что страхи бессмысленны, но все было напрасно. Будущее смотрело ему в лицо, словно безжалостное дуло винтовки, было направлено на него, будто холодно сверкающий штык.

Он по-прежнему не знал, как выглядит, потому не стал сообщать о своем приезде никому, даже своим тетушкам и Миранде. Он давно не получал от нее писем, а потому не ведал, знала ли она о похоронке, как и о том, что та оказалась ложной. Впрочем, о смерти его отца было известно всему Галифаксу.

В последнее время Дилану казалось, будто его мышцы превратились в студень. Его одолевало желание лежать и не двигаться. Так он и поступал: почти не вставал, а еще — ни с кем не разговаривал.

Спустя несколько дней один из врачей, подойдя

к его койке, сказал:

— Мистер Макдафф, полагаю, с ваших глаз можно снять повязку: этот срок указан в письме наших европейских коллег, которое вы привезли с собой.

— Хорошо, — ответил Дилан, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Чьи-то заботливые руки осторожно размотали бинты, потом он поднял веки, и в глаза ударил свет!

Слава Богу, он видел! Должно быть, не так хорошо, как прежде, но он не ослеп! Он сможет увидеть улицы Галифакса, гавань и… Миранду, если она, конечно, захочет этого.

— Вы видите?

— Да. Правда, не очень четко.

— Думаю, постепенно зрение полностью восстановится. Я очень рад за вас! — с искренней теплотой ответил врач.

Дилан перевел на него взгляд и через минуту осознал, что перед ним отец Миранды.

— Мистер Фишер?

— Да, это я. — Доктор смотрел на него доброжелательно и с сочувствием.

— Как… поживает мисс Фишер? — запинаясь, произнес Дилан.

— С ней все в порядке, хотя все мы очень переживали за вас, пока вы были на фронте. Потом вы перестали писать, и моя дочь не находила себе места. Кстати, сожалею о кончине вашего отца — в его лице город понес большую утрату.

— Благодарю вас. А мисс Фишер знает, что я здесь? — спросил Дилан, и Колин ответил:

— Нет, я ей не говорил. Я решил дождаться момента, когда вы сами захотите с ней встретиться.

Поскольку Дилану почудилось, что слова мистера Фишера прозвучали со странной осторожностью, он решился промолвить:

— Я знаю, что выгляжу не так, как прежде. Но я еще не видел себя. Вы можете принести мне зеркало?

Ему показалось, что доктор желает оттянуть этот момент.

— Ваши раны болят?

— Пока мне было больно, я получал морфий. Сейчас меня ничто не беспокоит. Однако я чувствую, что мой облик стал другим. И на ощупь левая половина лица совсем не такая, как правая.

— Вы сильно похудели.

— У меня нет аппетита. Так вы позволите мне взглянуть на мое отражение?

Тяжело вздохнув, мистер Фишер попросил медсестру принести зеркало.

Взяв в руки круглое стекло, Дилан посмотрел в него так, как взглянул бы в лицо судьбе.

Увидев себя, он оторопел. Его лицо состояло из двух половин. Правая была совершенно нормальной: гладкая кожа, благородный лоб, изящный очерк губ, прямой нос. А вот левая отражалась, словно в кривом зеркале: неровная багровая поверхность, язвы и струпья.

Судьба, словно в насмешку, показывала ему, каким он был и каким он стал.

Лоб Дилана покрылся испариной. Ему захотелось куда-нибудь убежать, забиться в укромное место, а еще — содрать с себя маску чудовища. Но от себя не убежишь, и дарованный Господом Богом лик человек изменить не в силах. Это способна сделать только война или несчастный случай.

— Вы живы, главное, вы живы! — убежденно произнес доктор Фишер, видя реакцию пациента.

— Да, но как же мне теперь жить! — вырвалось у Дилана, и ему тут же сделалось стыдно.

Он что, позировал для журналов? Зарабатывал на жизнь собственной внешностью? В последнее

время ему часто говорили, что он — счастливчик, потому что остался жив, а не гниет в земле раньше времени. К тому же, в отличие от многих других жертв войны, он человек небедный, потому может сделать операцию на лице хоть в Канаде, хоть в Европе. Дилан мало что слышал о пластической хирургии (в те времена она только начала развиваться), но знал, что существуют клиники, в которых людям возвращают потерянную внешность.

Очевидно, отец Миранды что-то прочитал в выражении его глаз и изуродованного лица, потому что не стал успокаивать Дилана. Вместо этого он спокойно спросил:

— Я могу сказать дочери, чтобы она к вам пришла?

Дилан твердо ответил:

— Я не хочу, чтобы она видела меня таким.

И тут же понял, что вновь проявил малодушие, потому что доктор Фишер промолвил:

— Это следы войны. Они не постыдны. Все эти месяцы Миранда много говорила о вас. Все мы постоянно думали о том, живы ли вы и что с вами: и моя дочь, и моя жена, и я.

— Спасибо. Пожалуй, вы правы. Многие люди говорили, что по сравнению с другими мне еще

повезло.

Доктор Фишер покачал головой, а потом произнес фразу, которую его собеседник не ожидал услышать:

— Все это только слова. На самом деле ваша судьба — это только *ваша* судьба. И ваша жизнь — самое ценное, что у вас есть. Высший дар, который человек получает лишь однажды.

— Я хочу выписаться из больницы — больше мне здесь нечего делать, — сказал Дилан. — Если это возможно, отпустите вашу дочь ко мне. Только прошу вас, предупредите ее о том, как я выгляжу.

Колин Фишер возвращался домой с тяжелым сердцем. Он понимал, что его жена подвержена приступам ипохондрии именно потому, что он уделял ей слишком мало внимания, сосредоточившись на своих пациентах. Он предполагал, что Эбби сделала своей жертвой Миранду, заставляя ее выслушивать то, чего у него не хватало ни времени, ни терпения выслушать. Он также знал, что дочь трепыхается в этом замкнутом мире, словно птица в силках, и не чает освободиться.

Дело всей жизни не должно стоить счастья близких, но в случае с ним это было именно так.

Миранда была готова признать жизнь без

границ, без тени прошлого и безо всякой вины — в этом Колин был абсолютно уверен. Но он сомневался в том, что она сможет принять изуродованного юношу вместе с грузом его души и сердца.

Колину было жаль этого парня. Дилан Макдафф был хорошим человеком, искренним, честным, удивительно чистым и почти наверняка — в чем-то по-настоящему талантливым.

Когда отец сообщил Миранде о том, что ее жених вернулся в Галифакс, сперва она буквально подпрыгнула от радости, а после насторожилась. Почему он не написал, не предупредил ее о том, что приедет?

— Он был серьезно болен, — ответил Колин, — он даже не знал, будет ли видеть.

— Дилан ослеп?!

— Нет, теперь с его зрением все в порядке. Однако с некоторых пор он выглядит не так, как прежде. Германская армия применила отравляющие вещества: во время химической атаки погибло очень много людей. Дилан остался жив, но он…

Колину Фишеру много раз приходилось сообщать больным и их родственникам о неутешительных диагнозах и различных несчастьях, но

он не имел понятия, как подготовить родную дочь к тому, что ей придется увидеть.

— Что с ним? — спросила Миранда.

Доктор Фишер сообщил, — как можно осторожнее и мягче, — и тут же заметил, как в глазах дочери промелькнула сперва растерянность, а потом — откровенный ужас.

— Он хочет, чтобы ты его навестила, — добавил отец.

— Где? В больнице?

— У него дома.

— Я… я подумаю, — прошептала она, и Колин мысленно попросил у Дилана прощения.

Пройдя в свою комнату, Миранда опустилась на стул перед туалетным столиком и долго сидела, оцепеневшая и одинокая. В глади зеркала отражалось бледное, искаженное испугом лицо.

Что же делать? Как быть? Как встретить неизбежное?!

Наконец поднявшись с места и подойдя к шкафу, она принялась раздраженно громыхать деревянными плечиками. За время отсутствия Дилана Миранда купила несколько красивых нарядов. Лето было в разгаре, и на ней великолепно смотрелось бы платье из легкой лиловой ткани. Ниже колен его украшали оборки, напо-

минавшие морскую пену, а талию подчеркивал золотистый поясок.

Недавно Миранда научилась по-новому причесывать волосы и специально для этого приобрела янтарную заколку. Если б они с Диланом решили пройти по улицам Галифакса, она бы облачилась в свои кокетливые доспехи, взяла жениха под руку и улыбалась задорно, гордо и смело. Но что будет *теперь*?

Девушка дернула платье, и оно соскользнуло вниз. Подняв его, Миранда зарылась в него лицом и разрыдалась от отчаяния и страха.

И все же на следующий день она отправилась к Дилану, захватив папку с рисунками, которую он отдал ей перед отъездом. Она облачилась в скромное коричневое платье и шляпку с дымчатой вуалью, из-за которой лицо виднелось, будто в тумане. Миранда не хотела, чтобы кто-нибудь увидел ее входящей в ворота особняка Макдаффов. Во всяком случае, пока.

Накануне визита к Дилану Миранде всю ночь снились кошмары, ее переполнял ужас. Она видела разлагающиеся тела, каких-то нелепых тварей, чью-то искромсанную плоть.

Она пыталась осмыслить ситуацию и не могла. Миранда ненавидела страдания, не любила

отцовских рассказов, никогда не ходила в больницу, где он работал, и все же ее настигла та самая судьба, от которой она бежала всю свою жизнь!

Она должна увидеть чудовище, ей придется с ним жить. Миранде почудилось, будто подаренное Диланом кольцо жжет ей палец, — она сняла его и положила в карман, но потом снова надела. Если он заметит, что на ней нет кольца, то сразу все поймет.

Дилан не вышел ей навстречу, и Миранде пришлось пройти в гостиную: лакей сказал, что хозяин ждет ее там. В доме было тихо, в нем царил порядок и властвовала прежняя роскошь. Этот дом жил своей жизнью, ему не было дела до страданий его обитателей.

Дилан сидел в глубоком кресле у противоположной стены длинной комнаты. Подняв вуаль, Миранда старалась разглядеть своего жениха, но в комнате было темно из-за задернутых штор.

Она подошла ближе на ватных ногах, не зная, что сказать и как себя вести.

Дилан молча смотрел на нее, закрывая рукой половину лица. Миранде показалось, что он выглядит совершенно нормально, и она облегченно перевела дыхание. Сообщив дочери о том, что лицо ее возлюбленного изуродовано, Колин Фишер

опустил подробности.

Что это — глупая шутка? Жестокий способ проверить ее чувства? В то же время Дилан вел себя как-то странно. Он должен был схватить ее в объятия, закружить с радостным смехом, осыпать поцелуями. Вместо этого он просто сказал:

— Я вернулся.

Миранда положила папку с рисунками на диван, но сама осталась стоять.

— С тобой что-то случилось?

— Разве твой отец не рассказывал?

— Да, но…

В комнате повисло напряжение, которое с трудом выносили и он, и она.

— Ты хочешь это увидеть?

«Конечно же, не хочу! — хотелось воскликнуть ей. — Я мечтаю вырваться на солнце, на воздух из этого склепа, каким бы роскошным он ни казался!»

Она не смогла ничего промолвить и только кивнула.

Дилан отнял руку, и Миранда содрогнулась. Ее жених с его прежде ангельской внешностью был подобен чудовищу. Половина лица принадлежала прежнему Дилану, а другая казалась порождением кошмара.

Не сдержавшись, она громко вскрикнула.

— Прости меня, — выдавил Дилан, и Миранде почудилось, будто внутри ее существа отворилась некая потайная дверь.

— Не прощаю! — услышала она собственный голос, голос человека, отчаянно, яростно боровшегося за свою собственную жизнь. — Кто только ни говорил тебе, чтобы ты не шел на фронт! Все понимали, что ты не создан для войны, что тебя покалечат или убьют! Но ты настоял на своем из-за глупого упрямства, и вот к чему привели твои игры в солдатиков! Ты мечтал вернуться героем, а вернулся уродом! И чего ты хочешь теперь? Сочувствия, жалости? Кого ты можешь винить в случившемся, кроме самого себя? У тебя куча денег, ты бы мог путешествовать, рисовать, заниматься, чем только захочешь, наслаждаться жизнью, а вместо этого ты сознательно разрушил себя!

Отчасти Миранда была даже рада тому, что не сдержалась и с ходу все высказала. Она все равно никогда не смогла бы прикоснуться к этим губам, дотронуться до этого омерзительного лица! Она не желала видеть его каждый день, не собиралась посвящать ему свою жизнь! Не хотела становиться сиделкой этого человека, ей было бы противно

лечь с ним в постель.

— Миранда! Зачем ты так? Я сам освободил бы тебя от данного слова. Я никогда не стал бы уговаривать любимого человека остаться со мной… — его голос звучал, словно из подземелья, судя по всему, он был раздавлен ее словами.

Поднявшись с кресла, Дилан потянулся к девушке в бессознательной мольбе.

Она оттолкнула его с такой силой, что он упал на колени, да так и остался стоять, протягивая к ней руки. Слезы прокладывали дорожки в изуродованной плоти его лица, а его взгляд — каким он был в ту минуту — Миранда запомнила на всю жизнь.

— Ты лжешь! Ты отвратителен мне! — вскричала она и, сорвав с пальца кольцо, швырнула его на пол.

А потом выбежала из комнаты.

Когда стук ее каблуков затих вдали, Дилан рухнул на ковер и замер, слушая бешеный стук собственного сердца.

Он потерял все одним махом, в его существовании больше не было смысла. Он не имел права взваливать на других груз своей души, обременять их своим уродством — в этом Миранда была совершенно права, и все-таки, если б она его

любила, то никогда бы не повела себя подобным образом.

Мир несчастья поглотил его, и Дилан не знал, что ему делать.

Спустя довольно долгое время он нехотя встал. Увидев папку со своими рисунками, потянулся к ней с намерением уничтожить все, что некогда было создано его воображением, эмоциями, попытками запечатлеть не столько Галифакс, сколько свое собственное видение родных мест.

Но потом он остановился. На этих акварелях нет его прежнего лица, в них была только его душа. Она еще не умерла, и он решил не наносить ей еще одну рану. Пусть рисунки останутся, даже если больше он никогда не захочет на них смотреть.

На следующий день Дилан побывал на могиле отца. Грегори Макдаффа похоронили в элитной части галифакского кладбища, рядом с супругой, умершей четверть века назад. Кругом высились кованые ограды и было много вычурных, помпезных надгробий.

На кладбище гулял ветер. Здесь он был особенным, обнаженным, сырым и звучал безнадежно и тоскливо. Глядя на небольшой холмик, Дилан понимал, что Миранда права: он уничтожил все

своими же руками. Он соглашался с тем, что его привело на войну безрассудство и глупая романтика, в результате чего он положил на алтарь бессмысленной бойни жизнь отца, свое будущее, любовь. Ощущая поразительную несовместимость между собой и окружающим миром, Дилан чувствовал, что должен уйти.

Но куда и как? Убить себя? Что-то в его душе противилось этому, и то был не страх смерти. Он выжил тогда, когда другие погибли. У него были целы и руки, и ноги. Самоубийство стало бы предательством по отношению к судьбе, какой бы она ни казалась жестокой. Он обязан принять то, что с ним произошло, должен переносить страдания, не жалуясь и никого не виня.

Дилан не стал навещать своих тетушек, потому что был не в силах слушать их охи и ахи. Он рассчитал всех слуг, кроме двух сменявших друг друга сторожей и садовника, и велел хорошо запереть дом, гараж и ворота. Нашел нотариуса и передал право подписи на документах совету директоров фабрики, созданному после того, как умер его отец, а сам Дилан еще не вернулся в Канаду.

Потом он обошел те районы города, где сдавались недорогие меблированные комнаты. Дилан

замотал шарфом нижнюю часть лица и надвинул на глаза шляпу, но все же многие люди шарахались от него, будто от прокаженного.

В одном из домов хозяйка сказала:

— Я готова сдать комнату за пять долларов в неделю, если только вы не станете никого приводить и не будете шуметь.

— Я поселюсь один. Друзей у меня нет. Я приму все условия, если вы, в свою очередь, согласитесь — разумеется, за отдельную плату — приносить мне книги из библиотеки и покупать продукты. Мне не очень хочется выходить на улицу.

— Конечно, сэр, — тихо проговорила хозяйка, разглядев его лицо. — Вы вернулись с войны?

— Да, — коротко ответил Дилан.

Поселившись в маленькой комнатушке, большую часть времени он лежал (просто так, потому что сна не было), иногда заставлял себя что-нибудь почитать. Он очень мало ел; фактически только для того, чтобы не умереть от голода. Дилан оставил мысли о пластической операции: ему казалось, что теперь в этом нет никакого смысла. Он общался только с хозяйкой, да и то лишь по делу. Он не желал никого видеть и не хотел, чтобы кто-нибудь видел его.

В эти же дни Миранда выдержала сложный,

если не сказать судьбоносный разговор с родителями. Ей пришлось признаться, что она бросила жениха, и Колин Фишер сказал:

— Ты оставила человека в самый тяжелый период его жизни. Как ты могла так поступить!

— Он же не инвалид, за которым нужно ухаживать! — вторила Эбби. — К тому же теперь ему принадлежит вся фабрика!

— Да, — вставил отец, — раз у него есть деньги, он наверняка попытался бы сделать пластическую операцию.

Выслушав все это, Миранда взорвалась:

— А если операция не поможет? Я что, должна жить с чудовищем?! Представляю, что подумали бы люди, увидев нас вместе! Тогда бы все точно решили, будто я вышла за него из-за денег! Зачем он вернулся в Галифакс, на что он рассчитывал? Пусть бы он навсегда остался там, на этой проклятой войне!

— То есть ты полагаешь, лучше б его убили?

— Да, я думаю именно так!

— Значит, ты его не любила, — заметила Эбби, и ее дочь вскричала:

— Да, я его ненавижу! Так же, как и тебя! Мне надоело твое нытье! Ты вечно взваливала на меня свои вымышленные и вымученные страдания,

желала, чтобы я была для тебя сиделкой! А теперь я должна стать нянькой и для него? Ты всегда мечтала выдать меня за денежный мешок, но я… я больше не намерена идти у тебя на поводу!

Пока Эбби ловила ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба, Колин воскликнул:

— Как ты разговариваешь с матерью! Никто тебя не принуждал. Ты сама решила за него выйти.

— Будучи зависимой от вашего мнения, — отрезала Миранда. — Ты говоришь, что я бросила Дилана в трудную минуту? А кто из вас подумал обо мне?!

— Мы всегда думали о тебе, — заметил Колин, но это прозвучало неубедительно, и Миранда продолжала бросать обвинения в лицо своим родителям:

— Ты вечно пропадал в больнице! Тебя куда больше беспокоили твои пациенты, чем своя собственная семья! Вы заперли меня в этих душных комнатах, тогда как другие девушки ходили в кино и на танцы! Вы хотели построить свое будущее за мой счет! Вы мечтали меня продать, только этого не случится. Я ненавижу Галифакс, и я уеду отсюда! Я знаю, у нас есть родственники в Торонто. Я им напишу.

Эбби была совершенно убита, она до вечера

проплакала в своей комнате, и Колин пытался ее утешить. Что касается Миранды, она ни о чем не жалела. Ни о чем и ни о ком. Этот разговор ознаменовал некий прорыв в будущее. Отныне она была свободна и могла сделать все, что вздумается.

Нелл была в восторге: Кермит приехал в отпуск! Открыв дверь и обнаружив его сидящим в комнате, она едва не закричала от радости.

Поднявшись со стула, он крепко прижал ее к себе. Нелл почудилось, что от его шинели пахнет сырой землей, свежим ветром и соленым морем.

— На войне я чаще всего вспоминал осенние клены и… твои волосы!

— А я тебя, всего тебя.

— Быть может, тебе тоже дадут отпуск, и ты проведешь эти дни со мной?

— Ты надолго?

— На неделю.

— Завтра спрошу на фабрике, смогут ли они меня отпустить.

— Скажи, что к тебе приехал жених. Прямо с фронта и всего на несколько дней.

Нелл посмотрела ему в глаза. Она не ослышалась? Прежде Кермит не называл себя ее женихом.

— Ты, наверное, хочешь есть? Сейчас я что-нибудь приготовлю.

— Да, я голоден, но не в этом смысле! — рассмеялся Кермит и принялся ее раздевать.

Как всегда, он не отличался нежностью, и все же Нелл было хорошо с ним, удивительно хорошо. Страсть нарастала, оглушала и захлестывала, пульсировала в жилах и волной разливалась по всему телу.

Когда Нелл встала, чтобы заняться ужином, Кермит сказал:

— Не одевайся, скоро я вновь тебя захочу. Подумать только, столько времени без женщины! Хотя зачастую на войне об этом просто некогда думать.

— Там очень страшно? — спросила Нелл.

— Бояться тоже некогда. Во время боя решение принимаешь как бы не ты, а что-то внутри тебя. Кажется, это называется инстинктом. У кого он силен, тот выживает; и, конечно, везение тоже играет роль. А вообще канадцы здорово отличились на этой войне! Наши ребята — настоящие герои.

Нелл разогрела суп из чечевицы, нарезала хлеб и колбасу. Кермит ел с большим аппетитом, попутно рассказывая, чем их кормили на фронте. Покончив с ужином, они с Нелл вновь занялись

любовью.

Она заметила, что он сполна отдается страсти, совершенно не думая о последствиях. Удивительно, как она до сих пор не забеременела!

Нелл решила заставить себя вновь поговорить с ним об этом. У нее есть Аннели, и она не может заботиться о ребенке, тем более одна.

Выслушав ее опасения, Кермит сказал:

— Если выяснится, что ты ждешь ребенка, я на тебе женюсь. Я без того решил, что нам, надо пожениться; конечно, лучше не в спешке, а после войны. Но если ты забеременеешь, мы не станем медлить.

Нелл счастливо рассмеялась.

— Ты даже не спрашиваешь, хочу ли я за тебя замуж!

Он самодовольно улыбнулся.

— Спросил бы, если б не знал.

Когда наступила ночь, они лежали рядом и смотрели в окно. Лунный свет лился на землю чистым, прозрачным потоком, отчего все вокруг казалось хрустальным. Стоявшие на якоре мощные корабли в этот час выглядели удивительно хрупкими. Все вокруг представлялось далеким, таинственным, будто во сне, непостижимо колдовским и волшебным.

— Знаешь, — сказал Кермит Нелл, — на войне тоже бывает покой; по сравнению со всей этой стрельбой, взрывами, криками он кажется таким необъятным, глубоким. Ты сполна наслаждаешься им, и в эти минуты начинаешь по-настоящему ценить чувство дома, простые человеческие отношения. Именно тогда я понял, что всегда хочу знать, что у меня есть ты, и эта комната, и родной нетронутый город.

— Я так рада, что хотя мы и участвуем в войне, вместе с тем далеки от нее.

— Я тоже счастлив от того, что мне не доведется увидеть Галифакс разрушенным.

— Главное, чтобы ты остался жив!

— Я уже говорил: со мной ничего не случится. Кстати, ты знаешь, что прежний хозяин вашей фабрики умер?

— Да, девушки рассказывали об этом.

— И кто теперь управляет фабрикой? Его сын? Он был должен вернуться в Канаду.

— Не знаю, — равнодушно ответила Нелл, — мы работаем как прежде, а кто стоит наверху, нам неведомо.

Утром Кермит долго не отпускал ее от себя, так что она едва не опоздала на работу.

Она бежала по набережной, вспоминая ночь,

время, когда им с Кермитом казалось, будто они единственные существа в мироздании, когда сладкое волнение любви вытесняло все остальное.

Нелл была счастлива от того, что все встало на свои места. Они с Кермитом вступят в брак, и если им удастся снять квартиру побольше, возможно, возьмут к себе Аннели. А потом у них появятся и свои дети.

Очутившись на фабрике, она похвасталась Сиене:

— Ко мне приехал жених!

Девушка кисло улыбнулась.

— Теперь понятно, почему ты вся светишься.

— Я хочу взять отпуск на несколько дней, чтобы провести время с ним. Ты не знаешь, как это сделать?

— Спроси в конторе. Кстати, слышала сплетню? Сын покойного владельца фабрики собирался жениться на этой штучке, Миранде Фишер. А когда он серьезно пострадал на войне, она его бросила!

Услышав имя Миранды, Нелл вздрогнула. Значит, эта красивая девушка — старая любовь ее жениха — вновь свободна! Нелл многое отдала бы за то, чтобы Кермит никогда об этом не узнал.

Глава десятая

Прошло два года, наступила зима 1917-го. Война все еще продолжалась, и Кермит по-прежнему был на фронте, но при этом регулярно приезжал в отпуск. Он не заработал ни единой царапины, зато получил офицерские погоны, чем явно гордился.

Нелл все также работала на фабрике и забирала Аннели только по воскресным дням. Девочка вытянулась, но не стала разговорчивее и, казалось, все больше отдалялась от старшей сестры, у которой была своя жизнь. Когда Хлоя вышла замуж за молодого офицера, с которым познакомилась на танцах, Нелл немного позавидовала ей. Они с Кермитом все еще не поженились, потому что ждали конца войны. Вернее, ждал Кермит; Нелл с радостью вышла бы за него в любой из его отпусков.

Все это время Кермит ничего не слышал ни о Дилане Макдаффе, ни о Миранде Фишер. Судя по всему, свадьба не состоялась: иначе об этом стало бы известно в Галифаксе. Вернулся ли Дилан в Канаду, восстановилось ли его зрение? Иногда

Кермит задавал себе этот вопрос, но дать ответ было некому. Особняк на Янг-стрит выглядел нежилым, его ворота были крепко заперты.

Кермит часто встречал в городе Колина Фишера, но Миранду — ни разу. Разумеется, Кермит мог бы спросить о девушке у ее отца, но ему не хотелось этого делать.

Приехав в очередной отпуск, он решил прогуляться по набережной. В последние дни морозы перемежались оттепелями, и теперь снег покрылся ледяной коркой. Небо напоминало серую вату, а вода отливала сталью.

Возле берега плавали мертвые водоросли и какой-то мусор.

В этот час здесь было мало народа. Обратив внимание на идущую впереди женщину, Кермит залюбовался ее походкой. Ее обтянутые тонкими чулками стройные ноги двигались очень изящно, а бедра красиво покачивались.

Внезапно его словно ударило током: Миранда Фишер! Как же он мог ее не узнать? Хотя на ней была модная шляпка, а в руках она сжимала лакированный ридикюль, ее пальто и обувь выглядели довольно потрепанными; наверное, их купили еще до войны.

Нагнав девушку, Кермит схватил ее за локоть и

развернул к себе.

— Миранда!

— Кермит?! Ты меня напугал!

— Прости. Не ожидал тебя увидеть. Я думал, ты уехала из города.

— Да, меня довольно долго не было, я гостила у родственников в Торонто.

— А теперь снова живешь с родителями?

— Нет, я живу одна. Собираюсь поступить на курсы стенографии, а потом найти работу. На тебе военная форма; ты все еще в армии?

— Конечно, ведь война не закончена.

— Значит, сейчас ты в отпуске?

— Да, осталось четыре дня.

Миранда с любопытством смотрела на его погоны. Кермит стал офицером! Он вообще изменился: собранный, уверенный, серьезный. Он выглядел уже не как юноша, а как мужчина. Его внутренняя сила обрела нужное русло, он нашел себя в жизни. А вот она — нет.

Миранда ни за что не призналась бы Кермиту в том, что еле сводит концы с концами и отчаянно нуждается в поддержке. Денег, выделяемых отцом, не хватало на самостоятельную жизнь, работать на фабрике, в магазине или в кафе она считала ниже своего достоинства, а для более

«благородных» занятий у нее не хватало навыков.

Миранда солгала насчет курсов: она не смогла бы оплатить обучение в коммерческой школе даже экономя буквально на всем. Помощи ожидать не приходилось. Родственники в Торонто недвусмысленно дали понять, что не имеют возможности всю жизнь держать ее у себя (и содержать) только потому, что она поссорилась с родителями.

Сейчас Миранда лучше чем когда-либо понимала, что напрасно пренебрегла Кермитом. Было бы здорово стать женой красавца-военного, боевого офицера! Ей и раньше нравился Кермит, в нем всегда было что-то на редкость притягательное, но она никогда не думала, что увидит его в таком выгодном свете.

Но у него наверняка есть подружка, а то и невеста, которая ждет его с войны. Ведь он всегда пользовался успехом у женщин!

— Куда ты идешь? — спросил Кермит.

— Домой.

— Давай я тебя провожу.

Миранда согласилась не без некоторого колебания. Ей хотелось с ним поговорить, но она не желала, чтобы он знал, что она снимает комнату

в самом бедном районе города.

— Значит, ты не вышла замуж? — подумав, произнес Кермит.

Она помотала головой.

— Почему? Что-то помешало? Дилан ослеп?

— Нет, он видел. Но его лицо оказалось обезображенным, — ответила Миранда и сжала руки в сетчатых митенках. — Все меня осуждают, никто не желает понять! Я не виновата в том, что при виде его уродства не почувствовала ни сочувствия, ни жалости, а лишь отвращение. По крайней мере, я не притворялась и не лгала!

Кермит усмехнулся, и его зеленые глаза холодно сверкнули.

— Ты вроде бы говорила, что любишь его?

— Он обладал ангельской внешностью и не менее ангельским характером — мне было нетрудно обмануться в своих чувствах.

— А еще у него были деньги, — подсказал Кермит.

— Да! — Миранда вздернула подбородок, и в ее лице промелькнуло что-то жестокое. — Я красивая женщина, и мне нужны красивые вещи.

— И где теперь Дилан? Что с ним?

— Не знаю.

— Он просил тебя не бросать его?

Миранда передернула плечами.

— Конечно. Ползал на коленях и умолял. Настоящие мужчины так себя не ведут.

— И все же мне жаль его, — помолчав, сказал Кермит. — Не такой уж он слабый, просто слишком чувствительный и беспокойный.

Они нескоро добрались до улочки, вдоль которой тянулись два ряда двухэтажных ветхих деревянных домишек. Кермит с Нелл жили в куда лучшем районе.

— Почему ты ушла от родителей?

— Они замучили меня своими упреками! Отец без конца взывал к моей совести, а мама не могла простить, что я упустила выгодный брак. Но я не смогла принести себя в жертву.

— Ты поступила правильно, — сказал Кермит. — Если б ты заставила себя за него выйти, то была бы несчастна, и Дилан тоже.

— Похоже, ты единственный, кто способен меня понять!

— У тебя слишком тонкие перчатки, — произнес он и взял ее руки в свои. В его прикосновении были сила, любовь и забота.

Миранда старалась сдержать эмоции и казаться равнодушной.

— А у тебя есть подружка?

Она заметила, что Кермит медлит. Он смотрел в ее лицо, казавшееся воплощением красоты, он угадывал под одеждой прекрасные линии ее тела. Ее черную шляпку припорошил снег, сверкающий бриллиантовым блеском, как и ее глаза. Несмотря на видимую слабость, она была непокорной и сильной, способной добиваться своего. Кермита ошеломлял головокружительный сладкий аромат, исходивший от Миранды; его нынешняя подружка никогда так не пахла. А еще в Нелл не чувствовалось никакой загадочности. Обыкновенная фабричная девчонка, каких у него было полно!

— Даже если и есть, я никогда не забывал о тебе.

— Хочешь посмотреть, как я живу?

— Конечно.

Миранда улыбнулась.

— Я напою тебя чаем.

Кермит надеялся, что правильно понял приглашение, хотя и не верил в это.

Они поднялись по скрипучей лестнице, на которой во многих местах не хватало перил. Когда-то Кермит сам жил в такой комнате: голые стены, перекошенные рамы, некрашеный пол. Но Миранда не должна здесь оставаться: для такого

бриллианта, как она, нужен дорогой и изящный футляр.

— Сейчас я согрею чайник, — сказала девушка.

— Чай можно попить и потом, — ответил Кермит, снимая шинель.

В следующую минуту Миранда очутилась в его объятиях.

Его поцелуи отличались от поцелуев Дилана, когда ей казалось, что ее губы ласкает ветер. Кермит целовал ее страстно, настойчиво, крепко, при этом Миранде чудилось, что его руки, руки опытного мужчины, были буквально везде. Обнажив грудь девушки, он ласкал ее губами, а сам тем временем стягивал с нее все остальное. Он рычал и хрипел, он так сильно сжимал ее тело, что Миранде чудилось, что у нее вот-вот треснут кости. Но ей не было ни противно, ни страшно; ей хотелось, чтобы он сделала *это.* Ее кожа горела, взор затуманился, а на внутренней стороне бедер появилась влага. Ей нравилось чувствовать на себе его тяжесть, ощущать его власть и силу.

Миранду смущало только одно. Она знала: Кермит поймет, что у нее уже был мужчина, но ей не хотелось признаваться в том, что она переспала с Диланом. Она вообще не желала об этом вспоминать.

Когда он, не слишком осторожничая, вошел в ее тело, Миранда ощутила боль, как и во время первой близости, и слегка застонала. Кермит тут же осыпал ее лицо поцелуями и зашептал какие-то успокаивающие слова. А потом продолжил взбираться на желанную вершину.

Когда все закончилось, Миранда укрепилась в своем желании остаться с ним, если он этого захочет. С таким мужчиной, как Кермит, ей не придется тревожиться за свое будущее. Только вот как объяснить ему потерю невинности?

К величайшей неожиданности и радости, Миранда увидела на простыне кровь. Возможно, в пылу страсти возлюбленный случайно поранил ее или у нее начиналось женское недомогание, но Кермит об этом не знал. Он решил, что она девственница.

— Ты все-таки дождалась меня! — благоговейно прошептал он.

Перед ним была истинная сокровищница, и она принадлежала ему одному! Он давно мечтал об этой девушке, не веря в свою удачу. Он спал со многими, но любил только ее. Подумав об этом, он просто сказал:

— Выходи за меня замуж.

Судя по ее глазам, Миранде понравилось его

предложение, однако она усомнилась:

— Ты говорил, что до твоего отъезда осталось четыре дня. Разве нам хватит времени пожениться?

— Думаю, для военных процедура вступления в брак сильно упрощена. Надеюсь, ты не против, если церемония будет скромной? Настоящую свадьбу мы сможем отпраздновать после войны. Завтра я пойду в мэрию. А сегодня заберу тебя отсюда.

— Куда?

— Пока не знаю, но здесь ты не останешься. Надо поискать другую квартиру. Я, конечно, не Дилан Макдафф, и все же теперь у меня есть деньги!

Они долго не вставали с постели. Кермит совершенно не думал о другой девушке, с которой всего лишь несколько часов назад тоже занимался любовью. Теперь это время казалось далеким, а отношения с Нелл — не имеющими никакого значения.

Все еще чувствуя на губах поцелуи Миранды, а в руках — ощущение ее плоти, полный восторга от свершившегося чуда, он отправился на квартиру, которую снимал вместе с Нелл, чтобы забрать свои вещи.

Кермит не испытывал угрызений совести: он много раз бросал женщин, ему было не привыкать. Правда, ни одной из них он не давал таких обещаний, как Нелл.

Возможно, если б она была на фабрике, он бы просто взял свои пожитки и ушел, но она вновь отпросилась с работы и ждала его дома.

Нелл была чем-то возбуждена и передвигалась по комнате, точно солнечный луч, а ее рассыпавшиеся по плечам локоны сверкали, словно парча. На ней было домашнее платье и передник, потому что она готовила обед, который — Кермит это знал — ему не доведется отведать.

Ему показалось, что она выглядит простовато — эти рыжие волосы, которые он раньше называл золотыми, эти прежде казавшиеся ему задорными веснушки, огрубевшие от работы руки! К тому же безвкусно одета.

Он с ходу заявил:

— Я ухожу.

Разумеется, Нелл ничего не поняла:

— Куда?

— На другую квартиру.

Ее нутро захолонуло. Она видела, что в Кермите появилось что-то новое, пугающее и странное. К тому же эти слова…

— Что случилось? Почему?

Нелл подумала, что, быть может, до Кермита дошли какие-то слухи о ней — мало ли на свете завистливых и злобных людей! В любом случае, это было неправдой: она никогда ему не изменяла и даже не смотрела на других мужчин. Вот уже два года, как она безоглядно и беззаветно принадлежала ему одному.

— Мои планы изменились. Нам придется расстаться.

Нелл заломила руки. Она вся дрожала. Ее лицо побледнело, и голос был напряженным и испуганным:

— Я тебя не понимаю. Что могло перемениться? Только утром мы были вместе.

— Я не хочу ничего объяснять. Просто прими это и все.

Должно быть, таким тоном он отдавал приказы солдатам, которыми командовал. Нелл подумала о том, что прежде не приходило ей в голову: на войне Кермит убивал людей. А в мирной жизни решил расправиться с ней.

Почувствовав, что ноги ее не держат, Нелл опустилась на стул.

— Я не могу принять то, что ты сказал. Дело в том, что я… беременна.

Его глаза сузились.

— Ты лжешь! Ты только что придумала это, чтобы меня удержать.

— Нет. Я догадывалась об этом еще неделю назад и окончательно убедилась сегодня, побывав у врача. Если не веришь, пойдем к нему вместе, и он подтвердит мои слова.

— Ребенок мой?

Нелл почудилось, будто ее ударили по лицу.

— Я забеременела во время твоего предыдущего отпуска. Можешь посчитать.

Кермит переступил с ноги на ногу, потом прислонился к косяку.

— И чего ты хочешь?

— Чтобы ты выполнил свое обещание. Я не хочу одна воспитывать ребенка.

— Тогда избавься от него. Твои фабричные подружки наверняка знают, что нужно делать. Если понадобятся деньги, я дам их тебе.

— За что ты так поступаешь со мной!

— Ты тут ни при чем, просто, как я уже сказал, мои планы изменились. Я зайду к тебе завтра и узнаю, что тебе удалось выяснить.

Ее тон был полон отчаяния и боли, а его — решимости и бессердечия.

Он ушел, оставив ее одну, и после ночи, прове-

денной в слезах, Нелл пошла на фабрику.

По дороге она думала о том, как же быстро все меняется в человеческой жизни. Еще вчера солнце омывало мир ярким светом, окружающее пространство казалось удивительно открытым, а ее сердце пело от радости. А сегодня из нее словно вынули душу, и все, что составляло ее счастье, рассыпалось прахом.

Когда в хорошую погоду над морем вставало солнце, внизу будто разверзалась огненная бездна; вода окрашивалась алым, оранжевым и золотым. Потом она делалась голубовато-опаловой, нежной, как шелк. Но сегодня небо застилали тучи, и цвет воды сгустился до черноты, она казалась ледяной. Внутри у. Нелл было так же мрачно и холодно.

Она понимала, что ей придется избавиться от ребенка: другого выхода нет. По-видимому, Кермит решил порвать с ней раз и навсегда, и Нелл чудилось, что она никогда не узнает, почему он так поступил.

На фабрике она обратилась к Сиене, которая, если верить словам Хлои, некогда попала в такую же беду.

Услышав вопрос Нелл, Сиена едва не рассыпала галеты.

— Ты же собиралась замуж!

— Да, но вчера мой жених заявил, что уходит от меня, и велел избавиться от ребенка.

— Но почему?

— Он отказался объяснять.

Сиена задумалась.

— Я слышала, Далтон бросал многих девушек. Ни с одной он не был так долго, как с тобой. Я полагала, что он взялся за ум и что его намерения серьезны. Может, он нашел другую?

— Так скоро? Еще утром он вел себя, как обычно, а в обед с порога заявил, что уходит.

— Он не мог узнать о тебе что-то дурное?

— Я не делала ничего плохого. Даже не смотрела на других парней! И он сам сказал, что дело не во мне.

Сиена сплела пальцы. В ее лице отразилось сомнение. Потом она нехотя призналась:

— Я знаю одну женщину, которая занимается такими вещами, только она дорого берет.

— Кермит обещал дать мне деньги.

Сиена кивнула.

— Только ты не должна никому ничего рассказывать — ведь такие операции запрещены.

— Клянусь, я буду молчать!

Хотя внешне Нелл держалась твердо, ее душа

содрогалась от отчаяния и страха, сердце судорожно сжималось, а нервы были натянуты до предела. Зачем Кермит заставляет ее совершать нечто недозволенное, греховное, и это после того, как он сам убеждал ее ничего не бояться и уверял, что женится! Почему ее будущее должно зависеть от его воли и прихоти?

Когда Сиена дала ей адрес, Нелл решила убедить Кермита отправиться вместе с ней и подождать ее хотя бы снаружи. А когда он стал отказываться, напомнила:

— Когда-то я услышала от тебя такие слова: «Если мужчина нигде и никогда не проявлял героизма, то это вовсе и не мужчина». Разве это не трусость: отказаться помочь женщине, которая попала в беду по твоей же вине!

Кермит изменился в лице и скрипнул зубами, но в результате согласился с ней пойти.

Он сопровождал ее оба раза: первый, когда Нелл договаривалась с женщиной, а во второй — когда она пошла делать операцию.

Дул резкий ветер, валил мокрый снег. Нелл прятала озябшие руки в карманы. И она, и Кермит молчали, и это молчание было тяжелым. Нелл была поглощена тревожными размышлениями, а он втайне злился, мечтая, чтобы все поскорее

закончилось. К тому же сегодня его ждало куда более приятное и важное событие: они с Мирандой собирались пожениться.

Женщина — миссис Пул — не понравилась Нелл. Было ясно, что она очень любит деньги (Кермит был сражен ее таксой) и равнодушна к своим пациенткам. Она не скрывала того, что думает об их распущенности, и держалась довольно грубо.

— Снимай панталоны и ложись, — сказала она Нелл, показав на кушетку. — И не вздумай кричать, чтобы не услышали соседи.

Нелл стояла в одном белье, и ее кожа покрылась пупырышками от холода и от страха.

— Будет больно?

Сверля ее своим острым взглядом, миссис Пул усмехнулась.

— А ты что думала: приятно, как и тогда, когда тебе делали этого ребенка?

Нелл напряглась. А ведь она хочет уничтожить уже зародившуюся жизнь! Самое страшное не остаться одной с малышом, а убить его. Как горевала ее мать об умерших братьях и сестрах, а что собирается сделать она? Пусть ею владеет страх перед будущим, пусть ее надежды рухнули, она справится.

Как там сказал Кермит: «Мои планы изменились»?

— Я ухожу. Я передумала, — твердо произнесла она и добавила: — Верните мне деньги. Они мне пригодятся.

Женщина смотрела на нее с полным недоумением: должно быть, она еще не сталкивалась с такой ситуацией.

— Зачем же ты сюда пришла?

— Говорю вам, я передумала.

— Когда?

— Только что.

— Ты украла мое время, так что деньги я тебе не верну, — заявила миссис Пул. — А насчет того, избавляться или нет от беременности, это твое дело.

Нелл поняла, что останется одна, без поддержки и без гроша в кармане. Однако она была слишком измучена, чтобы спорить с кем бы то ни было. Девушка молча оделась и вышла за дверь.

Кермит ждал под голым деревом, ветки которого были осыпаны снегом. Он не стал спрашивать, почему она так быстро справилась, только бросил:

— Все в порядке?

Нелл кивнула. Ею овладело странное оцепене-

ние, все чувства словно отдалились и побледнели, как в забытье, у нее будто не осталось ни ума, ни сердца. Под снежным покровом зимы все вокруг наводило уныние, внушало печаль. Да и сама Нелл выглядела не лучше: бледное лицо, глубокие тени под глазами.

— Можешь меня не провожать, — сказала она, не глядя на бывшего жениха, — я дойду сама. Прощай.

Кермит пожал плечами. Похоже, он жаждал поскорее расстаться с нею, забыть обо всем, что их связывало.

На следующий день Нелл переехала в дешевый пансион, думая о том, что рядом со счастьем всегда таится горе, терпеливо поджидавшее случая, чтобы поймать человека в свои сети.

У нее не осталось подруг, с которыми бы она могла поделиться своими мыслями и настроением. Хлоя непременно напомнила бы ей о своих предостережениях, а Сиена наверняка сказала бы, что решив оставить ребенка, Нелл поступила глупо.

Зато зайдя в выходной день за Аннели, старшая сестра решила сообщить младшей, что летом у нее, возможно, появится племянник или племянница.

— Я очень надеюсь, что к тому времени мы сможем поселиться все вместе.

— С Кермитом?

— Кермита с нами не будет.

— Почему? Он же твой жених.

— Уже нет.

— А как же ребенок? — девочка смотрела на старшую сестру большими серьезными глазами.

— Он ему не нужен, и я тоже не нужна, — ответила Нелл и коротко рассказала, как было дело.

— Разве можно разлюбить кого-то так быстро? — удивилась Аннели.

— Вероятно, он никогда меня не любил.

Да, не любил, а просто использовал для удовлетворения, так сказать, естественных потребностей. Она подвернулась ему под руку, как могла бы подвернуться любая другая девушка, и Кермит оставался с ней, пока…

Нелл задумалась. Что было центром его мира? Военная служба. А в личной жизни? Миранда Фишер; во всяком случае, так утверждали подруги Нелл. Девушка, судя по всему, разбившая не одно сердце, которую она видела лишь однажды, да и то мельком. Мог ли Кермит, встретив Миранду, мгновенно переметнуться к ней, отказавшись от прежних отношений? Почему нет, если он

ее любил, если ему в руки внезапно упала сверкающая звезда, достать которую он мечтал всю свою жизнь!

В то время как Нелл ломала голову над причиной ухода возлюбленного, Кермит и Миранда сочетались браком в мэрии. Жених держался прямо и гордо, а невеста слегка нервничала, сжимая в руках скромный букетик. Они решили пока что оставить это событие в тайне, потому свидетелями были случайные люди. Миранда не стала сообщать о своем замужестве даже родителям. А зачем? Главное, что она станет миссис Далтон, женой офицера, и даже если ее мужа убьют, будет получать за него пенсию.

Глава одиннадцатая

Наступило 6 декабря 1917 года, день, события которого навсегда разделили жизнь Галифакса и его обитателей на две половины, который решил судьбы очень многих людей.

Стояла на редкость ясная погода, видимость в гавани была отличной. Подмораживало, резкий утренний ветер освежал и бодрил. Борта кораблей серебрились, а вода искрилась от солнца.

Дилан не собирался выходить на улицу (если он и делал это, то только по вечерам, в темноте), но ранним утром миссис Тауб постучала в его дверь и, извинившись, сказала, что у нее инфлюэнца, а потому она не сможет принести ему продукты.

Как назло, у него проснулся аппетит, а в доме не было ни крошки еды. Потому Дилан нехотя натянул пальто и, привычно замаскировавшись, вышел за дверь.

В булочной стоял приятный, теплый, свежий запах. Внутри тесного помещения толпился народ, но никто не обратил внимания на внешность Дилана; во всяком случае, не таращился и не ахал. Увидев караваи хлеба с коричневой коркой,

посыпанные сахаром сдобные булочки с пылу и жару, пироги с яблоками и пирожные с ванильным кремом, он почувствовал ностальгию. Он знал, что фабрика работает в прежнем ритме, но ему было стыдно оттого, что он взял и бросил дело, которому его отец посвятил всю свою жизнь, по исключительно личным причинам.

Выйдя из булочной, Дилан поднял голову, и солнце осветило его лицо. Не все ли равно, как он выглядит? После любых потерянных лет человек может предпринять попытку начать свою жизнь заново.

Заслышав какой-то звук, он опустил глаза и увидел крохотного котенка: тот сидел на обочине проезжей части и мяукал, открывая рот так широко, что были видны все его мелкие острые зубки. Он был серым с рыжеватыми и темными полосками, мягкими лапками и тощей шеей. Едва ли он потерялся, скорее, чьи-то безжалостные руки просто вышвырнули его на улицу.

Прохожие не обращали на несчастное животное никакого внимания, и только Дилан, нагнувшись, взял котенка и посадил к себе за пазуху. Тот так вцепился в одежду, что, казалось, его невозможно оторвать никакими силами.

Дилан посвятил своему горю целых два года.

Пора было позаботиться о ком-то другом, и он подумал, что можно начать с этого малыша.

У Макдаффов не держали животных, хотя Дилан всегда мечтал иметь кошку или собаку. Однако тетушки считали, что домашние питомцы разносят всяческую заразу.

Купив молока, он вернулся в свою комнату, спустил котенка на пол и налил молоко в чайное блюдце. Малыш принялся жадно пить, урча от удовольствия и притоптывая всеми четырьмя лапами. Дилан постучал к миссис Тауб и, тоже извинившись, спросил, нет ли у нее какой-нибудь коробки.

Женщина внимательно посмотрела на постояльца. Она жалела этого молодого человека. Всегда один, ни работы, ни развлечений, ни друзей, ни женщин, ни капли выпивки. Миссис Тауб не знала, кто он (Дилан назвался вымышленным именем), на какие средства живет (возможно, на пенсию?), но догадывалась, что здесь имеет место какая-то глубоко личная трагедия. Наверное, его не дождалась девушка, а то и вовсе бросила, увидев, каким он стал.

— У меня нет, но в подвале полно хлама. Вы наверняка что-то найдете, — сказала она, вручая ему ключи.

Поблагодарив хозяйку, Дилан заметил, что часы на противоположной стене показывают без десяти минут девять.

Войдя к себе, он увидел, что котенок опять мяукает. Он был сыт, но страшился одиночества. Вновь надев пальто (в подвале наверняка было холодно) и взяв с собой котенка, Дилан собрался идти в подвал и тут заметил папку со своими рисунками. Отчего-то она валялась на видном месте, хотя было совершенно ясно, что он больше никогда не возьмет в руки кисть.

Дилан решил убрать ее с глаз долой, отнести в подвал и оставить на куче хлама. Лучше не думать и не вспоминать о прошлом.

С папкой под мышкой, свечой и спичками в кармане и с котенком за пазухой он спустился вниз и отворил железную дверь.

В подвале царила кромешная тьма; он словно угодил в преисподнюю. Дилан зажег свечу. Некрашеные цементные стены в неровностях и царапинах, ящики и какие-то громоздкие предметы, покрытые слоем пыли, поверх которых он небрежно положил папку с рисунками.

Выудив из горы хлама небольшую коробку, Дилан вытряхнул из нее какие-то ветхие и ненужные вещи и уже собирался направиться к выходу,

как вдруг стены подвала содрогнулись и все вокруг словно покачнулось и накренилось.

От неожиданности Дилан выронил свечу, и в помещении снова стало темно, как в могиле.

А потом он услышал рокот взрыва, чудовищный гул, звук разрушения, отдавшийся в его теле. Снаружи что-то звенело, грохотало, падало, сотрясалось и сыпалось.

Что это, землетрясение? В Галифаксе?! Едва ли. Артиллерийский обстрел? Снаряды, бомбы? Значит, в город каким-то чудом проникли немцы? Как это могло случиться, ведь всего лишь минуту назад вокруг было тихо и мирно!

Рядом с его сердцем билось крохотное сердце котенка. Дрожащими руками Дилан зажег свечу. Надо попытаться выбраться отсюда, если только вход не завален. Что-то подсказывало ему, что от дома остались одни руины.

Какое-то странное чувство заставило его взять папку с рисунками. Наверное, он понимал, что отныне ничто и никогда не будет таким, как раньше, что любое, тем более вещное напоминание о прошлом станет бесценным. Эти акварели были частью его души, и он не мог оставить их здесь, под землей.

Возле выхода громоздились кирпичи, мусор,

обломки штукатурки. Дилан принялся методично разбирать завал, а пока он это делал, вода в заливе забурлила, вскипая, словно в гигантском котле, после чего обрушилась на берег огромной волной, и можно было увидеть то, чего еще никто и никогда не видел: обнажившееся океанское дно. На несколько минут улицы города превратились в бурные реки. Возвращаясь в бухту, потоки воды несли за собой сотни изувеченных тел погибших от взрыва людей.

Нелл шла на работу. До девяти оставалось не так уж много времени, и она спешила изо всех сил: все работники фабрики пробивали карточки на контрольных часах. Но сегодня после завтрака ее одолела тошнота, и она много времени провела в уборной.

Она так и не сообщила о своей беременности никому, кроме Аннели, а внешне пока это было совсем незаметно. Нелл решила работать на фабрике до последнего (если ее не уволят раньше) и старалась понемногу откладывать деньги, что ей не очень удавалось. В отчаянии Нелл думала, что накануне родов можно обратиться за помощью в какую-нибудь благотворительную организацию, если там ее не осудят за то, что она собирается родить ребенка без мужа.

На набережной толпился народ: люди на что-то глазели и что-то громко обсуждали. Кто-то залез на фонарный столб, многие выглядывали из окон, иные даже взобрались на крыши. Нелл поняла, что загорелся какой-то корабль, но пожары в гавани не были новостью: скажем, не так давно огонь уничтожил огромную баржу.

Похоже, сейчас в самом деле происходило нечто необычное: судно, напоминавшее гигантский факел, медленно плыло к пирсам Ричмонда, волоча за собой огромный дымовой шлейф. На его борту то и дело слышались хлопки — там что-то взрывалось, вверх взлетали округлые предметы, напоминающие бочки.

— Настоящая канонада! — услышала Нелл, и кто-то добавил:

— Похоже на фейерверк.

Это было красивое зрелище. Она непременно остановилась бы, если б не боялась опоздать на работу.

Едва она прошла мимо, как загорелся длинный деревянный пирс, а следом заполыхал и склад. В то же время какие-то люди судорожно гребли к берегу, а причалив и покинув шлюпки, с истошными криками стали разбегаться кто куда.

Нелл вздрогнула. Идет война, значит, хорошего

не жди! Маслянистый дым, столбом поднимавшийся к небу, яркие языки пламени, толпы народа, завороженные необычным зрелищем: во всем этом таилось что-то тревожное и опасное.

Девушка вошла в здание фабрики в начале девятого. Она прошла по извилистым коридорам, которые будто проделал какой-то гигантский червь, думая о том, что надо рассказать о пожаре Сиене, если только та сама его не видела, и очутилась во внутреннем дворе. Отсюда можно было попасть в цех упаковки, где она работала по сей день.

Едва Нелл сделала шаг к знакомому проходу, как вдруг что-то оглушительно треснуло, все покачнулось, мрак и свет перемешались, а закон земного тяготения загадочным образом перестал действовать, и она ощутила себя летящей по воздуху.

Фабрика развалилась на куски прямо на глазах Нелл; казалось, чья-то гигантская рука разметала огромное здание, словно карточный домик.

Бешено ревел ветер, сверху сыпался каменный дождь. Небо было затянуто ослепительной пеленой, оно будто раскалилось добела. Кругом неистовствовал огонь, в котором сгорали предметы и корчились тела людей, превращаясь в

головешки.

Лицо Нелл осыпали колючие брызги — это были осколки стекла. Она инстинктивно зажмурила глаза и в следующий миг врезалась в дерево, а потом, оглушенная, соскользнула вниз. Когда на нее что-то упало, она наконец потеряла сознание.

Несколькими минутами раньше Миранда Далтон, урожденная Фишер, прихорашивалась перед зеркалом, одновременно краем глаза наблюдая за странной картиной, посмотреть на которую вышло не меньше половины города.

Из окна уютной и светлой квартиры, снятой для нее Кермитом, гавань была видна как на ладони. Картину заслонял разве что густой дым, струящийся из жестяных и кирпичных труб домов, окаймлявших набережную.

Миранда так и не окончила курсы стенографии, хотя Кермит и обещал оплатить обучение. Куда приятнее было ходить по магазинам и покупать наряды (благо, муж присылал ей достаточно денег), а потом разгуливать по улицам с гордо поднятой головой. К тому же она ни за что не смогла бы стерпеть, если б ею стал командовать какой-нибудь суровый начальник. У нее есть Кермит, и он ее любит. Она жена офицера и вправе делать все, что вздумается.

Миранда до сих пор не сообщила о себе родителям, так же как не стремилась узнать об их жизни. Отец наверняка по-прежнему пропадал в своей больнице, а Эбби ныла, только теперь уже в одиночестве.

Продолжая наблюдать за тем, что творилось за окном, Миранда застыла в изумлении, когда на горизонте возникло зарево во много раз ярче света восходящего солнца. Казалось, во Вселенной возникло какое-то новое светило. А потом вверх поднялся уродливый черный гриб и неподвижно повис над заливом. Он достигал неба и смешивался с тучами.

Миранде почудилось, будто в нее ударила вспышка огня, и она в ужасе закрыла лицо руками, а потом согнулась пополам от боли, потому что в живот вонзился большой осколок стекла.

Когда Дилан с котенком и папкой — единственным, что осталось от его прежней жизни, — выбрался из завала, города не было, вокруг простирался потусторонний дьявольский мир. Обвалившиеся стены, горы кирпича, обгоревшие стволы деревьев. Лестница, ведущая в никуда или, быть может, в Небо, но только едва ли. Дилан огляделся. В реальности такого не бывает, такое можно увидеть только в кошмарном сне!

От дома, в котором он снимал комнату, ничего не осталось. Миссис Тауб наверняка была мертва, как и сотни других людей.

В воздухе стоял запах пожара и смерти. Кругом были пыль, грязь, копоть, густой дым, серый пепел и алые пятна крови. Сломанные, как спички, телеграфные столбы, голые электрические провода, похожие на клубки змей. На глаза попадались то кусок ванны, то дымящиеся обрывки одежды, то перевернутый покореженный автомобиль, обломки мебели, битая посуда, а дальше — труп, пронзенный железным прутом, будто копьем.

Из почерневшей воды торчали трубы потопленных судов. Облако дыма над заливом медленно меняло свои очертания: казалось, по небу плывет огромный шевелящийся дракон.

Грохота взрывов уже не было слышно, зато кругом звенели колокола. Дилан содрогнулся, готовый поверить в то, что наступил Апокалипсис.

Он побрел по городу. Разрушенные улицы с рухнувшими стенами домов походили друг на друга, как близнецы. Он с трудом понимал, где находится. У него не было ни шарфа, ни шляпы, но сейчас Дилан не считал нужным прятаться: его лицо вполне соответствовало облику Галифакса.

Город будто замер в ожидании чего-то худшего.

На улицах не было ни души, и на мгновение Дилану почудилось, будто он остался один в целом мире.

Будто понимая происходящее, котенок замер у него на груди. При мысли об этом маленьком существе, чудом уцелевшем после такой катастрофы, Дилану захотелось плакать. Он решил, что сделает все, чтобы спасти котенка, а если повезет, то и кого-то еще.

Вскоре Дилан увидел похожих на призраки людей, бредущих вверх по холму, скорее всего, в цитадель. У многих из них были опалены волосы, обожжены руки, а лица изранены осколками стекла.

За минувшие полчаса взору Дилана предстало много такого, что запросто могло лишить присутствия духа. Воздух наполняли стоны умирающих и крики отчаяния тех, кто уцелел, но или серьезно пострадал, или не мог найти своих близких.

Ноги несли Дилана к фабрике, точнее, к тому, что от нее осталось. Он чувствовал ответственность за находящихся там людей, если кто-то из них вообще сумел выжить.

Подойдя к семейному предприятию Макдаффов, он испытал настоящий шок. Фабрика была построена на совесть, а теперь от нее остались

только железные балки, похожие на некий чудовищный скелет. Десятки цехов и конторских помещений, рухнувших в один миг, погребли под собой триста рабочих и служащих!

Он видел обуглившихся мертвецов, чувствовал запах горелого мяса и слышал жуткий вой одинокого ветра. То, что некогда было оборудованием для выпекания бисквитов, — английские машины, гордость его отца, валялись покореженные, разбитые, превращенные в груду металла.

«Нельзя простить ни сотни жестоких смертей, ни непоправимые разрушения», — сказал себе Дилан и тут же подумал: «А кого в этом винить?».

Во внутреннем дворе его внимание привлек лист железа, выгнутый, подобно арке: из-под него торчали удивительно яркие рыжие волосы.

Вероятно, очередной труп, просто не обгоревший. Он осторожно прикоснулся к шее женщины: она была жива! В следующие минуты Дилан осторожно извлек ее из-под железного листа, по воле судьбы послужившего ей защитой.

Рука женщины была неестественно вывернута, наверное, сломана, а ее лицо изрезано впившимися в них мелкими осколками стекла. Глаза были закрыты, и из-под век сочилась кровь.

— Вы слышите меня? — спросил Дилан, и она прошептала:

— Да.

— Вы можете встать?

Поддерживаемая им, она медленно поднялась на ноги. Ее одежда была изорвана и покрыта копотью, а обувь исчезла. Дилан нашел две палки, оторвал полосу ткани от юбки девушки, как умел, зафиксировал ее руку и только тогда спросил:

— Что у вас болит?

— У меня сильно режет глаза, я боюсь их открыть! А если я ослепла?!

Мягкий, успокаивающий голос выплыл из темноты, в которой она пребывала:

— Все хорошо. Не бойтесь. Не поднимайте веки. Ваше лицо лишь слегка поцарапано осколками; надеюсь, в глаза их тоже впилось немного. Я отведу вас в больницу. Там о вас позаботятся. Когда-то я тоже ненадолго лишился зрения, а потом все прошло. С вами будет то же самое, вот увидите! Что вы помните?

— Я летела по воздуху, а потом упала.

Представив себе эту картину, Дилан сокрушенно покачал головой.

— Что произошло? — спросила она, и он честно ответил:

— Не знаю.

Возможно, то было дело рук немецких диверсантов? Другие версии не приходили в голову.

— Врыв на фабрике?

— Не думаю. Почти весь город разрушен.

— Кто вы? — спросила рыжеволосая девушка, доверчиво опираясь на его руку.

Он больше не желал таиться и перекладывать ответственность на чужие плечи:

— Я был владельцем этой фабрики. Говорю в прошедшем времени, потому что от нее ничего не осталось.

Как ни странно, Дилан не чувствовал ни боли, ни ужаса; он не то чтобы начал привыкать к случившемуся, просто к нему довольно быстро пришло понимание, что дабы как-то выжить в этом новом мире, надо постараться обойтись без паники.

— Значит, теперь у вас тоже ничего нет? — сказала девушка.

Дилан подумал о банковских счетах и акциях, но что-то заставило его ответить:

— Ничего.

Потом он спросил:

— Как вас зовут?

— Нелл Бакер, я работала в упаковочном цехе,

укладывала галеты в коробки.

— Похоже, вы — единственная из работниц, кому посчастливилось выжить, — заметил он и представился: — Я — Дилан Макдафф, но если вам не трудно, зовите меня просто по имени. Возможно, вы даже видели меня: случалось, я спускался в упаковочный, до того как… — он запнулся и замолчал.

— Нет, я вас не видела, хотя, конечно, слышала о том, кто вы.

Дилан медленно вел Нелл по неузнаваемым улицам, сжимая под мышкой папку и время от времени поглаживая котенка, чтобы тот не мяукал, и думая о том, что будет дальше. Всем им надо было где-то жить и что-то есть: Дилан не сомневался в том, что особняк на Янг-стрит тоже разрушен. Эта катастрофа в какой-то степени уравняла богатых и бедных: по крайней мере, и те и другие остались без крова.

Увидев женское тело в сапожках примерно того же размера, что и у Нелл, Дилан остановился, осторожно снял их с трупа и помог своей спутнице обуться. Даже если она обо всем догадалась, то ничего не сказала.

Прежде Дилан ни за что не поверил бы в то, что он способен на такое, но сейчас он не мог

допустить, чтобы Нелл ступала по мерзлой земле босиком.

Вскоре повалил густой снег, и Галифакс сделался черно-белым, как на фото. Снегопад затушил пламя: природа сотворила то, чего были не в силах сделать человеческие руки.

К тому времени, как Дилан довел Нелл до больницы, там было не протолкнуться и уже не хватало самых необходимых медикаментов. Тут тоже не могли помочь ни деньги, ни имя.

В первую очередь доктора принимали тяжелораненых, остальным приходилось ждать. Врачи, работающие в операционной, были похожи на мясников. Каким-то чудом Дилану удалось найти свободный стул, и он усадил на него Нелл. Лица окружающих были черны от копоти, словно у трубочистов. Многие люди лишились и одежды, и обуви.

— У меня, — сказала Нелл, — есть сестра. Ей всего девять лет. Она жила в приюте. Вы не могли бы попытаться ее отыскать?

— Непременно, но только после того, как вас осмотрят. Если она жива, то жива, а если…

— Выжившие укрылись в цитадели, — вставил какой-то мужчина со сломанной ногой, — на холме разрушений меньше, и многие отравились

туда.

Массивное военно-инженерное сооружение, строившееся почти тридцать лет, имело стены трехметровой толщины. Хотя что такое стены, когда от стальных кораблей остались одни обломки!

— Да, я знаю. А вы не можете сказать, что произошло? — спросил Дилан.

Мужчина посмотрел на него в упор. Дилан заметил, что теперь люди не содрогаются при виде его лица и не отводят взгляда, потому что видели увечья и пострашнее.

— Подробностей я не знаю, слышал только, что в гавани столкнулись два судна. Начался пожар, а один из кораблей был нагружен взрывчаткой: вот все и взлетело на воздух!

— Какой же была сила взрыва, если он разрушил весь город!

Мужчина пожал плечами.

— Я тоже об этом думаю.

Когда очередь дошла до Нелл, ее увели в приемную, а Дилан остался ждать в коридоре. Несколько раз проходящие мимо врачи, бросая взгляд на его лицо, спрашивали, не нужна ли ему помощь, и он говорил, что нет. Он попросил удивленную медсестру принести если не молока, то хотя бы

немного хлеба и воды для котенка, который снова начал мяукать. Сам Дилан не ел почти сутки, но от волнения совсем не чувствовал голода.

К счастью, сестра достала где-то и молоко, и хлеб. Дилан накрошил мякиш в пустую консервную банку и залил молоком. Поев, котенок свернулся клубочком у него под пальто и заснул. По крайней мере, хотя бы одна проблема на время была решена.

Через полчаса к Дилану вышел один из докторов.

— Это ваша жена?

— Нет, просто случайная знакомая, но я хочу знать, что с ней.

— Перелом не сложный, мы наложили гипс. С глазами похуже. На мой взгляд, есть шанс вернуть ей зрение, но сейчас у нас нет возможности делать такие серьезные операции. Мы просто оказываем первую помощь. Есть повреждения роговицы, но главное, глазные яблоки целы: многие люди вообще остались без глаз! (Дилан вспомнил бесконечные рассуждения врачей о том, как ему повезло.) Будет замечательно, если она отправится в клинику Монреаля или Торонто. И я бы не советовал медлить. Чем скорее вашу знакомую прооперируют, тем лучше. А сейчас вы

можете ее забрать.

— То есть как? — опешил Дилан. — Увести из больницы?

— Больше мы ничем не можем ей помочь, а койки нужны для тяжелых больных, — сурово промолвил врач.

— Но куда мы пойдем? Город разрушен!

— Недалеко от больницы сооружают палаточный городок. Постарайтесь найти место там.

Дилан задумался.

— Вы не могли бы оставить мисс Бакер в больнице хотя бы на пару часов? Я должен отыскать ее маленькую сестру.

Врач строго посмотрел на Дилана.

— А вы вернетесь за ней, сэр?

— Да, даю вам слово. К тому же я оставлю ей то единственное живое существо, которое у меня осталось, — сказал Дилан и извлек из-за пазухи котенка.

При виде беспомощного создания сердце пожилого доктора, повидавшего много боли, горя и смерти, смягчилось, и он кивнул.

Дилан нашел Нелл лежащей на койке в огромной палате, освещенной единственной свечой. Здесь все размещались вперемешку — мужчины, женщины, дети. Дилан обратил внимание, что

на глаза большинства пациентов наложены повязки. Наверное, эти люди, как и Нелл, получили ранения, когда из окон вылетали стекла.

Хотя Нелл была напряжена, он не мог не признать, что она держится мужественно. Некоторые пациенты в этой палате бились в истерике. Возможно, им сообщили, что их близкие погибли или что они навсегда потеряли зрение?

Без всяких предисловий Дилан сунул в руки девушки живой пушистый теплый комочек, и она вздрогнула.

— Что это?

— Котенок. Я оставляю его вам, а сам отправляюсь на поиски вашей сестры. Как ее зовут и как она выглядит?

— Аннели Бакер. У нее каштановые волосы и серые глаза, — ответила Нелл и назвала адрес приюта. Дилан тут же подумал о том, что теперь в городе нет ни улиц, ни адресов.

Он положил на кровать Нелл папку с рисунками и сказал:

— Я обязательно вернусь.

— Кажется, я так и не поблагодарила вас за то, что вы меня спасли.

— Вас спасли ваши волосы, — смущенно ответил Дилан. — Они выглядели такими яркими и

живыми на фоне черно-белого мертвого мира!

— Почему вы заботитесь обо мне? — ее взволнованный голос дрожал.

— Потому что мне больше не о ком заботиться, — честно признался Дилан.

— Ваши близкие погибли?

— Не теперь. Они умерли еще раньше, — ответил он и вспомнил о своих тетушках. Надо было найти их, но почему-то ему казалось, что в первую очередь он должен подумать о Нелл и ее сестре.

Дилан вышел на улицу. Все вокруг было покрыто толстым слоем снега, припорошившим следы смерти. Галифакс словно окутал саван. Тучи висели так низко, что казалось, будто они касаются руин.

Он направился к цитадели. Внутри укрылось много людей, и мало кто из них не был ранен или не потерял родных. Изо всех концов крепости доносились рыдания и стоны.

Дилан подумал о том, насколько война, ворвавшаяся в тыл, отличается от войны на фронте. На фронте ты думаешь лишь о себе и выстрелить могут только в тебя, а здесь погибают целые семьи!

Увидев людей, бродивших по цитадели и выкрикивавших имена своих близких, Дилан

принялся делать то же самое. Краем уха он услыхал, что сиротский приют был разнесен в клочья, а тела несчастных детей размазаны о стены. И все-таки он продолжал поиски.

Когда он почти отчаялся, какая-то девочка тихо произнесла:

— Я Аннели Бакер.

На ней было серое платье и черный фартук, у нее были каштановые волосы и серые глаза, синяки и царапины на лице и руках, но — никаких серьезных повреждений.

Дилан склонился к ней.

— У тебя есть сестра?

— Да, ее зовут Нелл.

Он вздохнул с таким облегчением, словно с него свалился вековой груз.

— Она жива, и она тебя ищет!

— Где она?

— В больнице. Я отведу тебя к ней.

Заметив, что девочка колеблется, Дилан сказал:

— Не пугайся моего лица. Я пострадал на войне.

— Я не боюсь. Я вижу, что вы добрый.

Мороз усилился, потому молодой человек снял с себя пальто и набросил на плечи Аннели.

— Разве вам не холодно? — серьезно спросила она.

— То, что чувствуешь ты, гораздо важнее моих ощущений.

По дороге они немного поговорили. Аннели рассказала, что едва раздался звук взрыва, она забралась под намертво прикрученную к полу парту и вцепилась в чугунные ножки. Она была единственной в этом приюте, кому удалось спастись.

В свою очередь Дилан сообщил девочке о состоянии ее сестры и о том, как он ее нашел.

— Вы знали ее раньше? — спросила Аннели.

— Нет. Но она работала на моей фабрике.

— Вы останетесь с нами?

— До тех пор, пока в этом будет необходимость, — пообещал Дилан и добавил: — У меня есть котенок. Будет хорошо, если ты о нем позаботишься.

Аннели заметно оживилась.

— Котенок? А как его зовут?

— У него еще нет имени, но думаю, его надо назвать Галифакс.

Глава двенадцатая

— Послушай, Далтон, ты ведь, кажется, из Галифакса?

— Да, а что?

— Вести из тыла. Твоего города больше нет.

Кермит отдыхал, сменившись с передовой. Фронт глухо громыхал вдали, однако даже здесь на языке чувствовался горький привкус порохового дыма.

Галифакс?! Но это же невозможно! Солдаты крепко вбили себе в голову, что в тылу ничего не может случиться, и он не являлся исключением.

— Что ты несешь!

Сослуживец сунул ему газету, хотя Кермит знал, что газетные статьи лучше не читать, как и медицинские книги, в которых эскулапы нагородят такого, что хоть помирай заживо!

На первой полосе черным по белому было напечатано то, во что он не мог поверить:

«Страшная трагедия в Канаде. 6 декабря 1917 года пароход «Монблан», перевозивший взрывчатые вещества для воюющей Франции, столкнулся в гавани Галифакса с норвежским судном «Имо»,

перемещавшим гуманитарным груз. В результате на палубе «Монблана» начался пожар, за которым последовал взрыв, фактически разрушивший город. Количество раненых и погибших исчисляется тысячами. В данный момент в Галифакс доставляются медикаменты и продукты из разных частей Канады. Из Бостона направлен санитарный поезд. Владелец корабля «Монблан» и лоцман арестованы. Власти начали расследование причин катастрофы. Весь мир скорбит о галифакской трагедии и выражает сочувствие тем, кто потерял своих близких».

Кермиту показалось, что ему разорвали грудь. Этот невидимый снаряд причинил ему худшие страдания, чем любое физическое ранение.

Товарищи знали его как очень стойкого, хладнокровного и мужественного человека. Но сейчас он побледнел и задрожал всем телом.

— В Галифаксе осталась моя жена! Мне срочно нужен отпуск!

Кермит бросился в штаб, где начальство быстро охладило его пыл:

— Вы исчерпали отпуска на все ближайшие месяцы, Далтон. Мы без того давали вам поблажку.

— Но моей жене, возможно, требуется помощь!

— Значит, ей окажут помощь.

— А если она погибла?!

— Тогда ей уже ничем не поможешь. Остудите голову, Далтон, вы же все-таки на войне.

Кермит не знал, что делать. Написать? Но кому и куда, если в Галифаксе не осталось ни улиц, ни адресов! Возможно, если Миранда жива, она найдет возможность сообщить ему о себе?

Он был готов разодрать на себе кожу и вырвать волосы. Каким же он был дураком: слишком часто брал отпуска для того, чтобы позабавиться с Нелл! А теперь, когда ему во что бы то ни стало надо попасть в Галифакс, он не сможет уехать! Кермит сбежал бы самовольно, если б не знал, что без отпускного билета ему не сесть ни на один корабль. Он понимал, что отныне каждый день и час будет думать только о том, что случилось с Мирандой.

Появление живой и невредимой Аннели вызвало у Нелл прилив радости. Бог оказался милосердным хотя бы в этом.

Она не знала, будет ли видеть. Неужели всю оставшуюся жизнь ей придется смотреть в пустоту и в ее глазах больше никогда не отразится солнце?! Дилан Макдафф уверял, что все будет хорошо, но если для возвращения зрения нужна операция, Нелл оказывалась в тупике: у нее не

было денег. Она даже не смогла бы сесть на поезд, едущий в Монреаль или Торонто. Да и ходили ли сейчас поезда?

Когда прошел первый шок, Нелл убедилась в том, что плод внутри нее уцелел. Это казалось чудом, но девушка не знала, радоваться или нет. Если она ослепнет, то как ей справиться со всем этим? Хотя сейчас, наверное, стоило благодарить судьбу за все, что означало продолжение жизни.

Перед тем как забрать Нелл из больницы, Дилан привел ее и Аннели в помещение, где пострадавшим выдавали вещи. Одна одежда казалась совершенно новой, другая выглядела поношенной. Дилану пришла мысль о том, не снята ли она с умерших, но он ничего не сказал.

Многие вещи были темного цвета и строгого покроя: в духе военных времен. Порывшись в куче одежды, Дилан выбрал для Нелл коричневую юбку в складку и зеленую блузку. Еще ему приглянулось совершенно новое и очень элегантное голубое пальто с воротником из серебристой норки и такими же манжетами. Поколебавшись, он все же взял его, хотя ему и казалось, что едва ли кто-то добровольно отдал бы пострадавшим такую дорогую и красивую вещь. Аннели сама нашла для себя одежду: теплое пальтишко, ша-

почку и перчатки.

Палаточный городок располагался на улице, где прежде стояли деревянные дома. Разумеется, они сгорели, как щепки, и теперь здесь были только обуглившиеся балки и груды щебня. Кое-где еще курился слабый белесый дымок.

Дилан подошел туда, где распределяли временное жилье.

— Сколько вас? — спросили у него.

— Трое.

— Ваша семья?

— Да, — сказал Дилан, подумав о том, что, возможно, чужим людям не позволят поселиться вместе.

Ему сказали, куда идти, и выдали одеяла. Устроив Нелл и Аннели в палатке, он отправился за супом, который варился на костре в огромном котле.

Стоя в очереди, Дилан наслушался всяческих ужасов. Оказывается, рухнул железнодорожный мост, а вместе с ним — переполненный пассажирами поезд. (Рассказывали, что другой состав вовремя остановила телеграмма, посланная машинисту железнодорожным диспетчером.) Обвалившаяся крыша вокзала погребла под собой почти двести человек. Обрушились почти все

фабрики и заводы. В течение нескольких минут на город падал раскаленный металл, обломки кирпичей, даже куски скал с морского дна! Без сомнения, этот взрыв был самым мощным взрывом, какой до сей поры знало человечество.

— Больше всего досталось Ричмонду, другие районы Галифакса пострадали не так сильно, — сказал какой-то мужчина.

— Я жил на Янг-стрит; как вы думаете, там что-то могло уцелеть?

— Я слышал, в той части города меньше разрушений, ведь она находится далеко от порта. К тому же тамошние особняки строились на века.

Возможно, его дом цел! Однако как туда добраться? Наверняка это будет нелегко. А потом — с ним были Нелл и Аннели. Дилан уже решил, что станет помогать им до конца.

Он обратился к мужчине:

— Я знаю, что нет ни электричества, ни газа, ни воды. Транспорт не ходит. И все-таки, как вы думаете, можно выбраться из города? Женщине, которая со мной, нужна срочная операция.

— Я слышал, что совсем скоро прибудут санитарные поезда. Приедут хирурги.

Однако Дилан упорно думал о том, как вывезти своих новых знакомых из Галифакса, из города,

ставшего копией ада. Это не было бегством. Он бы назвал это необходимостью.

— Мне сказали, надо ехать в Монреаль или Торонто. Ей могут помочь только там.

— А у вас есть деньги? Бесплатно не возят даже сейчас!

Дилан сунул руку во внутренний карман пальто. Среди всего этого ужаса он совершенно забыл о документах и деньгах. Хотя он пробыл на войне совсем недолго, однако усвоил привычку все самое важное всегда носить с собой.

Дилан нащупал документы и плотно набитый бумажник. Он вспомнил, что накануне снял со счета сумму, необходимую на текущие расходы.

— Да, у меня есть деньги!

— Тогда, полагаю, вы сумеете выбраться отсюда, — не без некоторой зависти заметил мужчина.

Получив котелок супа на троих и три ложки, Дилан вернулся в палатку. Ему не хотелось думать о том, из чего мог быть сварен этот суп, к тому же он слишком сильно хотел есть.

У Аннели были голодные глаза. А вот Нелл…

— Давайте, я вас покормлю, — деликатно предложил Дилан. — Когда не видишь, тяжело есть самой. К тому же у вас сломана рука.

— Вам не трудно? — с тревогой спросила Нелл.

— Отчего же? — мягко промолвил он. — Я вижу, и мои конечности целы.

Когда Нелл, Аннели и котенок насытились, Дилан доел остатки супа, и ему почудилось, будто он ни разу в жизни не пробовал ничего вкуснее.

«Когда-нибудь мы будем вспоминать все это, — мысленно произнес он, — с ужасом, скорбью, а возможно, с неверием. Главное, чтобы подобное не повторилось».

Дилан подумал о себе. Каким крохотным, мелким ему сейчас казалось собственное горе, которому он посвятил столько времени, по сравнению с трагедией целого города, многих тысяч людей!

— А что в вашей папке? — спросила Аннели.

— Рисунки.

— Чьи?

— Мои.

— Можно взглянуть?

Дилан не знал, стоит ли ей смотреть на изображение города, которого больше нет, и все же кивнул.

Аннели с любопытством раскрыла папку. На акварелях был запечатлен простой, непритязательный, уютный мир небольшого городка:

улицы, мосты, гавань. Эти, сейчас казавшиеся волшебными рисунки словно скрывали какую-то тайну, которой уже не суждено было раскрыться. Не ведавший о своей судьбе, *тот* Галифакс мнил себя островком покоя и мира, застывшим в колдовском безвременье.

— Как красиво! — прошептала девочка и с несвойственной ей настойчивостью заявила: — Вы должны нарисовать Галифакс таким, каким он стал сейчас.

— Зачем?

— Чтобы все знали об этом. А город выстроят снова?

— Я надеюсь.

— Тогда тем более нужно это сделать.

Дилан пожал плечами. Как рисовать, если нет ни бумаги, ни красок! Впрочем, были нужны только черный и белый — теперь в Галифаксе были только два цвета. Подумав об этом, он вспомнил, как его поразили ярко-рыжие волосы Нелл.

Обитатели палатки легли спать, не раздеваясь и тесно прижавшись друг к другу, чтобы не замерзнуть. Дилан крепко обхватил руками Нелл, а та обнимала Аннели. Сейчас речь не шла о стыдливости, а только о том, чтобы выжить,

встретить новое утро.

На рассвете повалил мокрый снег; он сразу таял, и земля покрылась слоем скользкой грязи. В глазах рябило от непрерывно падающих липких хлопьев.

Тем не менее Дилан не оставил намерения добраться до вокзала, вернее, до того, что он него осталось. Так хорошо знакомый ему с детства город столь сильно изменился за одни лишь сутки, что было трудно понять, куда идти. К тому же во многих местах путь преграждали обломки обрушившихся зданий и поваленные телеграфные столбы.

Его порадовало, что в городе появились солдаты, которым помогали добровольцы из числа уцелевших мирных жителей. То тут, то там мелькали носилки, целые отряды вооруженных лопатами и кирками людей разгребали завалы.

Дилан и Аннели поддерживали Нелл с двух сторон. Растрепавшиеся волосы девушки выбивались из-под шляпки, которую нашел для нее Дилан. Молодой человек подумал, что если б выглянуло солнце, густые пряди засверкали бы медью, но небо казалось сплошной серой ватой.

Утром, пока они завтракали чаем и сухарями, он попросил Нелл рассказать о себе: ведь он

только знал, что она работала на его фабрике. Девушка коротко рассказала о своем родном поселке и о том, как приехала в Галифакс, а также о том, почему после смерти матери ей пришлось отдать сестру в приют. При этом она сослалась на работу, но ни единым словом не упомянула ни о Кермите, ни о ребенке, которого ждала: это было слишком личным.

Разговаривая с Диланом, Нелл вспомнила, как Сиена говорила, что в его жизни произошла трагедия: он серьезно пострадал на войне и его бросила невеста, та самая Миранда Фишер. Что с ним случилось? Сейчас он вел себя, как абсолютно здоровый человек. С тех пор прошло больше двух лет: наверное, он успел поправиться?

В голове Нелл теснилось много вопросов. Живы ли Хлоя, Сиена и все, кого она знала? Списки погибших пополнялись каждый день, но Нелл не могла их просматривать и ей не хотелось просить об этом Дилана и Аннели, поскольку там упоминались обезображенные тела и обугленные останки.

Когда они остановились, чтобы передохнуть, Нелл спросила:

— Куда мы идем?

— Пытаемся добраться до вокзала. Нам надо

уехать отсюда.

— Зачем?

— Надеюсь, в Торонто вам сделают операцию на глазах, чтобы вернуть зрение.

— Но у меня нет денег.

— Зато они есть у меня.

Нелл замерла, однако у нее дрожали руки и подергивались губы.

— Почему вы хотите мне помочь?

Она не видела его лица, но почувствовала в его словах горькую усмешку:

— В прошлом находились люди, попрекавшие меня моими деньгами, говорившие, что я их не достоин. Потому мне будет приятно потратить эти средства на доброе дело. К тому же, как я уже говорил, поскольку вы работали на моей фабрике, я отвечаю за вас.

— Но банки тоже разрушены; как вы получите деньги?

— Я могу снять их со счета в другом городе. Это мои заботы.

Время от времени останавливаясь и то и дело спрашивая дорогу, они добрались до железной дороги только к вечеру. Дилан пошел узнать насчет поезда. Слушая тоскливые завывания ветра, Нелл спросила сестру:

— Как выглядит мистер Макдафф?

Ее беспокоило смутное подозрение, что с ним что-то не так, но Аннели ответила:

— Он похож на сказочного принца. У него светлые волосы, голубые глаза и очень красивая улыбка.

Миранда Фишер бросила этого мужчину! Ради кого или чего? Из-за Кермита Далтона? По мнению Нелл, человек с душевными качествами Дилана Макдаффа стоил сотен таких «героев», как Кермит.

Вернувшись, Дилан сказал, что все пути забиты санитарными поездами и что они с Нелл и Аннели смогут уехать не раньше, чем через несколько дней, потому необходимо найти ночлег. Он предложил поужинать: на одном из пунктов раздачи продуктов ему удалось получить три банки мясных консервов, мешочек сушеного гороха, галеты и печенье.

Они сидели на каких-то досках и ели: с твердой пищей Нелл без труда справлялась сама. Небо прорезал луч прожектора, издалека доносились мирные звуки: стук молотка, звяканье железной посуды. Дилан верил в то, что со временем город будет восстановлен. Однако он знал, что шрамы от столь невероятных ран останутся навсегда.

Открыв глаза, Миранда увидела мутно-белый потолок, потом — такие же стены. Она ощущала слабость, а еще — сильную боль внизу живота. У нее кружилась голова, отчего ей чудилось, будто временами ее куда-то уносит. Все вокруг казалось тошнотворно-зыбким и нереальным.

Она была не одна: кругом гудели голоса, кто-то стонал, кто-то плакал. Хотя Миранда еще ничего толком не поняла, внутренний голос подсказывал: самое страшное позади.

К ней склонился какой-то человек.

— Вы пришли в себя? Очень хорошо. Я доктор Кемерер, я вас оперировал. Вы можете сказать, как вас зовут?

Вместо ответа Миранда еле слышно прошептала:

— Где я?

— В больнице.

Слава Богу! Если она в больнице, то вскоре появится отец. Она попросит его сообщить о случившемся Кермиту. Тот приедет, и больше ей не придется ни думать, ни беспокоиться, ни бороться.

— Я миссис Далтон. Миранда. Моего отца зовут Колин Фишер, он работает в этой больнице. Позовите его!

— Я знал доктора Фишера, — ответил мужчина. — К сожалению, у меня нет о нем никаких сведений. После катастрофы прошли сутки, но он так и не появился.

Катастрофа?! Миранда вспомнила яркую вспышку, заполнившую все небо, и резкую боль в своем теле. Тогда она даже не успела подумать о том, что это было.

— Что случилось?

— В гавани произошел взрыв, город разрушен.

Миранда пыталась и не могла представить эту картину. Это было за пределами ее воображения и разума.

— Мои родители умерли?!

— Этого я не знаю. Вы можете посмотреть списки погибших.

— Что со мной? — спросила Миранда.

— Вам повезло: несмотря на то, что взрывная волна выбросила вас из окна, вы приземлились весьма удачно. В ваше тело вонзился большой осколок стекла, вы истекали кровью, но вас подобрали, очень быстро доставили к нам, и вам вовремя сделали операцию. К счастью, это был не желудок, не печень, но… В общем, вам пришлось удалить детородные органы. Надеюсь, вы найдете в себе силы справиться с этим. Многие люди

погибли, лишились рук и ног, потеряли зрение.

Врач выжидающе молчал, и Миранда вспомнила, как ее отец вот так же замолкал, ожидая реакции пациента.

Она прислушалась к себе. Значит, у нее никогда не будет детей. Прежде она не задумывалась о ребенке, но теперь задалась вопросом: а если Кермит захочет наследника? Многие мужчины просто помешаны на сыновьях! Оставалось надеяться, что Кермит не относится к их числу или что ей удастся каким-то образом обвести его вокруг пальца.

— Вы можете сообщить моему мужу, что я в больнице? Я хочу, чтобы он приехал.

— К сожалению, не могу, — твердо ответил врач. — Телеграф не работает. И у нас слишком много пострадавших. Потерпите немного. Уверен, позднее это удастся сделать.

В тот же день ей велели понемногу вставать, и она повиновалась, хотя ощущала головокружение и слабость. В окнах больницы Миранда видела то, чего не могло нарисовать ее воображение: картины Апокалипсиса, ада. Бог был не просто жесток, Он сошел с ума. Над всем остальным миром восходило солнце, там голубело небо, щебетали птицы, и только Галифакс погрузил-

ся во мрак, как и те, кто волей судьбы потерял глаза.

Лежа в больнице, Миранда повидала много слепых и поняла, что ей в самом деле повезло: она не лишилась зрения, осколки не изуродовали ее лицо. Что касается детей, то это — не самое важное в жизни.

Неделю спустя, исхудавшая, бледная, она вышла из больницы. Прежнего мира не было. Ее родители, скорее всего, умерли (хотя она еще не видела списков погибших): ведь они жили в Ричмонде, а больше всех пострадал именно этот район. Отец мог спешить на работу, а мать оставалась дома.

Все ее наряды и вещи пропали, у нее не было даже зубной щетки и гребня, а ее роскошные волосы давно следовало помыть.

Когда Миранда шла мимо развалин, где совсем недавно бушевал огненный шторм вперемешку со снежным, какой-то мужчина окликнул ее:

— Эй, красотка! Если ты переночуешь со мной, я дам тебе кров!

Миранда даже не оглянулась.

Пусть ее родные погибли и прежний мир рухнул, но Кермит был жив, и она решила во что бы то ни стало найти способ сообщить ему о себе. Он

должен примчаться, словно на крыльях, и увезти ее из города, где не было ни жилья, ни света, ни связи. А еще — никакой надежды на будущее.

Глава тринадцатая

Дилан объяснил Нелл и Аннели, что название «Торонто» — индейское, и оно означает «место сбора». Город, бывший центром провинции Онтарио, раскинулся на северном берегу одноименного озера с песчаными косами и отмелями и уютной бухтой.

Город бурлил: здесь было много превосходных автомобильных шоссе, ярких фонарей, многоэтажных зданий, особенно в деловом центре Бейстрит, куда собирался наведаться Дилан.

Перво-наперво он снял номер в хорошем отеле. Знакомый с придирчивостью отдельных портье, он записался, как «Дилан Макдафф с супругой и свояченицей».

Дилан представлял, как странно они выглядят: он с изуродованным лицом, Нелл с повязкой на глазах и Аннели в одежде явно с чужого плеча.

Когда он сказал «мы из Галифакса», на них посмотрели, как на выходцев с того света. Вместе с тем эта фраза стала своеобразным паролем: они без малейших затруднений получили самый лучший номер.

Дилан вполне мог бы довольствоваться дешевой гостиницей, но он намеренно снял роскошные апартаменты — из-за Аннели, которая в своей жизни видела только нищую деревню и не менее бедный приют.

Он не прогадал: девочка расхаживала по комнатам, затаив дыхание и не в силах вздохнуть. Она разглядывала тяжелую мебель красного дерева, глубокие мягкие диваны, бордовые бархатные стулья с оборками из розовых лент, паркетный пол, высокие потолки с хрустальными люстрами. В номере были две просторные спальни, ванная комната с чистыми полотенцами и разными хитроумными приспособлениями.

Вполне освоившийся, к тому же сытый котенок весело носился по номеру, задрав пушистый хвост, и только Нелл выглядела ко всему равнодушной. У нее болели глаза, она ничего не видела, да еще сильно устала в дороге. Дилан ее понимал. Все эти дни слух и воображение были вынуждены заменять ей зрение, к чему она совсем не привыкла.

При помощи младшей сестры (которая с некоторых пор вела себя, как старшая) Нелл искупалась в большой ванне, стоявшей на витых чугунных ножках, и прилегла отдохнуть. Приведя себя в по-

рядок, Дилан сказал, что ему нужно отправиться по делам, и вышел на улицу.

Теперь Дилану чудилось, будто он попал из ада в рай, ибо в отличие от мертвого Галифакса в Торонто кипела жизнь.

Вдоль тротуара стояли вереницы кебов, то и дело раздавались гудки мчавшихся мимо машин. В зеркальных витринах магазинов были выставлены дорогие вещи. Прошло совсем мало времени, но Дилан уже отвык от вида не разрушенных домов и хорошо одетых, здоровых, улыбающихся людей.

Добравшись до глазной клиники, он вовсе не был уверен, что его примут.

Его опасения оказались напрасными. Доктор Жальбер, канадец французского происхождения, немедленно пригласил его к себе и сказал:

— Ваша супруга (это ведь ваша супруга?) может лечь на обследование хоть завтра. Кстати, вы слышали, что большая часть лечения пострадавших от взрыва в Галифаксе будет оплачиваться федеральными и местными властями?

— На самом деле это вовсе не моя жена. Случайная знакомая, которой я помог. Мои документы сохранились, а ее — нет.

— Жаль. Будь она миссис Макдафф, мы без тру-

да оформили бы страховку.

— Но я могу привести ее к вам? Я заплачу за операцию.

— Конечно. Кстати, сэр, — осторожно произнес доктор, — вы не задумывались о том, чтобы подправить собственную внешность?

Дилан вздрогнул, словно от удара током. Ему давно не напоминали об этом, и он почти смирился со своим физическим недостатком. Впрочем, очутившись в Торонто, он не мог не заметить, что прохожие обращают на него внимание.

— Конечно, я бы хотел…

— Я дам вам адрес моего сокурсника: мы вместе учились в Монреальском университете. Вы знаете французский?

— Да.

— Напишите ему. После обучения он вернулся во Францию. На сегодня это один из лучших пластических хирургов Европы. Во всяком случае, так его называют в медицинских статьях.

— Хорошо. Спасибо, — сказал молодой человек и взял визитку.

Вернувшись в отель, Дилан решил отвести своих попутчиц в ресторан. Но для начала ему нужно было рассказать Нелл о клинике и докторе Жальбере.

Когда он, постучавшись, вошел в спальню, девушка лежала на кровати. От ее волос, разметавшихся по белой подушке, исходило сияние, но лицо выглядело усталым и бледным.

Едва Дилан заговорил об обследовании в клинике, Нелл села и принялась жадно слушать. Однако по мере своего рассказа он замечал, как что-то неуловимо меняется, исчезают непринужденность и легкость, с которой они уже привыкли общаться.

Когда он замолчал, Нелл сказала:

— Я не могу смириться с тем, что вы заплатите за операцию, что вы платите… за все! Ведь я никогда не смогу вернуть вам деньги. Пусть дорога, эти комнаты, но лечение! Я уверена, что оно будет стоить слишком много.

Дилан задумался. Он вовсе не желал, чтобы Нелл ощущала свою зависимость от него или чтобы ее терзало чувство вины.

— Доктор сказал, что лечение пострадавших от взрыва может оплатить государство, но загвоздка в том, что у вас, Нелл, нет документов. Мсье Жальбер сказал, что оформил бы страховку, если б вы были… моей женой. — Когда он произнес эти слова, девушка вздрогнула, но после осталась сидеть молча и неподвижно. Воспользовавшись

этим, Дилан перевел дыхание и продолжил: — Мы с вами могли бы заключить фиктивный брак, а потом, когда все останется позади, развестись. Предлагаю вам это на случай, если вы не хотите, чтобы операцию оплачивал я; хотя, на мой взгляд, совершенно не важно, откуда вы получите эти деньги. Главное, чтобы к вам вернулось зрение.

Вероятно, предложение Дилана ошеломило Нелл, потому что она продолжала молчать. А он вдруг вспомнил роман Виктора Гюго «Человек, который смеется», который в свое время произвел на него гнетущее впечатление. Гуинплен и Дея, слепая девушка и урод — идеальная пара!

Дилан подумал о том, что Нелл до сих пор не знает, как он выглядит. Почему-то прежде ему казалось, что это не имеет никакого значения.

— Я… я не уверена в том, что стоит жениться лишь для того, чтобы получить какие-то деньги, — запинаясь, промолвила Нелл.

— Тогда выбирайте другой вариант.

Дилан улыбнулся, и она почувствовала его улыбку. Она пыталась определить, что их связывает, и не могла. Скованная слепотой и неловкостью, Нелл была не в силах разобраться в своих чувствах.

— Я могу подумать? — это было единственным,

что пришло ей в голову.

— Разумеется, я не прошу ответа сразу. Во всяком случае, до завтра у вас есть время. А сейчас я предлагаю вам пойти поужинать.

Втроем они спустились в залитое мягким уютным светом фойе, где стояло несколько больших диванов и кресел, а также пышные пальмы в кадках, и через него прошли в ресторан.

Нелл вошла в помещении неуверенно, она вздрагивала от шелеста женских платьев и стука каблуков. Ее раздражали приглушенные разговоры и смех, звяканье столовых приборов и даже тихая музыка. Смущало и то, насколько непринужденно, можно сказать, по-приятельски Аннели держалась с Диланом. Он внушал ей уверенность в себе, благодаря ему она познала, что в жизни возможны чудеса. Она не задумывалась о том, что он не останется с ними навсегда.

Нелл пришло в голову, что по сути Дилан был ее хозяином; по своему положению они были далеки друг от друга, как Луна от Земли. Их не могло уравнять даже горе.

Вместе с тем, когда он смеялся, она ощущала теплоту и внутренний свет. Его голос был полон эмоций и при этом звучал очень мягко. Что-то подсказывало Нелл, что он деликатный, рани-

мый и искренний человек.

Дилан просматривал меню, думая о сушеном горохе, мясных консервах и галетах, которые они ели в Галифаксе.

Здесь же он читал: черепаховый суп, гусиная печенка с трюфелями, спаржа, омлет с грибами, копченая камбала, парная телятина под винным соусом, голландский сыр, жареный цыпленок, яблочное суфле, шоколадный мусс.

Совсем недавно и он, и Нелл, и Аннели стояли на краю смерти, а сейчас будут есть казавшиеся нереальными блюда, которые, как и серебряная посуда, льняные салфетки и красивая музыка, принадлежали другому миру.

Никто из них не вышел из мрака. Они все еще пребывали там, в Галифаксе. Они сполна разделили его судьбу. Они были частью этого города, а он был частью их.

Аннели совершенно спокойно перечислила, что бы она хотела съесть, по-видимому, не задумываясь о том, сколько это может стоить, и Нелл резко одернула ее.

— Пусть ест, что хочет: она же ребенок! — возразил Дилан, и Нелл подумала о ребенке в своем животе. Что его ждет? Она не сообщила Дилану о своей беременности и не знала, как это сделать

теперь?

— Мы завернем что-нибудь Галифаксу? — спросила Аннели, беря салфетку.

— Конечно.

Дилан заметил, как при слове «Галифакс» посетители принялись оглядываться на них, и ему мучительно захотелось, чтобы все случившееся оказалось сном.

После ужина они вернулись в номер и разошлись по спальням. Лежа под стеганым атласным одеялом, Дилан размышлял о том, рассказать ли Нелл о своем лице? Разве она сумеет разделить его боль и муку?.. Да и разумно ли заставлять ее делать это? С нее хватит собственных страданий, а ему совершенно незачем впускать ее в свой личный замкнутый ад.

В это же самое время Нелл терзалась вопросом, говорить ли ему о ребенке? Ей пришло в голову, что пусть и временный статус замужней женщины даст ей хоть какое-то уважение окружающих. После развода она может сказать, что муж ее оставил, или солгать, что он погиб при взрыве. Вдова или даже разведенная женщина — совсем не то же самое, что одинокая мать!

При этом Нелл не думала ни о том, что станет носить известную в Галифаксе фамилию, ни о

том, что эту же фамилию будет вправе получить и ее ребенок, ни о том, что по закону она сможет потребовать у Дилана пожизненного содержания.

Проснувшись утром, Дилан сообразил: если без документов Нелл не может получить страховку, то каким же образом они оформят брак без ее паспорта, поскольку речь, разумеется, шла не о церковном союзе?

Поняв, что промахнулся, он собирался сообщить об этом Нелл, но она его опередила.

Пройдя по ковровой дорожке, как по тропинке в лесу, она вошла в комнату без поддержки Аннели, остановилась, расправив плечи, и по ее позе и выражению лица Дилан сразу понял, что она приняла твердое решение и что оно далось ей нелегко.

— Я согласна заключить фиктивный брак, мистер Макдафф, — произнесла Нелл с долей торжественности и трагичности, и он догадался, что она долго продумывала и репетировала эту фразу.

Ему не хватило духу сообщить ей о своей догадке.

Они отправились в мэрию, но сперва Дилан решил заехать в полицию, где его растерзанный вид и красноречивый рассказ о галифакской

трагедии произвели должное впечатление. Дело довершили несколько крупных купюр, засунутых в паспорт, который Дилан предъявил в кабинете начальника. В результате Нелл без проволочек выдали временное удостоверение личности.

Дилан тут же подумал, что теперь им нет нужды жениться, но было очевидно, что Нелл не отдавала себе в этом отчета, и он вновь не решился сказать ей об этом.

Аннели едва не приплясывала от восторга. Она отказывалась верить, что все это не всерьез.

По дороге в мэрию Дилан постарался как следует рассмотреть свою спутницу. До сего момента ему не приходило в голову задумываться о том, как она выглядит. Человеческая красота для него всегда была сродни чему-то совершенному, привлекающему внимание. Здесь же взгляд притягивала только яркость волос и веснушек; в целом Нелл явно была не из тех девушек, на которых оглядываются на улице.

Она ничем не походила на Миранду.

Что она за человек, Дилан тоже пока не понял. Он предполагал, что Аннели сложнее. В ней явственно ощущалась глубина, тогда как Нелл казалась ему простой фабричной работницей с незатейливыми переживаниями и мелкими

радостями.

«Эти женщина и девочка — временные гостьи в моей жизни», — думал он, не отдавая себе отчета в том, что уже связал себя с ними крепкими узами.

Дилан не рассказывал им ни о том, что был на войне, ни о смерти отца, ни о своем затворничестве, из которого его вырвал роковой взрыв. Их связь строилась на каких-то странных ощущениях, на невольной зависимости, их сближало то, что они пережили вместе.

Тогда никто из них не задумывался о том, что иногда нечто, скрепленное кровью, намного сильнее того, что навеяно иллюзией счастья.

Поженили их очень быстро и без сантиментов: то был не романтический момент, а заключение сделки. И все же, на ощупь ставя свою подпись в документе, Нелл волновалась. А Дилан думал: «Как странно: теперь я женат на этой женщине, но я ничего не чувствую».

Потом они поехали в клинику.

Доктор Жальбер с видимым удивлением повертел в руках свидетельство о браке со свежим числом, но ничего не сказал.

Нелл увели. Дилану и Аннели было велено явиться завтра.

Они погуляли по городу, потом Дилан отвел девочку в парк с крытым павильоном, где даже зимой работали карусели. Ему было приятно видеть, как она смеется, проплывая мимо него на деревянной лошадке, его радовал этот водоворот красок в непрерывном кружении, и все-таки счастье казалось очень и очень далеким.

Дилан купил Аннели содовой воды и мороженого, а потом они отправились в отель.

Когда они вошли в номер, Дилан сказал:

— Пожалуйста, Аннели, не говори своей сестре о том, как я выгляжу.

— А как вы выглядите? Вы мне нравитесь.

— Я не могу нравиться, и тебе это известно, — твердо произнес Дилан, не попадаясь (как ему казалось) на удочку жалости и притворства.

Девочка задумалась.

— Но если ей сделают операцию, она все равно вас увидит.

— Я не хочу пугать ее раньше времени. Подумаем об этом, когда будем знать, что к ней вернется зрение.

И тут же подумал: «А если нет?» Тогда он просто не сможет бросить Нелл! Боже, во что он ввязался?! После всего пережитого его душа молила об одиночестве и покое.

Потом он встряхнулся. Довольно! Два года он думал лишь о себе, пора посвятить жизнь другим людям.

— Вам нравится моя сестра? — спросила девочка.

— Полагаю, она хорошая девушка.

Аннели облегченно перевела дыхание.

— Вы останетесь с нами?

Дилану почудилось, будто вопрос прозвучал не по-детски расчетливо, и он холодно произнес:

— Ты хочешь, чтобы я остался?

— Да.

— А зачем тебе это?

— Вы такой добрый, такой щедрый! — Аннели говорила с искренностью и бессознательностью ребенка, не понимая, как это звучит.

Дилану стало больно. Все хотят от него денег, даже эта девочка! Он сел напротив нее и нервно сплел пальцы. Его вопрос прозвучал резче, чем он хотел:

— Я нужен тебе для того, чтобы покупать все, что ты захочешь?

У Аннели был удивленный, растерянный взгляд.

— Просто я уже не могу представить себе жизни без вас, — пролепетала она, и Дилан не нашел,

что сказать.

На следующий день он отправился на встречу с мсье Жальбером, убедив Аннели остаться в отеле.

Ему нравилась клиника: все белое и строгое, но без ощущения безжизненности и холода. В широкие окна лился неяркий зимний свет; на столе в кабинете доктора Жальбера стояли живые цветы.

Но сам он не выглядел радостным, и Дилан сразу подумал, что услышит плохие новости.

— Операция бесполезна? Она не будет видеть?

— Я бы так не сказал. На мой взгляд, шансы вашей супруги весьма велики. Вы очень вовремя привезли ее к нам. Однако есть один момент, затрудняющий дело. Скажите, мистер Макдафф, вам известно о том, что ваша жена беременна?

Дилана словно ударили по голове. Ребенок?! Он не мог в это поверить. Нелл не говорила, что у нее был муж или что она кого-то потеряла при взрыве.

— Нет, — в замешательстве произнес он, — она мне не говорила. А вам… сказала?

— Ей пришлось отвечать на множество вопросов, в том числе и на этот.

— И давно она… в положении?

— Два месяца. Суть в том, что когда она будет рожать, результаты операции могут пойти насмарку. Точно также сейчас есть вероятность того, что наркоз и последующее состояние вашей жены повредят ребенку. Я бы советовал вам обзавестись потомством года через три, не раньше. Конечно, прерывание беременности запрещено, но в данном случае имеются все показания для этого, и мы без труда получим разрешение. Разумеется, при вашем согласии и согласии вашей жены.

— А нельзя подождать с операцией до тех пор, пока ребенок родится? — спросил Дилан, все еще не придя в себя после услышанного.

— Тогда, боюсь, будет слишком поздно.

— Она уже знает об этом?

— Нет, я ей ничего не говорил. Я думал, вы обсудите это вместе, — сказал доктор Жальбер.

— Проводите меня к ней, — попросил Дилан.

Облаченная в белую больничную сорочку, Нелл выглядела хуже, чем прежде; она казалась давно и тяжело больной. Издали ее лицо смотрелось бледной маской, маской без глаз, усыпанной веснушками, словно золотыми блестками, и обрамленной медными волосами.

— Здравствуйте, Нелл. Это я, — сказал Дилан,

присаживаясь на стул. — Я хочу знать, как вы себя чувствуете?

— Благодарю вас, хорошо. Меня, осматривали врачи, но они ничего мне не сказали.

— Потому что вы тоже сказали им не все. Вернее, не сказали *мне.*

Уловив его тон, Нелл занервничала. Ее руки — отнюдь не нежные ручки леди! — беспомощно теребили одеяло.

— О чем вы?

— О вашем ребенке.

Нелл поняла, что он глубоко оскорблен, потому что думает, будто она утаила это из корыстных соображений.

Ее лицо налилось краской, и она взволнованно проговорила:

— Мистер Макдафф, поверьте, я вступила в этот брак только для того, чтобы вы не платили за операцию! Клянусь, я не думала ни о чем другом! Я не сказала вам о ребенке, потому что вы не имеете к этому отношения. Ведь мы все равно разведемся!

— При этом ваш ребенок получит мою фамилию.

— Пожалуйста, простите меня! Если б я знала! Вы столько для меня сделали, а я вас подвела. Вы

мне не верите?

Хотя в ее дрожащем голосе были боль, стыд, испуг и… удивительная искренность, Дилан ответил:

— Когда речь идет о положении и богатстве, мне трудно верить кому бы то ни было. Разве вам никогда не казалось, что имея много денег, вы были бы счастливы?

Нелл вспомнила, какой счастливой она чувствовала себя, живя с Кермитом в маленькой комнате и имея скромную зарплату на фабрике.

— Я не задумывалась об этом, потому что знала: у меня никогда не будет много денег. Вообще-то, приехав в Галифакс, я искала не богатства, а… любви, — ответила Нелл и тут же вспомнила, что так и не услышала от Кермита слов, которые ждала каждый день и каждую ночь и мечтала прочитать в каждом его письме.

Он никогда не говорил, что любит ее. То есть, получается, он ее не обманывал? Она обманулась сама?

— Вы нашли ее, эту любовь?

— Теперь уже не знаю.

— Вы говорите об отце вашего ребенка? — Да.

— И где он сейчас?

— Вероятно, в армии. Он обещал жениться на

мне после войны, а потом неожиданно бросил.

— Когда узнал, что вы в положении?

— Нет. Он еще раньше заявил, что уходит. А когда я сообщила о ребенке, сказал, что он ему не нужен. Вот так я и осталась одна.

— Послушайте, Нелл, вы хотите видеть?

— Конечно, я хочу видеть!

— Доктор Жальбер считает, что после такой операции вам нельзя рожать в течение трех лет. Он советует вам, — Дилан запнулся, — избавиться от ребенка. Вы должны принять решение, как проступить.

Нелл затихла. Вот он выход! Таким образом она сможет освободить Дилана от навязываемого ему бремени. Она была готова дать ответ, но потом задумалась.

Что-то нахлынуло на нее, и она поняла, что истосковалась по запаху влажной земли и только что наколотых дров, тому неповторимому ощущению, когда держишь в руках гладкие луковицы, из которых весной вырастут тюльпаны, по звуку свободно гулявшего по огромным просторам ветра, хлопанью оконных створок. Она с легкостью отказалась от родины, а теперь должна убить собственного ребенка!

Ее душой пытались овладеть силы, которым

нельзя было поддаваться: трагическая неизбежность и голый расчет. Она старалась жить иначе, а если в ее судьбе все же случалось подобное (например, когда она отдала Аннели в приют, чтобы без помехи встречаться с Кермитом), то оно все равно не привело ни к чему хорошему.

Казалось, миновала целая вечность, прежде чем она решилась заговорить:

— Я не хочу. Этот ребенок уцелел в аду Галифакса, когда погибло столько людей. Я не могу лишить его возможности появиться на свет, не могу оставить во мраке.

— А если во мраке останетесь вы?

Перед мысленным взором Нелл промелькнуло лицо Кермита, когда он уверял, что с ним ничего не случится. Хорошо, если ребенок унаследует его внутреннюю силу, лишь бы только ему не передалась его жестокость.

Внезапно ее голос обрел спокойствие и твердость:

— Не останусь. Убедите доктора Жальбера сделать мне операцию: я надеюсь, все будет хорошо. И… я еще раз прошу у вас прощения, мистер Макдафф. Когда все закончится, обещаю исчезнуть из вашей жизни. Мы с Аннели можем переехать в другой город, где ваша фамилия не так известна,

как в Галифаксе. Клянусь, больше я вас не потревожу и никогда ни о чем не попрошу. Никто не узнает об этом браке, даже ваша жена, когда вы женитесь… по-настоящему.

— Едва ли я когда-то женюсь.

— Почему? — удивилась Нелл.

— Я тоже рассказал вам о себе не всю правду, причем по той же причине: думал, что вас это не касается. На самом деле я ужасно выгляжу.

Вспомнив, что говорили о внешности Дилана и девушки на фабрике, и Аннели, Нелл спросила:

— Что вы имеете в виду?

— Я был на войне и пострадал во время газовой атаки германской армии. Левая половина моего лица изуродована. Когда я вернулся домой, девушка, с которой я был помолвлен, вычеркнула меня из своей жизни, но я ее не виню. Никто не смог бы жить с таким чудовищем.

Нелл была поражена не тем, в чем он признался, а тем, что его голос ни разу не дрогнул.

— Мне все равно, как вы выглядите, мистер Макдафф, потому что я знаю, какой вы в душе!

— Вы говорите так, поскольку не видели меня. Полагаю, будучи зрячей, вы отказались бы идти по улице рядом со мной.

— Вы так плохо думаете обо мне?

— Тут дело не в вас.

— И ничего нельзя сделать? Вам никто не может помочь?

— Не знаю. Я два года провел взаперти и даже не пытался выяснить, что думают об этом врачи. Наверное, мне пора перестать быть малодушным и наконец взглянуть в лицо правде.

— Надеюсь, все будет хорошо. И у вас, и у меня, — сказала ослепшая девушка, не знавшая, доведется ли ей увидеть собственного ребенка.

Дилан почувствовал, что должен что-то сделать. Он взял руку Нелл в свою и легонько пожал. В его прикосновении не было уверенности, между ними не промелькнула искра, зато на несколько секунд оба почувствовали, что поддерживают и понимают друг друга. В эти мгновения ни один из них уже не был так одинок, как прежде.

Глава четырнадцатая

Прошло несколько дней, прежде чем над Галифаксом появилось солнце. Промелькнувшее в разрыве туч, оно показалось несчастным людям окном в небеса, хотя его свет был по-зимнему холодным и жестким.

Миранда стояла в очереди за бесплатной едой, которую по-прежнему раздавали на улицах. Она была в чужой одежде и мало чем выделялась из унылой толпы. Она не нашла в списке погибших имен своих родителей, но дом, где они жили, был разрушен до фундамента. Ей пришлось поселиться в палаточном городке вместе с какими-то женщинами, которые ей совершенно не нравились.

Кругом царила нездоровая суета. После пожаров в городе почти не осталось дерева, и каждая щепка была на вес золота. Люди лазили в руинах, пытаясь найти топливо и попутно подбирая все, что имело хоть какую-то ценность: пустые жестянки от консервов, мятые кастрюли, утюги. Те, кому удалось сколотить небольшой сарайчик и обзавестись убогими пожитками, считались

счастливцами.

Кстати, ходили слухи, что особняки на Янг-стрит не разрушены.

«Даже в таких обстоятельствах богатые остаются богатыми, а бедные — бедными», — думала Миранда.

Ее раздражало, как быстро после несчастья человеческий мир опустился и измельчал. Люди радовались найденным в развалинах ржавым кастрюлям и погнутым ложкам.

Какая-то девушка, стоявшая в очереди позади Миранды, вдруг обратилась к ней:

— Вы дочь доктора Фишера?

— Да, это я.

— Мы незнакомы, хотя мне известно ваше имя. А меня зовут Хлоя. Надеюсь, с вашим отцом все в порядке?

Миранда присмотрелась к ней. Девушка выглядела достаточно жизнерадостной: непохоже, что она потеряла кого-то из близких.

— Не думаю. Прошло несколько дней, но мне ничего о нем не известно.

— Он есть в списках погибших?

— Нет, но дом, в котором жили мои родители, полностью разрушен.

На хорошеньком лице девушки отразилось

сочувствие.

— Мне очень жаль. И где вы теперь обитаете?

— В палаточном городке.

— Я тоже. — Хлоя вздохнула. — Мне там совсем не нравится.

— И мне. Мои соседки выводят меня из себя. То не эдак, это не так!

— Та же история!

Они посмотрели друг на друга с надеждой, но Миранда не собиралась торопиться. В конце концов она совсем не знала этой девушки.

— Откуда вам известно мое имя?

— Просто я слышала о вас, — смущенно произнесла Хлоя.

— Мы где-то встречались?

— Думаю, нет. До замужества я работала на фабрике Макдаффа.

Миранда вздрогнула. С момента того памятного жестокого расставания она ничего не слышала о Дилане. Жив ли он? Возможно, да, если дома на Янг-стрит уцелели.

— Говорят, фабрика разрушена?

— Да, и это просто ужасно. Там работали мои подруги. Имена некоторых из них я нашла в списках погибших, а про остальных ничего не знаю.

— Вы сказали, что вышли замуж. Где же ваш

муж, если вы живете в палаточном городке с чужими женщинами?

— Он в армии. Мой муж — офицер Первой канадской дивизии, — не без гордости сообщила Хлоя.

— О! — удивилась Миранда. — И мой тоже!

— Так вы замужем?

— Да.

Мгновенно почувствовав симпатию друг к другу, они заговорили о войне, на которой находились их мужья. И тот и другой много писали и о храбрости, и великолепном физическом здоровье канадцев, и о бездарности высшего британского командования. Оба участвовали в битве при Сомме и в весеннем наступлении Антанты, когда канадская дивизия вышла победительницей в тяжелейшем Пашендельском сражении, после чего и муж Миранды, и муж Хлои получили длительные отпуска.

— Это был последний раз, когда мы виделись, — вздохнула Миранда.

— И мы, — сказала Хлоя.

— Вы сообщили своему супругу о том, что остались живы?

— Пока, к сожалению, нет возможности. А вы?

— Я тоже не могу это сделать.

— Как зовут вашего мужа? Моего — Гордон Уэйн.

— Я — миссис Далтон.

— Вы вышли замуж за Кермита Далтона?!

Миранда слегка отстранилась.

— Да, а что тут такого?

— Просто с ним встречалась моя подруга; кажется, они даже собирались пожениться, — пробормотала Хлоя.

К сердцу Миранды прихлынула кровь, но она не подала виду и холодно промолвила:

— Возможно, у него были другие девушки, но предложение он сделал *мне!*

Хлоя решила, что зря заговорила об этом. Простая фабричная работница, она желала сблизиться с этой высокомерной красавицей, которая, кем бы она ни была, всегда держалась, как королева. Что касается Нелл, то разве ее не предупреждали? Сама Хлоя всегда вела себя очень разумно и осторожно: она наотрез отказалась ложиться с Гордоном в постель раньше времени, и ему ничего не оставалось, как жениться на ней.

Они продолжали стоять в очереди, протянувшейся в необозримую даль. Большинство присутствовавших здесь людей молчало. Тусклый свет падал на их терпеливые лица, отражался в

неподвижных глазах.

К счастью, сваренный из мясных консервов и сушеного гороха бесплатный суп оказался наваристым и вкусным: в те дни, наряду с кашей из походных солдатских кухонь, это была единственная сытная еда.

Взяв железные миски с супом и галеты, Миранда и Хлоя сели рядом.

— Я каждый день хожу в больницу, где работал ваш отец, и помогаю делать перевязки раненым, вообще выполняю любую работу. Сейчас там важна каждая пара рук!

— Я не выношу вида человеческих страданий, крови и ран. Так уж я устроена, — с непреклонным видом ответила Миранда. — Как только мне сняли швы, я ушла из больницы, хотя меня уговаривали остаться: ведь я была еще слаба, потому что потеряла много крови.

— Вы пострадали при взрыве?

— В мое тело впился стеклянный осколок.

Хлоя постеснялась спросить, куда именно ранило Миранду; вместо этого она сказала:

— После ранения вам надо поберечься, да и мне тоже: ведь я жду ребенка! Сейчас зима, в палатках холодно. Я слышала, начали строить бараки. Давайте поселимся вместе, пока не вернутся

наши мужья?

Миранда испытала противоречивые чувства. Эта молодая женщина беременна, тогда как она сама — навеки бесплодна. Впрочем, если б они с Кермитом зачали новую жизнь во время его последнего отпуска, ребенок все равно бы погиб.

— Я согласна.

Хлоя воспрянула духом.

— Еще я знаю одно место, где можно получить более приличную одежду, чем та, что на вас и на мне.

— Это было бы здорово!

Миранде казалось, что за минувшие дни она успела забыть, как выглядят нарядные люди. Где шляпы с цветами и перьями, похожие на клумбы, мерцающие золотом и серебром вечерние туалеты, длинные атласные перчатки и меховые накидки? Куда пропала вся эта роскошь? На улицах не было видно ни одного автомобиля (кто-то сказал, потому что нет бензина), только редкие повозки, запряженные лошадьми. Гавань опустела: корабли словно вымело ураганом. На пустынных улицах без домов и деревьев гулко отдавалось эхо.

А лица людей! Теперь, если что-то и оживляло их, вызывая румянец и блеск в глазах, так это свет

костра по вечерам. Хотя после разгула пламенной стихии многие люди панически боялись огня.

Прежде у Миранды были изящно подпиленные, перламутрово-розовые ногти, а теперь одни обломались, а под другими скопилась грязь. Ее волосы свалялись; вполне возможно, их придется остричь. Когда-то Миранда мечтала о короткой стрижке (которую ей не позволяла сделать мать), но теперь воспринимала это как жертву.

Ей приходилось обитать в палаточном городке, в холоде и голоде, будто какой-то нищенке! Она могла бы уехать в Торонто, к родственникам, у которых жила почти два года, но, во-первых, ей не хотелось унижаться перед ними, во-вторых, она ждала Кермита.

Миранда злилась на мужа: он сто раз мог бы сесть на корабль и примчаться к ней на помощь! Когда речь идет о войне, все мужчины одинаковы. Стоит им очутиться в армии, как они забывают о нормальной жизни и естественных человеческих стремлениях и думают только о том, как бы кого-то убить и при этом выжить самим.

А ведь скоро Рождество, а потом Новый год! Похоже, придется встречать праздники без тепла и уюта, пожеланий и подарков, конфетти и шампанского и румяного жаркого, потому что ничего

этого не было, да если б и было, кто-нибудь непременно сказал бы, что в дни всеобщей скорби все это просто грешно.

Миранда не желала разделять мировую скорбь. Она жаждала жить полной жизнью, хорошо питаться и носить красивые платья, иметь собственный дом, развлекаться и путешествовать.

Это случилось не во время боя и не когда они шли в ночной наряд. Они просто ехали в грузовиках, под мелким дождем, по неимоверно грязной дороге, накрывшись кто чем.

Кермит был хмур. Он послал в Галифакс на адрес военных властей не одно письмо, даже поручал телеграфировать и ждал прихода полевой почты, как второго пришествия Господа Бога, но ответа не было. В конце концов, есть списки жертв — об этом писали в газетах (к тому времени число погибших и пострадавших достигло одиннадцати тысяч)! За что и зачем он воюет, если даже не заслужил, чтобы ему сообщили из тыла о судьбе его жены!

Впрочем, можно ли отныне считать Галифакс тылом — это еще вопрос.

И все-таки Кермит был уверен в том, что Миранда жива. Он ощущал ее присутствие в этом мире каждым нервом. Хотя тревога сидела где-то

внутри, не давая ни расслабиться, ни спокойно вздохнуть, не отпускала ни в моменты отдыха, ни во время боя.

Они пережили множество тяжелейших сражений. Во время Пашендельского боя ценой огромных потерь канадцы помогли англичанам отбить у врага небольшой участок болотистых низин Бельгии, заведомо непригодных для дальнейшего наступления осенью и зимой. После этой крупнейшей военной ошибки их корпус отправили в длительный отпуск.

Кермит вспоминал те дни, как самое благодатное время в своей жизни. В Галифаксе словно пылал пожар: багровые, красные, оранжево-желтые клены заполонили улицы. Кожа Миранды была прохладной и свежей, будто осенний дождь, а их страсть сливалась в один бесконечный и бурный поток.

Не то чтобы он полагал, будто любовь — это чисто физические отношения. Просто если по-настоящему любишь женщину, все происходит иначе, чем когда просто утоляешь свою страсть.

Кермит часто думал о том, что, возможно, Миранда забеременела: прежде — с благоговением, а после катастрофы — с волнением и тревогой. Как всякий мужчина, он мечтал иметь сына, благо

теперь ему было бы что рассказать и передать ребенку, когда тот подрастет.

О Нелл, которая могла бы родить ему наследника, если б он ни заставил ее избавиться от плода, Кермит почти не вспоминал.

Он дремал под монотонно льющимися потоками воды, когда где-то близко ударил снаряд.

На войне многое происходит на уровне инстинктов: глаза мгновенно открываются, руки готовы перебросить тело через борт машины, а ноги — унести его в придорожную канаву.

Сверху лился уже не дождь, оттуда сыпались осколки. В ушах гремела взрывная волна, отчего не было слышно, что кричали люди. Впереди зияли огромные воронки, и грузовик остановился. Кермит не понимал, почему он не может выбраться из машины, однако ощущал сильную боль во всем теле, которое больше не желало слушаться его приказов. Последнее, что он запомнил, это огненный шквал, а потом его сознание отключилось.

Он очнулся спустя несколько дней в таком же полевом лазарете, где некогда навещал Дилана. Кермит смутно помнил, как пытался выбраться из горячки и мрака, словно из кипящего прибоя, вспоминал свои яростные крики, когда сражался

с кем-то или с чем-то.

А потом из темноты возникло окно, появились ряды кроватей, а воздух наполнился голосами.

Рядом на стуле сидел Гордон Уэйн, его земляк.

— Ты пришел в себя, приятель! Сейчас позову врачей. Не то я уже собирался уходить.

— Погоди, не зови, — Кермит говорил с трудом, — что со мной?

— Тебя ранило осколками; если честно, никто не думал, что ты выкарабкаешься! А у меня для тебя новость: я получил письмо от Хлои, и она пишет про твою жену! Она жива, и они поселились вместе.

Прежде Кермит не слишком стремился общаться с Гордоном именно потому, что тот женился на Хлое. Но сейчас, захлебнувшись от радости, он разве что не вцепился в него.

— Миранда жива?! Мне надо к ней!

— Думаю, ты получишь отпуск как выздоравливающий. Говорят, сейчас в Галифаксе все равно что в аду. Я бы тоже хотел навестить свою жену, тем более что она ждет ребенка.

— Полагаю, этот ад позади. Надеюсь, вскоре мы сможем то же самое сказать о войне.

Считая ранение досадным недоразумением, Кермит мечтал как можно скорее покинуть ла-

зарет. Доктора предлагали ему похлопотать о дальнейшем лечении в каком-нибудь хорошем госпитале, но он не хотел и слышать об этом. Ему надо в Канаду, в Галифакс, к Миранде! Он без того потерял много времени. Он знал, что высказывания медиков, как и фразы из Библии, вроде «всякая плоть немощна[9]», — не про него: он всегда обладал железным здоровьем.

Поднявшись на ноги в рекордные сроки, он удивил врачей, но это было еще не все. Когда после тяжелого ранения его собрались признать негодным к дальнейшей службе, Кермит учинил настоящий бунт. Чтобы он, храбро сражавшийся почти два года, вернулся на родину как какой-то калека?! Это было немыслимо.

В результате он сел на корабль как отпускник и с неверием смотрел на серое полотнище небес, опускавшихся до самого горизонта и, словно занавес, разделявших войну и мир. Было холодно, дыхание вырывалось изо рта и растворялось с воздухе, но Кермит продолжал стоять на палубе.

Думая о любви, смерти, непредсказуемой судьбе, о том, что нечто, еще сегодня открывавшее столько возможностей, может стать проклятием,

---

[9] Примечания: 9
Евангелие от Матфея. 26:41.

роком, Кермит укрепился в своем желании иметь ребенка, сына. Надо оставить в тылу надежный залог будущего. Многие из его сослуживцев (тот же Гордон Уэйн) после отпусков получали от своих жен письма, где те сообщали о своей беременности. Сделать ребенка — легче легкого (к тому же это еще и весьма приятное занятие!), просто они с Мирандой провели вместе слишком мало времени.

Он получил боевые, отпускные да еще компенсацию за ранение. Он оставит эти деньги Миранде для того, чтобы, когда подойдет срок, она ни в чем не нуждалась: хорошо питалась, сняла приличное жилье.

Представшее в слабом утреннем свете видение разрушенного города поразило Кермита. Такого он не встречал даже на войне! Белый снег, черные руины, серый пепел. Ни улиц, ни домов, ничего.

Казалось, Галифакс застрял в зиме; на него словно опустилась вечная ночь. Что восток, что запад — сплошной облачный покров. Пахло дымом, сыростью, сиротством и горем.

Впрочем, не все было так плохо. Основанный в качестве британской военной базы, Галифакс долгое время управлялся по военным законам, и даже в такое смутное время здесь не было ни

мародерства, ни чего-то такого, что сопровождает хаос. Никто не остался брошенным на произвол судьбы, все получили хоть какую-то помощь.

И еще: гавань. Пусть она пострадала, но общий ландшафт был тот же. Она и сейчас казалась воплощением надежд. Подумав об этом, Кермит ощутил нечто ошеломляюще сладостное. Галифакс восстанет из пепла. Будущее есть. Миранда — жива! Все будет хорошо.

Отправившись в цитадель, где размещался гарнизон, он предъявил документы и попросил помочь в поисках жены.

Он изнывал от желания увидеть Миранду. Прежде многие люди считали, что в их жизни есть серьезные проблемы, не сознавая того, насколько они счастливы. Но у него не было повода сомневаться в своем везении и сетовать на судьбу.

Кермиту удалось отыскать Миранду спустя трое суток, в бараке, где она поселилась вместе с Хлоей. Девушки ладили между собой; им даже удалось создать в тесном уголке некое подобие убогого уюта.

Он не мог на нее насмотреться, хотя она выглядела много хуже прежнего: исхудавшая, неухоженная, плохо одетая. Но это была *его* Миранда, и он крепко обхватил ее руками, прижимая к себе, а

потом, приподняв ее голову, заглянул ей в глаза.

— Я не чаял тебя увидеть!

— А я — тебя!

— Я узнал, что ты жива, из письма Хлои Гордону. А до этого всячески старался вырваться в Галифакс, но мне не давали отпуска.

— Я тоже тебе писала, причем много раз.

— Не все письма доходят; порой теряются как раз самые важные.

— Как же тебе удалось уехать? — спросила Миранда.

— Несчастье помогло, — усмехнулся Кермит и пояснил: — Я был ранен, впервые за два года, а потом получил отпуск как выздоравливающий.

— Ранен? — она нервно встрепенулась, как всегда при упоминании о физических страданиях. — Что-то серьезное?

— Врачи говорили, что да, однако, как видишь, я в полном порядке. Меня ничто не возьмет! А ты не пострадала во время взрыва?

Миранда лихорадочно соображала, что сказать. Правду? Нет, ни за что! С другой стороны, он непременно увидит шрам.

— Меня слегка поцарапало осколком стекла: тоже ничего серьезного, хотя и пришлось зашивать. Из-за этих стекол многие жители Галифакса

лишились зрения!

— Да, я слышал. А что с твоими родителями? Они живы?

Миранда покачала головой.

— Мне до сих пор неизвестно об их судьбе.

Они стояли на улице, за бараком, и на их головы медленно и тихо падал снег. Мало кто в этом городе верил, что когда-то наступят весна и лето.

Прежде Кермит частенько блуждал по кладбищу, размышляя о внезапных катастрофах, однако война, как это ни странно, приучила его думать о жизни, о том, что составляет ее необходимый, сокровенный смысл. Когда его горячие руки проникли под пальто Миранды, а губы жадно слились с ее губами, ей показалось, что он готов овладеть ею прямо у стен барака.

— Знаю, ты живешь с Хлоей. А здесь нельзя получить отдельную комнату? Хотя бы на время.

— Надо спросить. Но сначала лучше поужинать. Сегодня у нас лапша с мясными консервами — это почти что деликатес!

Кермит рассмеялся.

— Согласен. Особенно для человека, который несколько суток питался только галетами.

Отсвет пламени маленькой печки падал на лицо Миранды, отчего ее глаза ярко блестели, а

губы казались пунцовыми. Впрочем, возможно причиной тому была радость.

Хлоя кутала плечи в платок. Она держалась вежливо, но говорила мало. Кермиту казалось, будто он занимает слишком много места в этой маленькой комнате, нарушает уют хрупкого женского мирка своим грубым вторжением. Он предложил по глоточку шотландского виски — за встречу и за то, что и им, и ему удалось уцелеть. А еще у него был настоящий кофе, и Кермит преподнес его Хлое с тайной благодарностью за то, что она составила компанию его жене и вдобавок не сболтнула лишнего: ни о том, что когда-то он провожал ее до дому, ни о его связи с Нелл.

Хлоя милостиво приняла кофе и, разумеется, отказалась от виски, а Миранда выпила — чуть-чуть, из старой разбитой чашки, какие только и были у них теперь. От крепкого напитка по жилам побежало тепло, а разум слегка затуманился.

Кермит сжал ее руку выше запястья.

— Спасибо за ужин. Настоящая роскошь! Пойдем прогуляемся?

Они нашли приют за перегородкой, где были свалены чьи-то вещи. Кермит усадил жену на какой-то сундук и крепко прижал к себе. Она

всей кожей ощущала его нетерпение и бешеную страсть. Они не раздевались — для этого не было ни условий, ни времени.

Миранде было неловко и стыдно. Сюда вот-вот могли заглянуть люди. К тому же она была порядком ослаблена, чтобы чего-то хотеть, вдобавок после операции прошло слишком мало времени. А Кермит… Чего-то он не знал, а до другого ему просто не было дела. Миранда уже поняла: если ее муж заразился какой-то идеей, с ним бесполезно спорить. Ей было довольно примера, когда несколько лет подряд он ходил за ней по пятам.

Дилан Макдафф был другим. Теперь Миранда, пожалуй, смогла бы оценить его деликатность и нежность. Он никогда бы не причинил ей ни душевной, ни физической боли. Но Дилан был изуродован, возможно, он погиб во время взрыва, ведь такие, как он, всегда погибают первыми.

Потому ее единственной опорой оставался Кермит, и она волей-неволей была должка мириться со всем, что придет ему в голову.

Города нет. Как нет ни жилья, ни хотя бы какой-то надежды на будущее. Миранда не собиралась работать, потому что не хотела этого делать, к тому же она ничего не умела. По городу ходили слухи, что пострадавшим при взрыве положена

компенсация, но когда еще можно будет получить эти деньги, да и велики ли они?

Удовлетворив свою страсть, Кермит сказал:

— Я хочу ребенка.

Миранда содрогнулась в душе. Еще одна затея, причем неосуществимая!

— Зачем тебе это? — осторожно произнесла она. — Вокруг все разрушено, в мире бушует война!

— Именно поэтому. Я хочу вернуться в надежное укрытие, туда, где у меня все есть. Дом, полноценная семья, какой я всегда был лишен. В настоящую мирную жизнь.

— Едва ли я смогу заботиться о ребенке. Скорее всего, мне придется найти работу.

— Оставь эти мысли. Я привез с собой кучу денег, чтобы оставить тебе. И дальше буду присылать все, что мне выдают. Тебе не придется ни в чем нуждаться.

Она облегченно перевела дыхание, но потом ее охватила тревога иного рода:

— А если ребенка не будет?

— Конечно, я огорчусь, но мы попробуем в следующий раз. Хотя едва ли я получу отпуск в ближайшие полгода, а то и больше. Впрочем, надеюсь, война скоро закончится.

Миранда прикусила губу. По-видимому, он не думал, что ребенок может не появиться *вообще.* Ей ничего не оставалось, как поддакнуть:

— Разумеется, когда-нибудь это произойдет.

— Если это случится сейчас, после моего отпуска, — с воодушевлением подхватил Кермит, — поезжай к родственникам в Торонто, подальше от этого ужаса. Денег хватит. Потом мне напишешь.

— Договорились.

Для Кермита отпуск пролетел как одно мгновение, тогда как для Миранды тянулся целую вечность. Она устала от его бесконечных притязаний, настойчивых объятий; вдобавок в ее голове уже созрел план, который она во что бы то ни стало собиралась осуществить, причем без его участия.

Спустя месяц после отбытия на фронт Кермит Далтон получил от жены письмо, в котором она сообщала о том, что беременна и потому (как он и советовал ей) временно переселяется к родственникам в Торонто.

Глава пятнадцатая

Хотя доктор Жальбер говорил, что, судя по всему, операция прошла успешно, он не сразу разрешил Нелл снять повязку, велев запастись терпением.

Дилан навещал ее каждый день. Они разговаривали; иногда он читал ей вслух. Так в «Галифакс ньюс-кроникл» было написано, что 13 декабря состоялся суд над капитаном «Монблана» ле Медеком и лоцманом Маккеем. Председательствовал Артур Драйздейл, верховный судья Канады. Суд продолжался несколько дней, и в результате оба были признаны виновными.

— Полагаю, то было роковое стечение обстоятельств; так сказать, Божий промысел. Рука Провидения перетасовала карты, и они легли именно таким образом, — задумчиво произнес Дилан, дочитав статью.

— Наверное, вы правы: можно ли вынести приговор судьбе? Если у этих людей есть совесть, им до конца жизни придется нести на себе тяжкий груз.

Когда наступило Рождество, а потом Новый

год, Нелл вспоминала жителей Галифакса, вынужденных встречать праздники в суровых, безрадостных условиях.

Дилан преподнес ей большую, перевязанную широкой атласной лентой бархатную коробку, в которой были щетки для волос, пудреница и много всяких необходимых женщине мелочей. Аннели была буквально завалена подарками, она с восторгом рассказывала про чудесные игрушки, угощение и елку, а Нелл с тревогой думала о том времени, когда эта райская жизнь закончится. И все же она была бесконечно благодарна Дилану за его попытки обставить все так, чтобы, даже лежа в больнице, она ощутила романтическую прелесть Рождества.

Однажды, проснувшись утром, Нелл почувствовала, что повязка сползла с ее глаз. Подняв веки, девушка поняла, что видит. Она откинула простыню, спустила на пол босые ноги, а потом подошла к окну. Серое небо, прямоугольный двор с гипсовыми статуями и деревянными скамьями — все это показалось ей не просто красивым, волшебным! Она обрела будущее, она вернулась в мир!

Нелл хотелось как можно скорее покинуть эту комнату, где даже занавески напоминали мар-

левые бинты. С нетерпением ожидая прихода Дилана, она осознавала, что сегодня увидит его таким, каким он был в действительности.

Нелл раскрыла подаренную им коробку: все вещи внутри были очень дорогие, она никогда не пользовалась такими. Две щетки слоновой кости, золоченая пудреница, воздушная пуховка, какие-то щипчики — атрибуты чужой, роскошной, беззаботной жизни.

Нелл причесала волосы, позволив им свободно падать на плечи, слегка припудрила лицо… В эти мгновения ей не было неважно, каким она увидит Дилана, Нелл думала только о том, как выглядит она.

Войдя в палату, он сразу понял, что к ней вернулось зрение. Ее взгляд больше не казался неподвижным, обращенным вглубь себя, а лицо было взволнованным, но не напряженным. Большие, ясные, яркие светло-карие глаза напоминали широко распахнутые окна. В сочетании с застенчивой и вместе с тем задорной улыбкой они необыкновенно украшали и оживляли ее облик.

Нелл смотрела на Дилана без любопытства, жадности или жалости. Его лицо казалось сосредоточенным и немного скорбным, словно он был

изгнанником, вспоминавшим о краях, которые ему пришлось покинуть. Нелл испытала чувство, какое испытываешь, глядя на заброшенный, заколоченный дом.

— У вас очень красивые глаза, — сказала она и улыбнулась.

— У вас тоже, — ответил он, возвращая улыбку.

Через несколько дней доктор Жальбер разрешил Нелл выйти из больницы.

— Когда подойдет срок родов, я настоятельно рекомендую кесарево сечение, — сказал он.

Они недолго пробыли в Торонто, хотя Нелл и хотелось посмотреть город. Дело в том, что Дилан прочитал в газете, что правительство намерено оказать помощь владельцам предприятий, разрушенных в Галифаксе во время взрыва.

— Вы восстановите фабрику? — спросила Нелл, когда они ехали в поезде.

— Да, это мой долг. Для моего отца фабрика была делом всей жизни. Слышали бы вы, как он говорил о тесте! Словно о глине, из которой Господь Бог вылепил первых людей. Он считал хлеб основой человеческого существования. Он был не просто фабрикантом, у него была своя философия. Я займусь делами сразу, как только выясню, цел ли мой дом.

— Думаю, мы с Аннели найдем какое-нибудь пристанище, — сказала Нелл.

— Будет лучше, если вы отправитесь со мной; иначе мы легко потеряем друг друга.

Вспомнив о том, что им нужно оформить развод, Нелл согласно кивнула.

Хотя Галифакс все еще страдал от недостатка жилья, освещения, транспорта, его жизнь заметно изменилась. Все текло своим чередом; работы по восстановлению города не прекращались ни на миг, и люди постепенно расставались с безнадежностью и унынием.

Дилана ждала хорошая новость: особняк уцелел. Сохранился даже гараж, даже автомобиль!

Нелл с некоторой опаской вошла в этот дом, построенный для большой богатой семьи. Внизу были стойка для зонтов, подставка для обуви, негромко тикающие напольные часы. Прямо перед Нелл расстилалась ковровая дорожка, приглашая подняться по лестнице, чьи перила отливали теплым, мягким блеском. Трагедия Галифакса обошла этот дом стороной, и даже время в нем будто бы сохранилось нетронутым.

— Я не входил сюда больше двух лет, — сказал Дилан.

— Это настоящий дворец! — прошептала Ан-

нели. — Мне кажется, здесь должно жить очень много людей!

— Тем не менее особняк принадлежит мне одному.

— Тогда вам должно быть в нем страшно.

— Если я останусь один, мне в самом деле будет страшно, — улыбнулся Дилан.

Прежде чем переступить порог, он взял из рук Аннели Галифакса и, согласно примете, впустил его в двери. Пусть это не было новосельем, Дилан надеялся, что в старых стенах его ждет новая жизнь.

Нелл подошла к витражному окну, в которое светило солнце. Казалось, пол усыпан разноцветными осколками стекла, и ее руки тоже окрасились зеленым, оранжевым, фиолетовым, синим. После долгого пребывания во мраке она продолжала наслаждаться всем, что казалось живым и ярким.

— Вам нравится дом? — спросил Дилан, подходя сзади.

Нелл обернулась.

— Я не имею права здесь находиться, — сказала она, не отвечая на вопрос.

Глядя на него, Нелл ни разу не содрогнулась, ни внешне, ни внутренне, — Дилан об этом знал.

Она, как и Аннели, словно видела не его, а другого человека или того, каким он был раньше. Каким должен был быть.

— В особняке полно места, а вам все равно некуда идти. И потом — мы не чужие, хотя бы по документам.

— Вы знаете, как получить развод?

— Нет, ведь я ни разу не занимался этим. Но я наведу справки. Вы голодны?

— Пока нет. Мы же хорошо позавтракали в поезде.

— Тогда я отлучусь по делам. По дороге куплю что-нибудь из еды. А вы отдыхайте.

Но им было некогда отдыхать: Аннели собиралась облазить особняк от подвала до чердака и хотела, чтобы сестра ее сопровождала.

Путешествуя по комнатам, Нелл впервые подумала о Дилане как о мужчине, о его личной жизни. Она не встретила в доме ни малейшего следа присутствия женщины. Многие годы единственной женщиной здесь была его мать, смотревшая с фотографий и портретов. Она была красива, и Дилан унаследовал ее внешность. Но эта внешность ничего не стоила перед его внутренним миром, богатством его души. Нелл говорила себе, что окажись она на месте Миранды

Фишер, ни за что бы его не бросила, будь он полностью изувечен или потеряй все свои деньги.

А потом она увидела портрет Грегори Макдаффа — отец Дилана строго и осуждающе смотрел на нее из-за очков в золоченой оправе.

Что он сказал бы, если б узнал, что его сын привел в дом бывшую работницу с их фабрики, вдобавок беременную от другого? Простую деревенскую девчонку, к тому же еще и рыжую.

— Скоро мы уйдем отсюда, — довольно резко заявила Нелл своей сестре, и та округлила глаза.

— Почему?

— Потому что это не наш дом.

— Дилан сам пригласил нас сюда.

— Не называй мистера Макдаффа по имени!

— Почему? Он больше не твой хозяин. Он твой муж!

— Аннели! Ты должна понимать, что это не настоящий брак. Это была просто сделка. Мы договорились развестись, когда все закончится.

— Разве он не может влюбиться в тебя? — тихо спросила девочка.

— Мне кажется, — ответила Нелл, — мистер Макдафф из тех, кто влюбляется один раз в жизни.

Аннели молчала, и тогда старшая сестра спро-

сила:

— Я давно хотела узнать: почему ты солгала, сказав, что внешне Дилан напоминает сказочного принца? Ты думала, ко мне не вернется зрение?

— Нет. Я с первой минуты знала, что он и есть принц. Просто его надо расколдовать.

Нелл с горечью покачала головой.

— Ты до сих пор веришь в сказки?

— Я — да. А ты просто не хочешь в них верить.

Вернувшись, Дилан не узнал свой дом. Нелл раздвинула шторы в гостиной, вымыла окна, и они сверкали, как зеркала. Освобожденная от слоя пыли мебель сияла приглушенным, благородным блеском.

Встав на стремянку, Аннели протирала корешки книг, выстроенных в ряд на полках застекленных стеллажей. Окна в библиотеке были распахнуты, через них, впуская зимнюю свежесть, вытекал запах ветхости и затхлости.

Дилан едва не выронил пакеты с едой.

— Я задержался, а вы, стало быть, целый день работали?!

— Мы не привыкли бездельничать, — сказала Нелл и улыбнулась той самой озорной улыбкой, какую он увидел на ее лице в тот день, когда она

вновь обрела зрение.

Дилан подумал, что на самом деле она — очень веселая, жизнерадостная девушка, а чего ему всегда не хватало в жизни, так именно бодрости и оптимизма.

— В вашем положении…

— Я себя прекрасно чувствую. Аннели мне помогала. К тому же доктор, который снимал гипс, велел мне разрабатывать руку.

— Тогда вы обе заслужили праздничный ужин. Сейчас я все приготовлю.

— Вы умеете готовить?

— Научился, когда жил один. Ты умеешь чистить картошку, Аннели?

— Да!

— Тогда пойдем, будешь помогать.

Дилан отправился на кухню в сопровождении обрадованной девочки, а Нелл решила накрыть на стол. Постелив скатерть, она вынула столовые приборы и тут же поняла, что не знает, как правильно их расставить. Она на мгновение замерла, а потом подумала, что после галифакской катастрофы они ели из жестяных мисок и консервных банок, радуясь тому, что нашлись хотя бы такие!

Дилан разжег камин, а после внес в столовую кастрюлю с тушеным мясом, а Аннели — блюдо

с вареным картофелем. А еще хозяин дома поставил на стол бутылку вина.

— Выпейте хотя бы глоток. Надо отпраздновать наше возвращение.

Нелл согласилась, и ужин прошел очень весело. Они открывали друг друга с новой стороны. Так, прежде замкнутая и молчаливая Аннели болтала без умолку, Дилан много смеялся, а Нелл преодолела скованность и наконец перестала величать его мистером Макдаффом.

Когда утомленная Аннели ушла спать, унеся с собой довольно мурлыкающего Галифакса, Дилан и Нелл остались сидеть у камина. Он не спеша потягивал вино, она смотрела в огонь. Его отсветы блестели на полировке мебели, мягко мерцали на коже. Это было мирное пламя, не похожее на то, что пожирало город 6 декабря прошлого года.

— У меня остались очень смутные воспоминания о дне катастрофы; быть может, потому что я ничего не видела? — задумчиво произнесла Нелл и добавила: — Пройдет время, и людям будет сложно поверить, что в мгновение ока с лица земли исчез целый город.

— Я обещал Аннели нарисовать Галифакс после разрушения, и я сделаю это, — сказал Дилан.

— Вы так хорошо все запомнили?

— Такое не забывается.

Они замолчали. Нелл смотрела на Дилана. Ей бесконечно нравилось выражение его лица в те мгновения, когда он желал очутиться там, куда уносились его мысли.

— Я удивилась, что вы никого не искали. Вы и впрямь одиноки? У вас не осталось никаких родственников?

— На самом деле у меня есть три тетушки. Я не виделся с ними больше двух лет; лишь изредка сообщал, что у меня все в порядке. Я попытаюсь выяснить, живы ли они и что с ними. В тот день я пребывал в таком шоке, что — не поверите! — просто забыл о них!

— Если вы их найдете, они поселятся с вами?

Дилан улыбнулся.

— О нет! Это кошмар моего детства! Теперь я обойдусь без их опеки.

— Они любили вас?

— Чересчур.

— По-моему, любви не бывает слишком много, — заметила Нелл.

Дилан пристально посмотрел на нее. В свете пламени ее кожа приобрела красноватый оттенок, а в волосах будто запутались молнии. В глубине глаз тлел огонь. Он и сам не знал, что

заставило его сказать:

— Вы огненная девушка, Нелл. Афродита родилась из морской пены, а вы — из пламени. Это ваша родная стихия.

Она покраснела.

— Я всегда стеснялась своей рыжины. Ведь рыжие девушки нравятся далеко не всем.

— У вас очень гармоничная внешность. Все, чем вы обладаете, очень идет вам. Когда-то я выбрал самую красивую девушку, за что и был наказан. Красота — это не главное. Вы сказали, что любви не бывает слишком много. Сейчас я бы отдал все, что имею, даже за малую каплю этого чувства.

— Вы считаете, вас нельзя полюбить?

— Полюбить, наверное, можно. До меня нельзя… дотронуться. Я желаю чистого чувства, не замешанного на жалости, не замутненного хитростью или расчетом.

— Вы преувеличиваете, Дилан. Вы выглядите вовсе не так ужасно! Для меня — нет.

— Только не говори, что ты могла бы лечь со мной в постель!

Нелл почудилось, будто она ослышалась. Она снова вспомнила день, когда более яркий, чем солнце, свет врезался людям в глаза огненными копьями. А сколько сердец поразило горе! По-

сле такого надо жить без вопросов, сомнений и скорби и, как сказал Дилан, ценить даже каплю любви. Жизнь должна была взять свое, ей предстояло ворваться в их заледеневшие сердца и исстрадавшиеся души и омыть их горячей волной.

— Могла бы и могу, если вам… тебе… не неприятно.

— Что ты имеешь в виду?

— Вот это. — Нелл положила ладонь на свой, пока что лишь слегка округлый живот.

— Нет, — сказал он, проводя руками по ее бедрам.

В свою очередь Нелл осторожно, почти невесомо взяла лицо Дилана в ладони, а потом нежно поцеловала в губы.

— Мое лицо состоит из двух половин.

— Зато у тебя очень цельное сердце.

Возможно, он до сих пор любил другую — это было неважно. В этот миг Нелл хотела любить *его.* Она желала отдать ему все, что он пожелает принять.

— Разденься, — попросил он.

Нелл сняла с себя одежду так естественно, будто стояла на берегу озера и собиралась войти в воду. У нее были крепкие груди и стройные ноги, а

кожа — нежно-розовая и мягкая, как у ребенка. Она напоминала танцовщицу, готовую начать свое выступление на ярко освещенной сцене.

— Ты словно соткана из солнечных лучей! В спальне холодно. Давай останемся здесь? Я подкину еще дров. К тому же тут мы сможем видеть друг друга. Я хочу смотреть на тебя.

— А я — на тебя.

Дилан не набросился на нее, как это всегда делал Кермит, он был совершенно другим. Нелл закрыла глаза, и ее словно ласкали теплые волны летнего прибоя. Она говорила себе, что в ее положении ей нужно именно это: осторожность, деликатность и нежность. Нелл было удивительно хорошо с Диланом, и она была бы рада, если б он это почувствовал.

Он почувствовал. По тому, как Нелл обхватила его ногами, как сладостно сжались ее внутренние мышцы, а из губ вырвался тихий стон; какими глубокими были ее поцелуи.

Миранда Фишер унизила его гордость, растоптала его достоинство, а теперь он вновь ласкал женщину, он был в ней, а она была с ним. С некоторых пор Дилан чувствовал фальшь буквально на расстоянии, потому знал, что Нелл не притворялась ни единой секунды.

— Если хочешь, забудем о том, что случилось, — промолвила она, когда они лежали рядом на ковре и пламя камина заливало их тела жарким светом.

— Забудем? Почему? Я думал, отныне это станет частью нашей жизни. Конечно, если ты не против.

Она улыбнулась.

— Нет. Ведь ты мой муж.

— Ты не уйдешь, — это прозвучало как утверждение.

— Я останусь с тобой.

— Я никуда тебя не отпущу.

— А что ты думаешь об этом? — Нелл вновь положила руки на свой живот.

Дилан приподнялся на локте.

— Мне кажется, после того, что произошло между нами, это и мой ребенок. Давай никому не будем рассказывать подробности этой истории. Встретились, полюбили друг друга и поженились: все как у обычных людей.

Услышав слово «любовь», Нелл напряглась. Их союз был странным… во всех отношениях.

— А что скажет твое окружение?

— Ничего не скажет. Ты — миссис Макдафф и точка.

— Я работница с твоей фабрики, я не принадлежу к твоему кругу!

— Ну и что? Во времена, когда перемешиваются жизнь и смерть, счастье и горе, можно делать все, что угодно!

— Ты часто вспоминаешь девушку, которую любил? — тихо спросила Нелл.

— С чего мне ее вспоминать, если она, как я уже говорил, вычеркнула меня из своей жизни! Отныне мне нет до нее никакого дела. Я даже не знаю, выжила ли она в катастрофе. — Дилан произнес это небрежно, но не без горечи, а после задал встречный вопрос: — А ты думаешь об отце своего ребенка.

— Нет, потому что знаю, что он не думает обо мне. Он вообще считает, что я прервала беременность. Даже если он увидит меня с малышом, ни за что не заподозрит, что это его ребенок.

— Это хорошо. Галифакс — маленький город, рано или поздно здесь обязательно встретишь знакомых.

— После взрыва многие уехали.

— Да, если было куда.

Когда дрова в камине догорели, Дилан и Нелл решили перейти в спальню. Молодая женщина боялась, что их увидит Аннели.

Хрустящие простыни были ледяными, но сверху лежало теплое одеяло. Дилан принес еще два, и, юркнув под эту гору, они крепко обнялись, чтобы согреться.

— Я успел затопить только в комнате, где ночует твоя сестра; думал, ты тоже будешь спать там. Завтра везде будет тепло.

Завтра… Внезапно Нелл поняла, что больше не боится будущего. С этим мужчиной ей не было страшно смотреть в лицо судьбе. Аннели будет жить с ними, она пойдет в хорошую школу. А когда родится ребенок, все будут думать, что он от Дилана.

Не сдержавшись, они вновь занялись любовью. Дилан вспомнил, с каким отвращением Миранда смотрела на него после того, как они впервые стали близки. А ведь тогда он совершенно нормально выглядел! У них в запасе была целая неделя, но она так и не подпустила его к себе, выдумывая разные предлоги, вроде того, что боится забеременеть до свадьбы.

С тех пор у него не прибавилось опыта, однако Нелл понравилось с ним спать! Сейчас он не думал о любви, он не думал ни о чем, просто наслаждался тем, что было, тем, что он неожиданно получил в подарок.

На следующее утро Аннели поглядывала на них радостными глазами. За завтраком Дилан и Нелл сидели, касаясь коленями и время от времени тайком пожимая друг другу руку.

В окна било яркое, совсем не зимнее солнце. Откуда-то слышалась музыка. Все было под стать владевшему ими лихорадочному возбуждению, пьянящему ощущению новизны.

Нелл вспомнила, как они с Кермитом жили в комнате, из которой открывался вид на набережную. Теперь она была рада, что особняк Дилана стоит далеко от гавани. Сейчас там наверняка сиротливо и неуютно, нет ничего, кроме с грохотом разбивавшихся о камни волн да уныло кричащих чаек.

— Надо нанять слуг, — сказал Дилан. — Я подам объявление. Попытаюсь отыскать прежних, хотя едва ли получится.

— Слуг? Разве мы не можем все делать сами!

— В таком большом доме? — рассмеялся Дилан. — Конечно, нет.

Когда он ушел по делам, крепко поцеловав ее на прощание, Нелл тоже решила выйти на улицу. Она хотела взять с собой Аннели, но та предпочла остаться в доме, который исследовала далеко не до конца.

Нелл шла по улицам Галифакса, не узнавая города. Обгоревшие деревья, которые никогда не зацветут и не покроются листвой, лес черных труб, страшные, холодные камни развалин. Картину не спасало даже яркое солнце, даже сверкающий снег!

— Нелл?!

Она становилась, словно натолкнувшись на препятствие. Перед ней стояла белокурая девушка, худая, изможденная, словно постаревшая на десять лет.

— Сиена!

Девушки кинулись обниматься.

— Вот уж не ожидала тебя увидеть! Говорят, на фабрике никто не выжил.

— А мы с тобой?

— В тот день я заболела и не пошла на работу — это меня и спасло.

— А мне повезло: меня вытащили из-под обломков.

Отступив на шаг назад, Сиена с жадностью разглядывала Нелл.

— Ты отлично выглядишь, сразу видно, не голодала. На тебе шикарное пальто!

— Оно не мое.

— А у кого сейчас есть что-то свое! Где ты жи-

вешь? Я — в одном из бараков, там много наших девушек. Я видела твою подругу Хлою.

— Хлоя жива?!

— Да, и она ждет ребенка.

Нелл смутилась. Она тоже ждала ребенка, хотя Сиена думает, что она избавилась от беременности. И еще она знает про Кермита. А теперь ей предстоит услышать, что ее подруга стала женой владельца фабрики, на которой они обе работали. Нелл знала, что ни одна из ее прежних приятельниц никогда не поймет, каким образом могло произойти такое чудо.

— Я… я живу в доме мужа.

— Так ты вышла замуж?

— Да, вскоре после трагедии. Мы поженились в Торонто.

— Как ты туда попала?

— Мне была нужна операция на глазах, и он отвез меня туда.

Подруга подозрительно прищурилась.

— А кто твой муж?

— Дилан Макдафф.

В глазах Сиены появилось потерянное и одновременно острое выражение, а один уголок ее рта пополз вверх.

— Как тебе удалось?

— Это он нашел меня в развалинах к вытащил. Он решил мне помочь, потому что я была единственной из работниц фабрики, кому удалось уцелеть. Постепенно мы сблизились и решили не расставаться.

— Поздравляю! Можно сказать, в день крушения Галифакса ты вытащила счастливый билет. Теперь тебе не нужно думать о будущем.

— А ты, — Нелл с трудом перевела дыхание, — что ты сейчас делаешь?

Сиена пожала плечами.

— Большинство предприятий разрушено, работы нет. Мне кое-что выплатили, но на эти деньги не проживешь.

Нелл задумалась. Она не знала, правильно ли поступает и как предложить работу подруге, с которой они всегда были на равных, но все же решилась:

— Не обижайся, Сиена, я говорю это лишь потому, что желаю тебе помочь. Дилан сказал, что нам нужны люди для… работы в доме. Я и сама не собираюсь сидеть сложа руки, а ты… мне бы очень пригодилась твоя помощь.

Она была уверена, что подруга презрительно фыркнет, но та несказанно обрадовалась.

— О, я буду счастлива!

— Думаю, Дилан вернется к пяти часам, так что приходи в шесть. Я объясню, как найти дом. Это недалеко.

Когда Дилан пришел домой, Нелл, запинаясь, рассказала ему про Сиену.

— Работница с фабрики? Что ж, замечательно! Главное, ты ее знаешь.

— Она придет к шести.

— Значит, у нас еще есть время.

У него был затуманенный взгляд. Он обнял ее и крепко прижал к себе. Дилан думал о том, что в дни добровольного затворничества у него не возникало плотских желаний. Он был подавлен, и свойственное молодости влечение к противоположному полу было загнано глубоко внутрь. И теперь ему до безумия хотелось наверстать упущенное.

— Но если ты не хочешь, только скажи!

— Я хочу тебя, — просто ответила Нелл.

— Прости мое нетерпение, — прошептал он, когда они, обнявшись, лежали в постели. — В это трудно поверить, но я был близок с женщиной всего один раз, имею в виду, до тебя.

«С кем? С Мирандой Фишер?» — мысленно задала вопрос Нелл, но, разумеется, не произнесла этого вслух.

Сиена пришла вовремя. Судя по ее виду, она была сражена наповал и обстановкой дома, и тем, как высоко удалось взлететь Нелл. С Диланом она держалась настороженно, застенчиво, робко и, улучив момент, шепнула подруге:

— Теперь я понимаю, почему Миранда Фишер его бросила! Ну и зря. Что значит лицо при таком богатстве! И ведь он не инвалид, и не старик. А ты оказалась не промах! Я даже не ожидала.

Душа Нелл дрогнула, а сердце налилось свинцом. Все и всегда будут считать, будто она вышла за него, думая лишь о деньгах, а он женился на ней от безысходности.

Хотя они произносили слова «любовь», «возлюбленный», «полюбили», ни один из них не сказал другому: «Я тебя люблю». Нелл стеснялась, думая, что Дилан ей не поверит, а он… по-видимому, он просто не хотел лгать. Или вновь искушать судьбу.

Глава шестнадцатая

Закрыв глаза, Миранда ощущала тепло на своем лице. Ей хотелось как можно дольше стоять неподвижно, отдаваясь чему-то бессознательному и на редкость приятному.

Наступила весна. Небо между быстро бегущими облаками было ярко-голубым. Все выглядело обновленным, как после дождя. Город, который был буквально снесен взрывом, строился довольно быстро: в районе гавани поднимались десятки нарядных новеньких крыш.

И все-таки многое вызывало боль. Миранда вспоминала огромную аллею в парке, по которой гуляла в детстве, аллею, представлявшую собой широкий естественный коридор, обсаженный рядами таких высоких и мощных деревьев, что казалось, будто они появились в доисторические времена. Их ветки разрослись и переплелись между собой, образовав темно-зеленый свод, сквозь который не проникало солнце.

Теперь на этом месте была пустыня. Обгоревшие деревья срубили и вывезли; говорили, чуть позже здесь разобьют новый парк, и Миранда

думала, что ей ни за что не дожить до тех времен, когда деревья станут такими же высокими, как те, что росли здесь прежде.

В такие моменты она начинала понимать, зачем все-таки нужны дети: они увидят то, чего не увидишь ты, а ты расскажешь им о том, чего не видели они.

Вероятно, ее собственные родители оказались в числе тех несчастных, кого было невозможно опознать: Миранда не нашла их имен ни в списках погибших, ни в списках живых.

В этот теплый день на набережной гуляло много народа. С каждым разом Миранда видела все больше пестрой, яркой одежды — горожане понемногу снимали траур. Прибой накатывал с веселым шумом, на мачтах многочисленных кораблей трепетали разноцветные флаги; рассекая волны острым форштевнем, к острову МакНэб двигался большой паром.

Заглядевшись на огромную, как колесо, шляпу какой-то дамы, Миранда упустила из виду идущую навстречу пару и едва успела вовремя скрыться в толпе. А потом тайком пошла следом, пожирая их жадным взглядом.

Это был Дилан Макдафф вместе с незнакомой Миранде рыжей девицей. Они шли под ручку,

болтая, улыбаясь и смеясь. Дилан был в светлом пальто и модной шляпе, а девушка… Миранда сразу отметила, что та одета куда лучшее ее самой. Круглая черная шляпка с маленькими полями и зеленым пером, элегантный черный жакет с большими серебряными пуговицами, длинная зеленая юбка в мелкую складку, высокие лакированные сапожки на пуговках, перчатки из тонкой кожи. В довершение всего этого на груди у девицы был приколот букетик фиалок. Рядом с Диланом и его спутницей шла девочка лет десяти, такая же жизнерадостная и нарядно одетая, как и они.

Девушка показалась Миранде очень простой, отчасти даже вульгарной (она никогда не любила рыжих), но главным было не это. Ее жакет был туго натянут на животе: жена Дилана, — а это без сомнения была его жена, — ждала ребенка!

Судя по виду, она чувствовала себя в своем положении очень уютно: ну да, ведь ее живот, в отличие от живота Миранды, был настоящим!

Миранда переживала сложное время. Она моталась между Галифаксом и Торонто, стремясь показаться и там, и там и с неослабевающим страхом ожидая писем от мужа: а вдруг тому вздумается приехать в отпуск! К счастью, от-

пуска были отменены до конца войны Кермит надеялся, что Германия капитулирует до начала следующего года.

В одном из приютов Торонто ей удалось договориться о том, чтобы к концу лета для нее подобрали здорового новорожденного мальчика. Миранда собиралась выдать его за их с Кермитом сына. Своим родственникам в Торонто она солжет, что рожала в Галифаксе, а знакомым галифакцам — что ребенок появился на свет в Торонто. В последний отпуск Кермита они жили в бараке, где было довольно холодно, потому они никогда не раздевались до конца и им было не до того, чтобы разглядывать друг друга. Теперь Миранда могла сказать, что шрам на ее теле — это след от кесарева сечения.

Она обманывала всех, в том числе и Хлою, у которой родилась дочь. Приходя в гости к новой подруге, Миранда подробно описывала свою беременность, в основном повторяя то, что некогда слышала от самой Хлои.

Сейчас она тоже направилась к ней — ей не терпелось обсудить новость.

— Я видела Дилана Макдаффа, хозяина фабрики, на которой ты работала, — сказала она, пока Хлоя наливала ей чай. — Он был с какой-то

рыжей девушкой и девочкой лет десяти.

— Я слышала, он женился на бывшей работнице своей фабрики, — ответила Хлоя.

Миранда издала нервный смешок.

— На работнице?! Она так и выглядит. Рыжеволосая, вся в веснушках. Настоящая деревенщина! Откуда она приехала? Полагаю, Дилан Макдафф взял в жены первую попавшуюся женщину, которая согласилась разделить с ним постель!

Налив гостье чаю, Хлоя присела рядом. Ее дочь мирно спала в колыбели.

— Я знала Нелл, — осторожно сказала она. — Да, эта девушка из деревни, как, впрочем, и я, но она никогда не казалась мне корыстной.

Миранда задумалась, вспоминая выражение лица и улыбку Дилана. Создавалось впечатление, что он ничуть не стесняется своей внешности. Он был счастлив рядом с этой рыжей, счастлив без теней, сомнений и обмана.

Миранда воскресила в памяти взгляд бывшего жениха, когда он упал перед ней на колени и протягивал руки, словно в мольбе.

Неужели нашлась та, что вернула ему уверенность в себе и потерянные надежды? Казалось, Миранда должна радоваться этому. Однако, вопреки всему, ее терзала ревность.

Нелл опустилась в глубокое кресло. Наклонившись, Дилан снял с ее ног обувь, а потом спросил:

— Устала? Хочешь чаю?

Когда Нелл хотела встать, он мягко положил руку на ее плечо.

— Сиди. Сьюзен подаст.

Даже сейчас, когда у них был полный штат прислуги, она постоянно порывалась что-то делать сама. Дилан относился к этому снисходительно, но все же по мере сил пресекал попытки жены взять на себя обязанности горничных.

Нелл было неловко оттого, что она до сих пор ощущает себя в некотором роде самозванкой, но она не могла ничего поделать.

Она хорошо помнила, как они впервые навестили его тетушек. Две из трех оказались живы; Дилан разыскал их, поселил в хорошем доме и выделил деньги на их содержание.

Сперва пожилые дамы сетовали по поводу его лица, а потом их внимание переключилось на Нелл.

Дилан уверял жену, что она красива. Говорил, что ее волосы при определенном освещении кажутся янтарными, золотыми, медными или бронзовыми, а кожа имеет оттенок чайной розы.

Что ее глаза переливаются золотистым блеском, словно грани топаза, а улыбка способна растопить холод любого сердца.

Но у него была душа художника, чуждая расчету, а его тетушки, представлявшие собой первое поколение семьи, сумевшей завоевать место в обществе, больше всего желали породниться с аристократами по рождению. Сочтя внешность и манеры Нелл плебейскими, они принялись расспрашивать Дилана о том, кто она и откуда.

— Моя супруга из Бостона. На сей момент она последняя и единственная представительница состоятельного и уважаемого семейства.

Он врал так беззастенчиво и вдохновенно, что Нелл невольно улыбнулась, и напряжение отпустило ее.

И все же она не сочла возможным навестить старых дам еще раз.

Кто чувствовал себя в особняке Макдаффов, как дома, так это Аннели и кот Галифакс. Последний вел себя так, будто никогда не был бездомным котенком, а родился именно здесь, в этих роскошных стенах. Он был своим и на кухне, и в спальне Аннели, и в гостиной, где любил лежать на коленях у Дилана, когда тот просматривал утренние газеты или по вечерам читал книгу.

Вошла Сиена в кокетливом переднике и с подносом в руках. Ее посвежевшее лицо окружал ореол безупречно уложенных локонов: образ, созданный любимой актрисой, до сих пор не давал ей покоя. Хотя они с Нелл продолжали держаться по-приятельски, последняя все-таки не открыла подруге своей самой важной тайны: о том, что ждет ребенка не от мужа.

Нелл не сказала правды и Хлое, встрече с которой был несказанно рада. Хлоя тоже не сочла возможным и нужным сообщать Нелл ни о том, что подружилась с Мирандой, ни о том, что та вышла замуж на Кермита Далтона.

Пока жена пила чай, Дилан выудил из пачки писем то, которое и ждал и не ждал.

Ответ мсье Саваля, французского хирурга, который может написать «приезжайте!», а может — «едва ли я сумею вам чем-то помочь». Отчего-то Дилан полагал, что, скорее, прочитает второе.

С другой стороны, разумно ли уезжать сейчас, когда фабрику только-только начали отстраивать заново? Нашлись и чертежи зданий, и список оборудования. Когда расчищались завалы, под ними обнаружилось много обгоревших до неузнаваемости останков. В этом смысле фабрика стала зловещим местом. Таких мест в Галифаксе было

слишком много: сахарный и литейный заводы, текстильная фабрика, мастерские, приюты и школы.

Дилан вздохнул. Галифакское кладбище выросло едва ли не в два раза. Говорили, после катастрофы за один только день было изготовлено около двух тысяч гробов!

Вот что страшно: внезапная безвременная смерть, беспросветное горе от потери близких. Остальное можно пережить. Дилан открыл конверт и вытащил один-единственный листок, испещренный аккуратным мелким почерком.

«У меня было несколько таких пациентов, — писал мсье Саваль. — При неглубоком поражении (а если у вас восстановилось зрение и не было особых проблем с легкими, значит, общее поражение не было глубоким) можно многого добиться, даже не прибегая к серьезной операции, а с помощью некоторых процедур. В любом случае необходимо обследование. Приезжайте».

— Нелл, — сказал Дилан, от волнения с трудом переводя дыхание, — меня приглашают во Францию. Это по поводу моего лица. Но я не уверен, стоит ли ехать сейчас, когда предстоит столько работы, а тебе скоро рожать.

Глубоко вздохнув, она накрыла его ладонь сво-

ими пальцами.

— Я справлюсь. Когда подойдет срок, лягу в больницу: ведь мы обо всем договорились. Ты должен подумать о себе. Это нужно тебе, это нужно всем нам.

— Да, ты права. Я хочу, чтобы ребенок впервые увидел меня с нормальным лицом, а не с таким, какое оно сейчас, — задумчиво произнес Дилан.

Он подумал о том, что в клинике у него, возможно, наконец появится время для осуществления задуманного. Он сделает наброски по памяти, а вернувшись в город, поработает на натуре.

Вторая часть рисунков из цикла «Три времени Галифакса» была готова. Дилану удалось запечатлеть город после его гибели, передав, как вершину несчастья, как и свою сопричастность к случившемуся, боль за то, что произошло. На эти рисунки хотелось смотреть и смотреть, пока слезы не застят глаза, душа не заледенеет, а сердце не начнет истекать кровью. Остовы кораблей, обломки мостов, дымящиеся руины, пустота и тишина.

Одна из картин была особенной, непохожей на остальные. Посреди всеобщего разрушения и черно-белого хаоса стояла девушка с бледным лицом, с окровавленной повязкой на глазах и раз-

вевающимися по ветру ярко-рыжими волосами.

Закончив эти работы, Дилан понял, что они не будут последними. Надо нарисовать Галифакс, отстроенный заново. Пусть у этого города будут другие краски, чем прежде, и даже чуточку иная душа. Все равно это станет маленькой победой над смертью, грандиозным прорывом в будущее.

Прошло два месяца. Приближался июль. Нелл должна была лечь в больницу немного раньше предполагаемого срока, чтобы ей вовремя сделали кесарево сечение. Она обо всем договорилась с врачами и все-таки волновалась.

От Дилана приходили бодрые, веселые письма. Доктор Саваль надеялся на хороший результат. Дилан прошел через множество процедур и перенес одну операцию. Доктор Саваль говорил, что через несколько месяцев нужно сделать вторую, после чего, возможно, исчезнут даже мелкие недостатки.

Дилан с восторгом писал о Париже и о маленьком городке, где находилась клиника, обещая Нелл, что когда-нибудь они побывают во Франции вместе.

Думая об этом, Нелл вспоминала свою унылую деревушку, извилистые грязные дороги, поломанные изгороди — все, что явственно говорило

о нужде и лишениях.

Накануне утра, когда ей предстояло лечь в больницу, Нелл бродила по саду, густому мирному саду, словно стеной отгораживающему ее от остального мира. Она останавливалась то там, то здесь, чтобы коснуться розы или растереть в пальцах листок лаванды. Любовалась переливами солнечного света в ветвях и думала о безмерности своего счастья.

Завтра в это же время все будет другим. Начнется новая жизнь, и в эту жизнь войдет кто-то еще. Кто это будет? Нелл молила Бога о том, чтобы родилась дочь. Если будет сын, тогда он станет главным наследником всего, что принадлежит Дилану, а это будет несправедливо.

Зная день, когда ребенок должен появиться на свет, Дилан решил сделать жене сюрприз. Прибыв утренним поездом, он сразу поспешил в больницу. Ему сказали, что Нелл в операционной и что операция скоро закончится.

Присев на стул, Дилан вспоминал, как они с Нелл ждали своей очереди после взрыва в Галифаксе. Тогда здесь были толпы народа, и врачи сбивались с ног.

Они проделали долгий путь и вновь стояли на пороге чего-то нового. Дилан думал о том, сколь-

ко всего предстоит совершить. Но ему не было трудно, ведь он наконец нашел то, что хотел найти, и больше не испытывал желания спасаться от жизни.

Нелл пришла к нему не из светлых грез, она явилась из мрака разрушения. Она не была ни утонченной, ни образованной, ее даже нельзя было назвать красивой. Скорее, своеобразной, искренней, живой. Она просто приняла его таким, каким он был, и он надеялся, что полюбила.

Открылась дверь, и появилась медсестра с белым свертком на руках. Сердце Дилана жарко забилось.

Наверное, Нелл еще спит. Он первым увидит ребенка, узнает, какой он.

— Ваш сын, мистер Макдафф! — медсестра широко улыбалась. — Первенец! Ведь это ваш первенец?

— Да. А как там моя жена?

— Она еще не проснулась. Можете не волноваться, все прошло хорошо.

Дилану пришлось взять ребенка на руки. Его тельце было почти невесомым, полным легкого, едва осязаемого тепла. Почему-то Дилану пришло на ум сравнение с почкой, из которой вот-вот должен появиться листок.

Но этот ребенок уже родился, он жил, хотя еще и не осознавал этого.

Мальчик открыл глаза. Они оказались светлыми, то ли серыми, то ли зелеными, в оправе черных ресниц. Почему-то Дилан думал, что ребенок будет рыжим, как Нелл, но из-под крохотного чепчика торчали темные прядки.

Он явственно ощутил, что держит в руках кусок чужой жизни, судьбы и… любви.

Дилан на мгновение зажмурился. Нет! Он должен принять *это*, так же, как в свое время Нелл приняла его недостаток, его уродство.

Потом ему стало стыдно за такое сравнение. Отныне это невинное существо находится под его защитой. Он вырастит его, воспитает и непременно… полюбит. Мальчик будет считать его своим отцом. О его настоящем отце Дилан не желал ни слышать, ни знать.

— Мальчик здоров?

— С ним все в полном порядке. Как только ваша жена очнется, мы принесем ей ребенка. Вы уже выбрали имя?

Об имени Дилан не думал. Само собой он считал, что его должна выбрать Нелл. Но она ни разу не заговаривала об этом.

— Пока нет. Может быть, Ред? Почему-то я ду-

мал, он будет рыжим!

— У миссис Макдафф, — подхватила медсестра, — очень красивые волосы!

Дилан вернул ей мальчика.

— Я посижу здесь. Подожду, пока она проснется, — сказал он.

Ему не хотелось возвращаться домой: иначе за ним увяжется Аннели. А он собирался сказать Нелл нечто такое, что говорится наедине.

Он вошел к ней в палату еще до того, как туда принесли ребенка. Она была бледна, но ее волосы разметались по белой подушке живой сияющей волной, а в глазах появился особый, привлекательный, но незнакомый Дилану свет.

— Ты приехал! — прошептала Нелл. — Как… как ты изменился!

Он выглядел значительно лучше. Можно было надеяться, что после повторной поездки во Францию его лицо станет почти таким, каким было прежде.

— Я хотел сделать тебе сюрприз. А ты сделала сюрприз мне!

Нелл невольно сжалась.

— Это мальчик.

— Это — ребенок, — твердо произнес он. — *Наш* ребенок.

На ее глазах появились слезы, а на губах — улыбка.

— Какой он?

— Красивый. А главное — здоровый. Скоро тебе его принесут. Кстати, меня спросили об имени.

— Я не знаю. Я надеялась, что родится девочка.

— Я подумал, может быть, Ред?

— Он рыжий?!

— Нет. Но его мама — да.

— Хорошо. Тогда пусть будет Ред. Аннели знает?

— Я сообщу ей, как только окажусь дома.

— Ты прямо с поезда?

— Да. Как ты себя чувствуешь?

— Со мной все хорошо.

Дилан наклонился и поцеловал Нелл в губы: с привычной нежностью и все же не так, как прежде, когда он боялся, что, быть может, ей неприятны его прикосновения.

— Я люблю тебя, — сказал он и добавил: — Прости, я не мог произнести этого раньше. Из-за моего лица. Я думал, эти слова привяжут нас друг к другу крепче… чем надо.

Глаза Нелл затуманились слезами.

— Я их ждала! И я… тоже не могла сказать тебе этого.

Она не стала уточнять, почему, но он понял: Нелл терзалась тем, что беременна от другого.

— Теперь можешь?

— Да. Я люблю тебя, Дилан! Полюбила… не знаю, с каких пор, но это случилось. Не внезапно, нет, не так, как влюбляешься впервые, но… по-настоящему и, надеюсь, навсегда!

Он погладил ее по руке.

— Я знаю. И верю. Тебе не надо волноваться. Завтра я приду к тебе вместе с Аннели.

Когда Дилан ушел, а ей принесли ее сына, Нелл сразу увидела: Кермит. Его зеленые пронзительные глаза и черные волосы, овал лица, даже линия подбородка! Она поразилась тому, как черты взрослого человека могут отражаться в ребенке.

У Дилана светлые волосы, а она — рыжая. Этот мальчик не похож ни на одного из них. Рано или поздно кто-нибудь непременно заметит и произнесет это вслух. А еще найдутся люди, которые припомнят, что она встречалась с Кермитом. Как избежать слухов и сплетен? Многие без того завидуют ей, что она, простая бедная девушка, подцепила богатого мужа. Крепко прижав к себе ребенка, Нелл мучительно размышляла о том, как сделать так, чтобы ничто не угрожало ее

счастью.

Родить Дилану *его* сына? Но сможет ли он тогда любить Реда? Дилан был понимающим и терпеливым, но у сердца свои законы, и оно не подчиняется приказам. Над ним не властны ни разум, ни долг.

Улучив минуту, Нелл спросила врача:

— Я смогу еще рожать? Мы с мужем мечтаем иметь большую семью.

(На самом деле они никогда не обсуждали этого.)

— Конечно, сможете, миссис Макдафф. Но лучше не раньше, чем через три года.

Неделю спустя она вернулась домой. Дилан сразу сказал, что для ребенка нужно взять няню, чтобы Нелл имела возможность отдыхать.

— Если хочешь, пригласи кого-нибудь из своих подруг, — предложил он, но Нелл не собиралась и близко подпускать к Реду тех, кто знал о ней и Кермите.

Сиена, похоже, ни о чем не догадывалась, хотя вполне могла и уловить сходство ребенка с бывшим возлюбленным Нелл, и подсчитать сроки. А возможно, догадывалась, но молчала. Она неплохо устроилась в этом доме и не собиралась рисковать местом.

Аннели — юная тетя — была в восторге от Реда. Она знала правду, но не собиралась открывать ее ни одной живой душе. Она обожала Дилана, с которым они стали настоящими друзьями, и ей никогда не нравился Кермит. Девочка полагала, что было бы куда лучше, если б последний никогда не появлялся в жизни ее старшей сестры.

Глава семнадцатая

В тесном номере маленького отеля Миранда поспешно избавлялась от фальшивого живота. Ей до смерти надоела эта комедия, она не чаяла покончить с притворством и наконец вздохнуть свободно. Сейчас она приехала в Торонто, чтобы забрать ребенка из приюта.

Думая о предстоящем событии, Миранда не испытывала никаких чувств. Все это имело чисто практическое значение. Любой брак — это компромисс, своего рода сделка, и она выполняла ее условия.

Она была не из тех, кто станет плакать о том, чего никогда не сможет иметь. Она постарается это получить.

За эти долгие, почти бесконечные месяцы Миранда убедилась, что поступает правильно. В своих посланиях Кермит постоянно писал о ребенке. Казалось, он продумал его жизнь на годы вперед. И это был сын, всегда только сын.

Последнее раздражало Миранду. Ведь если бы она и впрямь была беременна, у нее вполне могла родиться дочь!

Она вошла в здание приюта — скромно и вместе с тем со вкусом одетая молодая женщина с напудренным лицом, тщательно накрашенными алыми губами, выщипанными в тонкие дуги бровями и неброско, но выразительно подведенными глазами. Водопад волос, некогда скрывавший плечи, сменила модная стрижка. Под мышкой был зажат замшевый ридикюль.

Миранда проследовала по коридору, разглядывая то рельефный орнамент на потолке, то паркетный пол, в котором не хватало брусков. Если она и волновалась, то только о том, как добраться с ребенком до Галифакса.

Вот и кабинет мисс Роу, с которой она общалась последние месяцы. Ей не нравилась эта женщина с крючковатым носом, пристальным взглядом бесцветных глаз и твердо сжатыми губами, но Миранда была вынуждена любезничать с ней.

— Здравствуйте, миссис Далтон. Вижу, вы прибыли вовремя. Малыша сейчас принесут.

Почему-то Миранда думала, что детей будет много и ей позволят выбирать, как на рынке.

— Когда будут готовы бумаги? Я хочу поскорее вернуться в Галифакс, — немного нервно отозвалась она.

— Мы все сделаем быстро. Вы успеете уехать

дневным поездом.

Вошла сестра в белом высоком чепце — она держала на руках ребенка.

Пытаясь разглядеть новорожденного, Миранда невольно вытянула шею.

— Мы выполнили все ваши условия, миссис Далтон, все, кроме одного, — сухо произнесла мисс Роу. — Это девочка.

Девочка! Слово прозвучало, словно гром среди ясного неба. Кермит не допускал и мысли о девочке!

Миранда отпрянула, и на ее безупречном лице появилось жесткое выражение.

— Но почему? Мы договаривались о мальчике! Мой муж хочет сына и только сына!

— Так получилось. Три пары, которые стояли в очереди перед вами, забрали трех младенцев мужского пола. Другие мальчики, оставшиеся в приюте, значительно старше того возраста, какой вас интересует. Потому мы предлагаем вам взять девочку.

— Вы отдали детей другим людям, потому что те смогли больше заплатить! — взвилась Миранда.

Глаза мисс Роу сузились, превратившись в две узкие щелки.

— Послушайте! Дети не товар, равно как не су-

ществует детей первого и второго сорта. И они не появляются на свет по заказу. Или вы забираете этого ребенка, или вам придется подождать.

— Как долго?

— Поскольку вы оказываетесь в конце списка, то, полагаю, несколько месяцев.

Миранда была сражена. Девять месяцев обмана, притворства на пределе сил — и все напрасно! Ей казалось, что тут имеет место борьба двух воль, в которой мисс Роу без сомнения выйдет победительницей. Эта ханжа и старая дева ненавидела ее, молодую, красивую, ухоженную, имеющую мужа, и решила отомстить любым доступным способом.

— Кто родители ребенка?

— Они были вполне благополучными людьми, но, к несчастью, погибли в автокатастрофе. Малышка родилась в рубашке: ее выбросило из машины, и она уцелела. Близких родственников не нашлось, и девочка попала в приют. Она родилась всего неделю назад — как раз то, что вам нужно.

— У нее есть имя?

— По документам она Мойра, но вы можете назвать ее, как захотите, это ваше право.

«Мойра — судьба», — подумала Миранда.

— Пусть останется, как есть. Я ее забираю, — сказала она, признавая свое поражение.

Вместе с тем Миранда ощутила что-то вроде злорадства. Пусть это послужит наказанием Кермиту за его мужское самомнение, за непоколебимую уверенность в себе!

Спустя час Миранда вышла из приюта с ребенком на руках. Ей дали в дорогу несколько пеленок и немного молочной смеси, и она изо всех сил спешила на поезд.

Купив билет и заняв место в вагоне, Миранда облегченно вздохнула. Она привыкла думать только о себе, потому ей казалось, что она держит на коленях обыкновенный сверток. Первый раз она поняла, что это не так, когда ее руки и юбка вдруг стали мокрыми и потекло даже на пол! А во второй — когда девочка пронзительно разревелась на весь вагон.

Развернув пеленки дрожащими руками, Миранда поняла, что боится дотрагиваться до этого странного существа с такой прозрачной кожей, что была видна даже сеточка вен, казалось, нарисованных тоненькой кистью. Ей чудилось, что она может что-нибудь сломать Мойре или та выскользнет из ее рук. К тому же Миранда ни разу в жизни не пеленала детей и не знала, как

это делается.

Она нервничала, совершая бесполезные движения, а девочка продолжала плакать. Наконец сидевшая по соседству женщина, ворча себе под нос про нерадивость молодых мамаш, поднялась с места и ловко перепеленала ребенка.

— Грудь! Дайте ей грудь!

Миранда залилась краской. Она не могла объяснить, что у нее нет молока, что вообще-то это не ее ребенок.

В конце концов под неодобрительными взглядами соседки она кое-как накормила малышку из бутылочки, после чего ребенок срыгнул, вновь испачкав ей одежду и руки и вызвав у нее прилив раздражения, если не сказать — злобы.

День постепенно погас, в темноте таяли встречные огни, мимо окна летели высекаемые колесами искры. В вагоне было темно и душно. Миранда не спала, укачивая ребенка и боясь, как бы он снова не раскричался. Пока она не догадывалась, что ей дано, но понимала, что отнято очень и очень многое. Она не имела права заснуть, не могла почитать. Ей приходилось охранять покой этого маленького создания, которому не было дела до ее самочувствия и настроения. Она больше не принадлежала себе. Она взвалила на себя ношу,

которую ей придется нести до конца жизни.

Миранду охватил страх, ее душа предательски ныла. Зачем она ввязалась во все это! Надо было признаться Кермиту, что она не может иметь детей. Она пострадала во время взрыва — это достаточно серьезное оправдание. Если он ее любит, то все равно остался бы с ней. Многие пары счастливы и без детей, а другим дети доставляют слишком много хлопот.

— Я не справлюсь! — в отчаянии прошептала она.

Неприветливый сероватый рассвет застал ее до предела раздраженной и совершенно разбитой. Ночью ребенок время от времени принимался орать и несколько раз испачкал пеленки.

Выйдя из поезда в Галифаксе, Миранда не чуяла под собой ног. У нее резало глаза от усталости и недосыпа. Ей было некогда даже посмотреть на себя в зеркало и причесаться! Ее одолевало сильное искушение оставить ненавистный сверток на одной из привокзальных скамеек, отряхнуть руки и пойти дальше, ощущая себя свободной, как прежде.

Только бы Хлоя оказалась дома и сняла с ее плеч часть хлопот, позволила вздремнуть хотя бы пару часов!

Открыв дверь, Хлоя отшатнулась от неожиданности.

— Миранда?!

— Я родила ребенка, — упавшим голосом произнесла та, подводя черту под неизбежным. — Я страшно устала. — И неожиданно разрыдалась.

Все разрешилось в считанные минуты. Хлоя ловко перепеленала малышку и дала ей грудь. Миранда сидела в кресле, скинув туфли и поджав под себя ноги, и жадно ела сэндвич с ветчиной и сыром, запивая его крепким и сладким чаем.

— Ой, а она светленькая! У нее голубые глазки! — сказала Хлоя, любовно глядя в крохотное личико присосавшегося к ней младенца.

Миранда вздрогнула. Этого еще не хватало! Странно, что ей не пришло в голову присмотреться к ребенку. Они с Кермитом оба темноволосые, разве у них мог бы родиться белокурый младенец! Проклятая мисс Роу из вредности подсунула ей эту девочку! Что теперь сказать Кермиту?!

— Я страшно хочу спать, — произнесла она убитым голосом.

— Сейчас ты поспишь, и, думаю, девочка тоже уснет. Когда она родилась?

— Неделю назад.

— Как ее зовут?

— Мойра.

— Ты сообщила Кермиту?

— Пока нет. — Миранда скривила губы. — Он же хотел сына!

— Все это глупости, — спокойно произнесла Хлоя. — Гордон тоже твердил о мальчике, а когда родилась Джун, и думать забыл о том, что мечтал иметь сына.

— Я телеграфирую ему, как только немного приду в себя.

— Я вижу, ты страшно устала, — сказала Хлоя, мысленно добавив: «И совсем не рада».

Она вспоминала себя. Ей тоже было трудно, но она сразу поняла, что Джун изменила ее жизнь в лучшую сторону. Она сходила с ума от забот, но эти заботы казались естественными. Дочь требовала от нее безраздельного внимания, величайшего напряжения сил, но она же подарила ей смысл жизни — самое главное, ради чего человек приходит на этот свет. С появлением Джун каждый день приносил Хлое что-то новое и радостное.

Миранда же казалась совершенно отстраненной от собственного ребенка. Ни проблеска счастья, ни капли материнской привязанности. Ей словно навязали его насильно, он словно бы

был… не ее!

Пока Миранда спала, Хлоя искупала младенца. Это была здоровая, ухоженная девочка, но молодая женщина обнаружила на ее спинке большую, еще не зажившую ссадину и ломала голову над тем, откуда она могла взяться.

Хлоя положила Мойру в кроватку к своей дочери; с наслаждением вдыхая сладкий, молочный запах кожи обеих девочек: в этот миг они казались ей похожими на двух сестричек.

В последующие дни Миранда находила любые предлоги, чтобы улизнуть из дома, оставив Мойру на попечение Хлои. То ей надо было послать телеграмму Кермиту, то купить какие-то мелочи, то с кем-то встретиться.

Хлоя заметила, что Миранда ничуть не озабочена приданым ребенка; если б Мойра не получила в наследство пеленки Джун, ее было бы не во что заворачивать. Сама Хлоя постоянно вязала и шила детские вещи. Она по очереди купала обеих девочек в эмалированной ванночке и кормила Мойру своим молоком. Она проводила с малышкой куда больше времени, чем Миранда, но, похоже, последняя воспринимала это как должное.

Между тем дни становились все короче, холод-

нее и темнее, немногие уцелевшие при пожаре клены теряли свои оранжево-желтые и коричнево-багровые листья. Иногда Хлоя брала с собой сэндвичи и горячий чай и шла в ближайший парк, толкая перед собой коляску, в которой лежали Мойра и Джун. Пока дети спали, она листала журнал или просто сидела, вслушиваясь в бесконечную череду уличных звуков и разглядывая прохожих.

В один из таких дней мимо прошла хорошенькая блондинка. Узнав девушку, Хлоя окликнула ее:

— Сьюзи!

Девушка, называвшая себя Сиеной, остановилась.

— Хлоя? Я давно тебя не видела.

— А я — тебя. — Было заметно, что Хлоя рада поболтать. — У тебя есть время? Может, присядешь?

Сиена села.

— Как все изменилось, — заметила она, глядя на маленькие деревца, посаженные там, где некогда высились, словно в почетном карауле, стройные сосны. Потом перевела взгляд на коляску. — У тебя что, двойня, Хлоя?

— Нет, это ребенок моей приятельницы.

— Твоя прежняя подруга Нелл тоже родила, ты слышала об этом?

— Нет. Мы давно не виделись. Когда она успела?

Сиена заерзала на скамейке. Ей очень хотелось обсудить чужую жизнь, и вместе с тем ее терзали сомнения. Она не слишком хорошо знала Хлою, к тому же понимала, чем обязана Нелл. И все-таки женская натура взяла свое.

— Вот именно, когда? Мне кажется, я знаю, чей это ребенок.

В глазах Хлои вспыхнуло любопытство.

— Ты хочешь сказать, он не от мужа?

— Конечно, нет. Достаточно немного посчитать и кое-что сопоставить. Как раз в прошлом ноябре Нелл призналась мне, что беременна от своего приятеля, и просила подсказать, кто бы мог освободить ее от этого. Тогда я решила, что она избавилась от ребенка, но теперь понимаю, что нет.

— Нелл встречалась с Кермитом Далтоном. И я предупреждала ее, чем это может закончиться!

— Я знаю, что это был Далтон.

— А мистер Макдафф в курсе?

Сиена пожала плечами.

— Как бы то ни было, он принял мальчика и

дал ему свою фамилию.

Хлоя решила, что у нее тоже есть чем удивить собеседницу.

— А ты слышала, что Далтон женился на Миранде Фишер?

— Да ну? Миранда же бросила мистера Макдаффа из-за его лица! Кстати, сейчас он выглядит намного лучше. Он съездил во Францию, и там с ним что-то сделали. И, кажется, он собирается туда снова.

— Понятное дело, ведь у него есть деньги! А как у них с Нелл? Я до сих пор не могу поверить в то, что на ней женился хозяин фабрики!

— Похоже, она и сама в это не верит. Что ни говори, такому дому нужна другая хозяйка. Меня не покидает чувство, что настоящая госпожа куда-то уехала, а Нелл — одна из нас. Мне кажется, этот брак был вызван… стечением обстоятельств.

— То есть это была не любовь?

— Трудно сказать. Они… благодарны друг другу. Для Нелл внешность мужа далеко не на первом месте, а он относится к ее сыну, как к своему. В постели, надо полагать, у них тоже все хорошо. В общем, каждый из них дал другому нечто такое, чего тот был лишен.

Сиена и Хлоя понимающе переглянулись.

— А как поживает Миранда? Она не кусает локти? — спросила Сиена.

— Думаю, ей всегда нравился именно Далтон, просто прежде он был слишком беден. Но потом он пошел в армию, его повысили, а после взрыва все так изменилось, что Миранда мигом сообразила, как лучше устроиться в жизни. Кстати, это ее девочка, — сказала Хлоя, кивнув на коляску.

— Почему тогда с ней гуляешь ты?

Хлоя задумалась, потом медленно произнесла:

— Во всем этом есть что-то странное. Как-то раз Миранда прибежала ко мне прямо с поезда и совершенно не в себе. Заявила, что родила ребенка в Торонто. При этом держалась так, будто младенца просто всучили ей по дороге. Она до сих пор использует любой предлог, чтобы не возиться с ребенком.

— Возможно, он не от Далтона?

— Нет, она сразу написала ему, что беременна, и вообще кричала об этом на всех углах. А еще постоянно ездила к родственникам в Торонто.

— А ты видела ее с животом?

— Да сто раз.

— Может, она просто кукушка? Мало ли таких женщин!

— Что правда, то правда: Миранда Фишер все-

гда думала лишь о себе. А тебе нравится работать у Макдаффов, Сьюзи?

— Конечно, нравится. Хотя, признаться, я вовсе не собиралась становиться прислугой. Я всегда мечтала стать актрисой, как Мэри Пикфорд. Я видела все ее фильмы! Мне бы тоже удавались роли несчастных брошенных девушек!

— Мало кто из нас получает в жизни то, что хочет получить, — рассудительно произнесла Хлоя.

Когда Дилан в очередной раз вернулся из Франции, он был поражен, увидев Галифакс совершенно белым. Сойдя с ночного поезда, он стоял на перроне, вдыхая бодрящий воздух, глядя то в темное, с редкими звездами небо, то на длинные, легкие, светлые тени, протянувшиеся по девственно чистому снегу.

К гавани спускались запорошенные снегом ступени крыш, озаренная луной вода в заливе сияла, будто черное зеркало.

Дилан вспомнил, как после взрыва пошел снегопад, сквозь который ничего нельзя было разглядеть. Он затушил пожар, охвативший город, и, будто саван, скрыл следы смерти.

Едва он подумал об этом, как услышал далекий, но звучный голос южного ветра. Погода переме-

нится. Возможно, завтра все растает, но сейчас кругом было так красиво! Мир замер в покое. Казалось, больше ему ничего не угрожает.

Дилан добрался до дому около двух часов ночи. Особняк спал. Нелл, должно быть, устала: вопреки советам, она брала на себя большую часть забот о ребенке.

Дилан тихо вошел в дом, стараясь никого не разбудить.

Аннели рано вставала в школу. Чаще ее отвозил шофер, иногда — сам Дилан. Он вспомнил, как впервые прокатил Нелл и Аннели на «роллс-ройсе». Тогда в Галифаксе еще было мало автомобилей. Мелкие камушки шумно летели из-под колес, на переднем стекле весело плясали блики и тени. Аннели визжала от восторга, а лицо Нелл было полно почти детского изумления. Дилана всегда умиляла эта черта: ее было легко удивить и обрадовать, ей была свойственна непосредственность наивной и чистой души.

Пройдя по блестящим от луны половицам, он остановился возле большого зеркала.

Еще неделю назад новая кожа выглядела красной и блестящей, но сейчас краснота сошла, и Дилан мог сполна оценить результаты.

Доктор Саваль сказал, что едва ли удастся до-

биться большего. Осталось несколько самых глубоких, въевшихся в кожу следов и шрамов, но они были видны лишь вблизи, и, как говорится, шрамы не портят мужчину. Пожалуй, они даже придавали его облику некую мужественность.

Сняв верхнюю одежду, Дилан бесшумно поднялся на второй этаж. Его чемодан был набит подарками, которые он собирался отдать домочадцам завтра.

Толкнув дверь спальни, он бесшумно вошел. Нелл спала, свернувшись клубком на своей половине кровати. На стене горел красноватый ночник.

Он разделся и тихо лег, стараясь не потревожить жену. Но едва его тело коснулось прохладных простыней, как Нелл порывисто обернулась и обняла его.

Они ничего не сказали друг другу, да и было ли место словам, когда мощная обжигающая волна подхватила их и понесла туда, где они могли оказаться только вдвоем!

Дилан подумал о том, что Нелл еще не знает, как он теперь выглядит.

Изнывая от желания, он слился с ней и сразу почувствовал ее нетерпение и страсть. С каждым разом они становились более раскованными, все

лучше узнавали друг друга.

Дилан всегда поражался тому, сколь самозабвенно она ему отдавалась. Его сводила с ума ее готовность делиться всем, что у нее было, с ним: Аннели, Редом, слугами. Он знал, что ей хорошо здесь, хорошо с ним. И если б Дилан даже ни капельки не любил Нелл, он был бы счастлив даже тем, что ему удалось сделать счастливым другого человека.

Конечно, он уделял Реду недостаточно внимания и времени, но с другой стороны, в последнее время он был слишком занят: дела фабрики, поездки во Францию… Наверное, это огорчало Нелл. Вопреки советам врачей, она была готова родить ему ребенка буквально на следующий год, но Дилан твердо сказал «нет». Ее здоровье — на первом месте. Пусть Ред подрастет.

Нелл и Дилан проснулись поздно. Небо раскинулось над Галифаксом светло-желтым пологом. Шел густой мокрый снег. В трубах гудел ветер. Почему-то оба подумали, как хорошо будет провести этот день дома. Еще лучше — в постели. Тем более было воскресенье. Нелл решила, что покормит Реда, а потом оставит его на попечение няни.

Взглянув на Дилана, она ахнула, и ее глаза загорелись.

— Ты великолепно выглядишь! — выдохнула она, дотрагиваясь до его лица так, будто оно было стеклянным.

— Да, доктор Саваль постарался. Теперь я могу спокойно пройти по улицам, не тревожась о том, что на меня станут глазеть, — ответил Дилан и, подумав, сказал: — Мы почти нигде не бываем. Полагаю, нам пора выйти в свет. Например, в следующее воскресенье посетить церковную службу. А еще в Галифаксе есть благотворительные общества и разные клубы.

— Прошу тебя, Дилан! — взмолилась Нелл. — Ты же знаешь, я не смогу!

Вопреки обыкновению, он был непреклонен.

— У тебя все получится. Если мы не станем никуда ходить, нас сочтут отщепенцами. О нас наверняка судачат, потому мы должны появиться в обществе, полные гордости и достоинства. Надо дать им понять, что мы — настоящая пара. Так будет лучше для будущего, даже не нашего, а прежде всего — Аннели и Реда.

Нелл сникла.

— Мне кажется, наш брак всегда будут рассматривать как мезальянс.

— Нет. А если да, я заставлю их замолчать.

— Потому что у тебя есть деньги?

— Потому что мы любим друг друга. Потому что мы слишком многое пережили вместе.

Глава восемнадцатая

Небо над гаванью раскинулось сияющим голубым шелком, по нему разметались легкие перистые облака. Солнце беспокойно поблескивало на покрытой серебристой рябью поверхности моря. Вода капала и бежала с крыш, словно покрытых блестящей фольгой, порывы теплого ветра разметали ветви деревьев.

В руках многих горожан, столпившихся на набережной, были флажки с изображением земляничного дерева — эмблемы Новой Шотландии. Сегодня Галифакс встречал своих героев — солдат и офицеров Первой канадской дивизии, вернувшихся домой с войны.

Канадцы отличались не раз: вместе с англичанами и австралийцами с блеском прорвали германский фронт в известном Амьенском сражении, ознаменовавшем перелом в сухопутной войне. Они были сильны и в танковом корпусе, и в авиации.

Оркестр играл марш. Народ заходился от восторга, сопровождая появление каждого человека в форме аплодисментами и громкими криками.

Дилан и Нелл стояли в стороне. Они радовались этому празднику и вместе с тем ощущали себя здесь посторонними.

Дилан втайне сожалел о том, что ему не дано появиться в толпе победителей. Бог весть сколько раз его охватывала волна противоречивых чувств: неловкости, раскаяния, стыда или же радости от того, что он находится в безопасности! Сейчас он пытался стряхнуть с себя эти ощущения, говоря, что война бессмысленна, что она порождает только звериную жестокость и животный страх. И все же Дилан многое отдал бы за то, чтобы сойти на берег вот так, под звуки оркестра, восторженных криков и оваций.

— Кермит Далтон, — вполголоса произнес он, — как всегда герой!

Нелл вздрогнула. Кермит. Мужественное лицо, военная выправка, независимость и гордость в каждом движении. Минуты, когда она смотрела на него, казались бесконечными. Хотя она больше его не любила, нанесенная им обида все еще была слишком сильна.

— Да, герой, — словно эхо, повторила она, не отдавая себе отчета в том, что говорит.

Дилан внимательно посмотрел на жену.

— Ты с ним знакома?

— Когда-то я ходила на танцы, и девушки говорили, что он слывет сердцеедом, — ответила Нелл, надеясь, что покраснела не очень сильно.

— Это неудивительно.

— А откуда его знаешь *ты*? — Нелл старалась, чтобы ее голос звучал естественно и спокойно.

— Именно Далтон вывел меня с поля боя, когда немцы пустили газ. Правда, тогда он наговорил мне кучу неприятных вещей, но я на него не в обиде, ведь он спас мне жизнь. После он навестил меня в госпитале, а больше мы не общались. А еще было время, когда он буквально преследовал меня, изводя своей ненавистью.

— Почему?

Дилан не успел ответить. На шею Кермиту бросилась женщина, вероятно, его жена. Стройная, с тонкой талией, белым лицом, блестящими темными волосами, алыми губами и красивым разрезом темных глаз. Обнимая ее, Кермит сверкнул довольной улыбкой, а Дилан, увидев это, напрягся, и на мгновение его лицо словно раскололось от боли.

«Он все еще любит Миранду Фишер, — сказала себе Нелл. — И даже если не любит, то не может забыть».

Она знала, что завтра в здании муниципально-

го правительства состоится большой праздник, на котором должны присутствовать столпы общества и герои, вернувшиеся с войны. Они с Диланом уже получили приглашение, и Кермит с Мирандой тоже наверняка будут там.

Нелл вонзила ногти в ладони. Если она встретит Кермита, ей надо во что бы то ни стало сохранить спокойствие и достоинство.

Кермит с Мирандой и Гордон с Хлоей поспешили домой, где их ждал праздничный ужин. Дети были оставлены на попечение одной из приятельниц Хлои.

Мужчины были поражены тем, как изменился Галифакс: строились новые дома, а от руин не осталось и следа. Хотя до полного восстановления города было еще очень и очень далеко.

— До чего же я отвык от мирной жизни! — сказал Кермит, когда они шли по набережной. Он не сводил глаз с Миранды. И он, и Гордон обнимали своих жен за талию, а те так и льнули к мужьям. — Мне кажется, будто я сплю.

— Да, — подхватил Гордон, — чудится, будто откроешь глаза, и снова увидишь окопы!

— Что ж, за эти годы война стала частью нашей жизни, можно сказать, самой жизнью.

Они вспоминали самые жаркие сражения, уби-

тых товарищей. Хотя их женам было совершенно неинтересно об этом слушать, они согласно кивали, а иногда испуганно ахали.

После совместного ужина в квартире Хлои и Гордона, во время которого продолжались все те же разговоры, Кермит и Миранда отправились к себе. Хлоя недвусмысленно дала понять, что желает побыть наедине с мужем, потому подруге придется самой позаботиться о своем ребенке.

Миранда внесла Мойру в комнату. Солнце просвечивало в ее светлых волосиках, она таращила круглые голубые глазенки. Кермит смотрел на дочь с любопытством, но все же опасался брать на руки.

— Она такая крохотная! Я боюсь уронить ее или раздавить.

— Видел бы ты ее, когда она родилась!

— Она такая беленькая — в отличие от нас с тобой.

— Просто она еще маленькая. Потом волосы должны потемнеть. И глаза вполне могут стать зелеными, как твои.

— Все-таки жаль, что это не мальчишка! Ну, ничего, думаю, во второй раз получится парень.

— Врачи предупредили, что мне не стоит больше рожать, — осторожно произнесла Миран-

да. — Первые роды были очень тяжелыми, им даже пришлось сделать мне кесарево сечение.

— Не надо слушать того, что говорят эскулапы! Зачем ты позволила себя резать?

— Я не могла родить сама.

Кермит покачал головой, но его тут же отвлекли другие желания и мысли.

— Полтора года без женских объятий! Вместо постели — окопы, вместо жены — винтовка! — прошептал он, увлекая Миранду в постель.

На самом деле Кермит покривил душой. Он посещал бордели в завоеванных городах, а во время ноябрьского перемирия, которое канадский корпус встретил в только что освобожденном от немцев бельгийском городе Монсе, они с сослуживцами устроили настоящую оргию с «девочками».

И все же Миранда была для него желаннее всех.

Кермит с удовольствием вдыхал запах ее кожи, наслаждался вкусом губ, все еще не до конца осознавая, что война закончилась и ему больше не надо никуда уезжать. Разгоряченный любовью, он целовал ее тело, а она довольно улыбалась, полузакрыв глаза. Кровать прогибалась и скрипела под тяжестью их тел. Но вот в самый разгар

страсти раздалось хныканье, а после — пронзительный плач.

Кермит был не из тех, кто останавливается на полпути. Добравшись до высшей точки наслаждения, он тяжело перекатился на спину и произнес, едва переведя дыхание:

— Уйми ее!

Миранда встала, прошлепала к кроватке и взяла девочку на руки. Но взяла с раздражением, без любви, не так, как это обычно делала Хлоя, потому Мойра не успокаивалась.

— Может, она голодная? — спросил Кермит.

Опустив малышку в кроватку, Миранда занялась приготовлением смеси.

— Ты что, не кормишь ее грудью? — удивился Кермит, которому плач ребенка резал уши.

— У меня нет молока.

Поев, Мойра наконец успокоилась. Миранда легла в постель, и они с Кермитом вернулись к своим приятным занятиям, а потом заснули.

Тонкий голосок вырвал их из сна в середине ночи, и Кермит сердито произнес:

— Теперь так будет всегда?

«А ты как думал!» — со злостью подумала Миранда и бросила:

— Надеюсь, что нет!

— Наверное, с ней что-то не в порядке? — не отступал он.

— Откуда мне знать! Я спрошу у *Хлои.*

— Сейчас ночь, Хлоя спит. И при чем тут она? Это же твой ребенок!

— И твой тоже! Знаешь, как тяжело с младенцем? Хуже, чем на твоей войне! Если ты хочешь дать мне немного отдыха, тебе тоже придется вставать по ночам!

Кермит был ошеломлен.

— Ты целыми днями дома, а моя служба отнюдь не окончена. Я надеюсь получить должность в гарнизоне. А в отпуске я желаю отоспаться.

— Но это ты хотел ребенка! И я выполнила твою просьбу!

— А ты — не хотела? Ты всего лишь следовала моему желанию?

Поняв, что сболтнула лишнее, Миранда промолчала. Будучи не в силах успокоить орущую девочку, она с размаху отвесила ей шлепка. Звонкий звук прорезал воздух, и Кермит опешил.

— Послушай, — с угрозой произнес он, — не надо бить мою дочь!

Грубо схватив Миранду за плечи, он толкнул ее на постель с намерением высказать все, что думает по этому поводу. Но ее безупречное

обнаженное тело и промелькнувшее в глазах выражение покорности и испуга породили в нем другое желание. Кермит взял жену так, как брал проституток, с сумасшедшей, необузданной, безжалостной силой, безразличный к тому, что они испытывают.

Несколько минут в комнате раздавался только голос покинутого ребенка и хриплое дыхание взрослых. Потом, уставшая плакать, Мойра заснула, зато разрыдалась Миранда. И хотя Кермит тут же попросил у нее прощения, она поняла, насколько он огрубел на войне, как и почувствовала, что он относится к ней без прежнего благоговения. Отныне Миранда принадлежала ему, и он хотел, чтобы она радостно и покорно предоставляла себя его желанию, невзирая на то, какие проблемы лежат на ее плечах.

Утром молодая женщина разрывалась между заботами о Мойре, муже и… о себе. Думая о вечернем приеме, куда были приглашены военные с женами и весь цвет галифакского общества, она надеялась затмить других дам если не нарядом, то своей красотой.

— Хорошо бы нанять няню, — сказала она. — Я так долго просидела дома с младенцем, что теперь мне хочется немного пожить для себя.

Кермит промолчал. Он уже понял, что Миранда не намерена посвящать себя домашним заботам. Она была нерадивой хозяйкой: тосты подгорели, как и каша для ребенка, чай был безвкусным и жидким.

Кермит вздохнул. На войне он представлял себе семейное счастье совершенно иначе.

После завтрака он все-таки взял Мойру на колени. Девочка с улыбкой тянулась к блестящим пуговицам на его форме, однако при этом у нее был какой-то неприкаянный, заброшенный вид. Кермит совершенно не ощущал себя отцом ребенка, которого держал на руках. Возможно, потому, что это была девочка? Все в ней казалось чужим: белокурые волосы, голубые глаза.

Вечером Миранда с облегчением отнесла Мойру к приятельнице Хлои, которая иногда соглашалась посидеть с детьми.

Они вышли из дому на закате. Небо было чистым; на западе таяли легкие розоватые облака и багровело солнце, отчего вода в гавани отливала красным, словно ее смешали с кровью.

Миранда шла рядом с Кермитом, предаваясь тщеславным мечтам о жизни, какую ей бы хотелось вести, и сожалея о том, что имеет. Да, ее муж офицер, но они небогаты, если не сказать

— бедны. Кермит даже не знает, какую должность ему удастся занять и сколько он будет получать. Он отличился на войне, но в мирной жизни у него нет ни высокого положения, ни нужных связей. У них крошечная квартирка, и едва ли им по средствам нанять прислугу.

Между тем у здания Сити-Холл, где заседало муниципальное правительство, выстроились роскошные быстроходные машины, а по ступенькам поднимались дамы хотя и в подчеркнуто строгих и скромных, но дорогих туалетах.

Зал был залит ярким светом, по углам стояли большие кадки с цветами, а по двум противоположным стенам расположены киоски, где собирались продавать всякую всячину — в основном в благотворительных целях.

На одной из стен висели картины, показавшиеся Миранде странно знакомыми. Вглядевшись с них, она с изумлением узнала рисунки Дилана Макдаффа. Каким образом могли сохраниться эти трогательные пейзажи? Рисунки напомнили ей о временах, безвозвратно канувших в прошлое, о днях беззаботной юности.

Рядом Миранда увидела другие картины, нарисованные уже после взрыва. Изображенное на них навеки запечатлелось не просто в памяти

— в сердцах тех, кому удалось уцелеть в огненном вихре.

Только человек, переживший галифакскую трагедию, мог представить, понять, что такое жизнь, расколотая на две половины!

Среди пейзажей был всего один портрет — женщина на фоне разрухи. Миранда узнала рыжеволосую девушку. За ее спиной был ад, но, возможно, она стояла на пороге рая. Хотя она не могла видеть ни того, ни другого: ее глаза прикрывала окровавленная повязка. Девушка не протягивала руки, не звала на помощь, просто стояла и чего-то ждала. Миранду поразила линия ее рта, выражавшая и скорбь, и надежду, и мужество, и волосы, развевавшиеся по ветру, словно языки пламени. Картина называлась «Ярче, чем солнце».

На последних рисунках Дилан изобразил возрождавшийся Галифакс, но эти пейзажи показались Миранде менее выразительными и интересными.

Едва она успела досмотреть работы, как вечер объявили открытым. Мэр произнес торжественную речь. К всеобщему облегчению, война закончилась. На фронте погибло шестнадцать жителей Галифакса (их имена были перечисле-

ны в трагической тишине), а также жертвами войны можно было считать всех, кто пострадал в результате взрыва. Канадский корпус проявил себя в боях с исключительно положительной стороны — мужество, храбрость, дисциплина, великолепная физическая и моральная подготовка. Мэр назвал всех галифакцев, имевших честь в нем служить и вернувшихся домой живыми (в том числе Кермита Далтона и Гордона Уэйна), и лично пожал каждому руку.

Хлоя сияла от гордости и счастья, а Миранда исподволь выглядывала в толпе тех, кого желала увидеть, и наконец нашла их.

Волосы жены Дилана, безусловно, были самыми яркими в этом собрании. Она зачесала их наверх, скрепив черепаховым гребнем. У Нелл был высокий белый лоб, красиво изогнутые медные брови и такого же цвета ресницы. В ее карих глазах отражался золотистый свет ламп. По обеим сторонам лица покачивались гранатовые серьги, шею обхватывала узкая красная бархотка. Миранда пожирала взглядом наряд супруги Дилана Макдаффа: облегавший тело черный жакет с красновато-коричневым воротником и обшлагами и элегантную узкую юбку. Чулки были тонкими, дорогими, а туфли — из мягкой

кожи, с большими медными пряжками.

И это — бывшая фабричная работница, деревенская девчонка! Миранда скрипнула зубами. Ее собственное лучшее платье было далеко не новым, и ей пришлось выпросить жемчужную нить у одной из приятельниц Хлои. Духи и мыло, которые Кермит привез из Европы, были дешевыми, и ему не пришло в голову купить ей ни одного украшения!

Когда Миранда перевела взгляд на Дилана, ей почудилось, будто у нее что-то со зрением. Левая половина его лица слегка отличалась от правой меньшей подвижностью и гладкостью, но… в целом он выглядел почти как прежде!

Что это? Результат пластической операции? Мистика? Миранда решила непременно подойти к нему поближе, чтобы как следует разглядеть.

«Сливки общества» приветствовали друг друга, но Миранда находилась за их чертой. Пока ее муж воевал за чужую страну, эти люди получали государственную помощь и беспроцентные кредиты на восстановление своих предприятий. Им было не о чем беспокоиться.

Между тем Кермит и Гордон, выпив по рюмке бесплатного виски, направились к киоску с сосисками и сэндвичами. Они шумно перегова-

ривались, явно довольные собой. У них не было повода огорчаться. Их чествовали как героев: сегодня был их день.

Ожидая, когда начнутся танцы, Миранда беседовала с Хлоей.

— Ты видела свою подругу, ту, что вышла за хозяина фабрики?

— Нелл? Да. Она очень изменилась. Великолепно одета и держится совсем по-другому! Хотя мне кажется, в душе она осталась прежней.

— Не думаю, — процедила Миранда.

Доедая сэндвич, Кермит глазел по сторонам. Внезапно он вздрогнул. На него смотрели золотистые глаза Нелл, и в них были недоумение, обида и мука. Его бывшая возлюбленная очень изменилась, и все-таки он не мог ее не узнать. Значит, она, как и Миранда, выжила в этом кошмаре!

Кермит вспомнил дни, когда Нелл трогательно заботилась о нем, и ночи, когда она отдавалась ему с неизменной покорностью и безудержным желанием. Они уносились на крыльях страсти, а потом возвращались туда, где перед ними простиралась гавань Галифакса, еще не тронутая ужасной трагедией. Сказочный, волшебный пейзаж, каким ему, Кермиту Далтону, уже не дано восторгаться; и не только потому, что все в этом

мире стало другим, а еще оттого, что изменился он сам.

К слову, Миранда наотрез отказалась поселиться близ гавани, и теперь, просыпаясь, он был вынужден упираться взглядом в стену соседнего дома!

Зная о том, что пришлось пережить Нелл по его вине, Кермит не терзался угрызениями совести. Многие женщины делают подобные вещи: такова их доля. Возможно, Нелл уже родила другого ребенка, тем более что она наверняка замужем: с какой стати она появилась бы здесь одна!

Грянула музыка. Видя, что Миранда разговаривает с Хлоей, Кермит решительно шагнул к бывшей подруге.

— Разрешите?

Она отшатнулась.

— Нет.

— Почему? Не узнаешь?

— Узнаю. Просто я танцую только с мужем.

Кермит усмехнулся.

— Ты замужем, и он ревнив? Тогда извини.

Он почувствовал себя уязвленным. За кого могла выйти Нелл, что она так хорошо одета? Что за причуды судьбы?

Кермит отошел, не упуская ее из виду. Вскоре к

Нелл подошел Дилан Макдафф!

Вопреки рассказам Миранды, тот выглядел просто отлично. Он что-то говорил Нелл, и его голубые глаза мягко сияли. Словно извиняясь, он легонько сжал ее руку, а потом отошел.

Оставив в покое Нелл, Кермит последовал за Диланом. Пока тот разговаривал с мэром, Кермит разглядывал картины на стенах. На одной из них была Нелл, причем с окровавленной повязкой на глазах. Но ведь сейчас она видит!

Кермит чувствовал, что хочет узнать подробности, хотя и не понимал, зачем ему это. Подождав, пока Дилан освободится, он подошел к нему и протянул руку.

— Привет!

Дилан ответил на пожатие.

— Здравствуй, Кермит. Поздравляю с началом мирной жизни!

— С которой мне еще предстоит освоиться, — с усмешкой заметил тот и добавил: — Значит, ты выжил во время взрыва?

— Буквально чудом, как и все, кому довелось уцелеть.

— Ты рисовал все это прямо тогда и там? — Кермит кивнул на пейзажи.

Дилан смутился.

— Нет, после, по памяти. Я подумал… сейчас подходящий случай выставить эти картины.

— Я давно говорил, что ты отлично рисуешь! Тебе надо было стать художником.

— Может и так, только сейчас моя главная забота — это фабрика. Я хочу восстановить ее в память об отце.

— Я тебя понимаю. Кстати, рыжеволосая девушка на одной из картин… она в самом деле ослепла?

— Ей сделали операцию, и теперь она видит. Это моя жена.

По тому, как спокойно собеседник отвечал на вопросы, Кермит понял: Дилан ничего не знает о его отношениях с Нелл.

— Поздравляю! Давно? Просто я был немного знаком с ней… по танцам.

— Да, Нелл говорила. Мы поженились почти сразу после трагедии. И у нас родился сын.

— Вот как? Тебе повезло. А у нас, к сожалению, — дочь.

— Я бы радовался ребенку любого пола, — сказал Дилан, и Кермит дружелюбно усмехнулся.

— Ты же у нас чувствительный человек!

— Тяжело было… на войне? — немного смущенно произнес Дилан.

— Полагаю, гораздо легче, чем вам, оставшимся в Галифаксе. Мы — привычные люди, а вас все это застало врасплох! — ответил Кермит, и Дилан вновь увидел четко проведенную черту.

Ничего не изменилось: Кермит относился к нему точно так же, как прежде. Он перестал злиться, потому что получил свое: женился на Миранде Фишер. Что ж, все встало на свои места, и это к лучшему.

А вот Миранда так не считала. Ее так и подмывало подойти к Дилану, заговорить с ним, ощутить его зависимость, почувствовать уязвимость.

Многие мужчины приглашали ее танцевать, но это были в основном офицеры, сослуживцы Кермита, тогда как столпы местного общества, вроде Дилана Макдаффа, даже не смотрели в ее сторону. Для них она была никем.

Улучив минуту, Миранда очутилась прямо перед ним.

— Здравствуй, Дилан.

Она протянула ему руку, и на мгновение эта рука повисла в воздухе. Дилан смотрел на Миранду, что-то просчитывая и о чем-то размышляя. В его глазах, сейчас видевших больше, чем глаза всех остальных собравшихся здесь людей, про-

мелькнуло нечто незнакомое. Будто обнажилось некое темное дно, и Миранду обдало холодом. Вспомнив подаренную Диланом фотографию (она уничтожила ее еще до взрыва), на которой он улыбался застенчиво и мило, Миранда поняла, что больше никогда не увидит на его лице похожей улыбки.

Вероятно, думая о том, что если он оттолкнет женщину на виду у всех, это может вызвать ненужные слухи, Дилан все же пожал ее руку. Его ладонь всегда была узкой и легкой, но сейчас Миранда ощутила ее твердость и тяжесть.

— Я приветствую всех знакомых, выживших в этой трагедии, — сказала молодая женщина. — Ведь их осталось так мало!

Дилан кивнул. Хотя у него невольно сжалось горло, он ничем не выдал чувств, что бушевали у него в душе. А Миранда сказала себе: зря он думает, будто стена, которую он воздвиг вокруг некоторой части своей жизни, не способна обрушиться!

— Я слышала, ты женился на работнице со своей фабрики? — небрежно произнесла она.

— Времена Апокалипсиса уравнивают всех. Тогда нет ни богатых, ни бедных. Кому нужны деньги, когда рушится мир! — резко произнес

Дилан.

«Тем не менее твой дом, машина и банковские счета уцелели», — подумала Миранда и с любопытством спросила:

— Почему ты нарисовал ее с повязкой на глазах?

— Потому что так и было. Она ослепла.

— А потом к ней вернулось зрение?

— Нелл сделали операцию в Торонто.

— Это ты отвез ее туда?

— Да, — сказал Дилан, — и я остался бы с ней, даже если б она не прозрела.

«А она не покинула бы тебя, даже если б тебе не удалось исправить свою внешность», — мысленно закончила Миранда и заметила:

— Ты хорошо выглядишь. Пластическая операция?

— Да. Во Франции.

— Дилан, — Миранда оглянулась, — мне нужно кое-что сказать тебе, но не здесь. Иди вон за тот зеленый киоск, я буду ждать тебя там. Поверь, это очень важно.

Она рисковала. Он мог ответить: «Нам совершенно не о чем разговаривать» или даже произнести что-нибудь оскорбительное. Но он ничего не сказал, и Миранда поняла, что выигра-

ла эту маленькую дуэль.

Дилан чувствовал, как в душе разгорается боль, которую, как ему казалось, он никогда не почувствует снова. Как, оказывается, просто извлечь на свет давние обиды! Возможно, в том было что-то извращенное, но ему хотелось знать, до какого предела дойдет лицемерие этой женщины.

Миранда ждала за киоском. Смущенно-виноватый взгляд из-под опущенных ресниц, нервно сжатые пальцы — как раз на уровне груди, чуть опущенные уголки губ.

— Дилан! Мне очень стыдно за свое поведение тогда… когда ты вернулся с войны. Я была эгоистична и не знала жизни. Я знаю, что заставила тебя страдать. Я прошу у тебя прощения.

— Все осталось в прошлом, — натянуто произнес он и добавил: — Твои извинения приняты. Теперь я могу идти?

Он спрашивал у ее позволения! Миранда улыбнулась про себя. Ничего не изменилось, он по-прежнему в ее власти. К тому же Дилан наверняка понимает, какой жалкой заменой *ей* является эта фабричная девчонка, пусть и родившая ему сына. Кстати, а его ли это ребенок? Что-то слишком быстро у них все получилось!

Миранда подумала о том, как хорошо было бы

вновь ощутить покорность и нежность прежнего поклонника — особенно где-нибудь на природе, на заднем сиденье «роллс-ройса». Ее начали утомлять властные манеры мужа. При мысли о том, чтобы изменить Кермиту с Диланом, внутри ее существа будто взорвалось что-то горячее и яркое. Однако когда губы Миранды властно и требовательно прижались к губам бывшего жениха, Дилан отшатнулся, как от укуса ядовитой змеи.

— Что тебе нужно? У меня больше денег, чем у Кермита Далтона, к тому же теперь я не выгляжу чудовищем?!

Лед в его глазах растаял, обнажив то, что всегда было частью его натуры: уязвимость. Буквально каждая линия его тела выражала сопротивление, но нападать он не умел.

— Помнишь, *что* было между нами? — промолвила Миранда, не отвечая на вопрос. — Ты стал моим первым мужчиной, а я — твоей первой женщиной. Только *ему* неизвестно об этом.

— Если я что-то и должен Кермиту Далтону, оно не имеет отношения к тому, о чем ты сейчас говоришь. Оставь эти игры: ты никогда меня не любила!

Миранда улыбнулась лукаво и нежно, зная о том, что в эти мгновения на ее щеках появляются

ямочки, а глаза соблазнительно поблескивают.

— Откуда ты знаешь?

И увидев его растерянность, вновь содрогнулась от сладостного желания. Дилан был у нее на крючке. Миранда пока не знала, что станет с ним делать: просто поиграет или зайдет дальше.

— Куда ты намерен девать эти восхитительные рисунки?

— Не знаю.

— Твой талант заслуживает того, чтобы эти работы были выставлены в какой-нибудь известной галерее. Столь великолепное исполнение и такая выигрышная тема!

Дилан ничего не сказал на это. Он только спросил:

— Твои родители живы?

— По-видимому, нет. Не нашлось никаких следов. Так было со многими…

— Приношу свои соболезнования. Твой отец был замечательным человеком. А теперь мне пора идти.

Когда Нелл решила выпить кофе с пирожными, Дилан тоже съел две штуки. Она была поражена: он никогда не ел даже безобидных десертов, не говоря о пирожных со взбитыми сливками!

— Ты же не любишь сладкое?

— Иногда вкусы меняются, — ответил он, и при этом его глаза странно сверкали. — Вегетарианцы набрасываются на мясо, а поклонники мясной пищи вдруг испытывают к ней отвращение. Полагаю, я могу есть что угодно: мне уже ничего не грозит.

Когда вечер закончился, они вышли на площадь Гранд-Парад, где со дня основания города проходили военные парады. Сити-Холл располагался чуть восточнее набережной, и Дилан решил проехать вдоль моря.

Со стороны гавани плыл белый туман, пахнувший сыростью, солью и водорослями. Бледное лицо Дилана в сумерках выглядело чужим, на нем лежали тени, и оно было странно опустошенным. Нелл посмотрелась в зеркало: золотая корона ее волос сейчас казалась тусклой, а глаза потемнели.

— Скажи, тебя никогда не мучает прошлое? — спросила она мужа, и он, не колеблясь, ответил:

— Порой это случается, но я ни о чем не жалею. Ведь именно оно сделало нас такими, какие мы есть сейчас.

Глава девятнадцатая

Лето 1919 не ознаменовалось значительными событиями, не считая того, что Канада отдельно от метрополии подписала Версальский мир с побежденной Германией и стала соучредительницей Лиги Наций без малейшего сопротивления со стороны Лондона. После войны международное влияние доминиона сильно возросло: Канада становилась самостоятельной страной.

В погожие летние дни многие жители Галифакса выезжали за город на пикники, выбирали небольшие озера и катались на разноцветных байдарках.

В один из таких дней Далтоны и Уэйны выбрались на совместную прогулку. Кермит предложил отправиться в южную часть полуострова, где было много лесов с пешими тропами, небольших озер и песчаных пляжей.

Дорога выглядела очень живописной: мелькали домики с красными черепичными крышами, прятавшиеся в тени деревьев, виднелись шпили церквей. Одну сторону горизонта окаймляла зазубренная кромка лесов, а в другой можно было

различить черно-сизые очертания гор.

Компания вышла к небольшому озерку, особо популярному у горожан, так как оно находилось в черте широко известного парка Сендфорда Флеминга. В этом парке была построена башня Дингл, с высоты которой открывался великолепный вид на город.

К сожалению, большинство удобных мест было занято, и Кермит повел своих спутников в обход озера. Он нашел было местечко на берегу скрытой деревьями мелкой бухточки, но после увидел, что там тоже есть люди, а приглядевшись, узнал их: Дилан, Нелл, их сын, Аннели и какая-то девушка. Кермит не помнил, как ее зовут, но он встречал ее на танцах и слышал, что раньше она тоже работала на фабрике Макдаффов.

Пришлось поздороваться; впрочем, и та, и другая компания ограничилась кивками. Хотя Кермит почти тут же отправился дальше, он многое успел разглядеть.

Дилан что-то доставал из стоявшего в кустах автомобиля — того самого, на котором он некогда катал Миранду. Белокурая девушка (служанка? нянька?) раскладывала на покрывале провизию.

На Нелл была широкополая соломенная шляпа с голубой лентой, платье такого же цвета и

легкий синий жакет. Солнечный свет заливал ее с головы до ног, легкий ветер играл складками одежды. Темноволосый ребенок, сидевший у нее на коленях, был крупным и крепким. Прелестный здоровый малыш — именно таким Кермит мечтал видеть своего сына.

После этой встречи его настроение без видимой причины испортилось. Когда они наконец расположились на берегу, он молча, ожесточенно рубил дрова для костра. Гордон устанавливал решетку, на которой мужчины собирались жарить мясо, хозяйственная Хлоя вынимала из корзины овощи, хлеб и испеченный ею дома пирог с курицей. Миранда сидела на покрывале в изящной непринужденной позе и любовалась соснами. Тут же ползали дети, на которых она не обращала никакого внимания.

Безусловно, она была красивее и Нелл, и Хлои, и многих других девушек: точеные черты, гладкая, чистая, без единого пятнышка кожа, сияющие темные глаза, отливающие шелком волосы. И все же в ней был какой-то изъян, лежащий не на поверхности, а спрятанный глубоко… в душе. Кермит был готов любить ее со всеми недостатками, но иногда ему казалось, что Миранде не нужна его любовь.

В костре переливались оранжево-черные угли, мясо аппетитно шипело, истекая жиром, Хлоя резала овощи, Гордон разливал по стаканам пенящееся пиво, а Кермит все сидел и думал.

Он получил должность в гарнизоне, и ему нравилась служба. Товарищи уважали его за то, что он ни перед кем не прогибался и всегда имел свое мнение, а молодые солдаты смотрели на него как на героя. Однако приходя домой, он часто заставал жену ничего не делающей, при этом обед не был готов, а хныкающая Мойра сидела в кроватке в несвежей кофточке. Порой Миранда и вовсе уходила из дому, а ребенка оставляла Хлое.

Она никогда не обращалась к малышке с ласковыми словами, да и к Кермиту — все реже и реже. Зачастую она срывалась по пустякам; между тем выросший без матери, Кермит желал видеть свою жену покладистой, заботливой и нежной.

Миранда постоянно жаловалась на скуку и отсутствие развлечений, тогда как почти каждое воскресенье они ходили в гости, в кино, а то и в театр, хотя Кермиту никогда не нравились театральные представления. Да, он не мог покупать жене драгоценности и дорогие наряды, не имел возможности снять, а тем более построить большой дом, но многие пары живут так годами,

даже всю жизнь. В конце концов и сама Миранда происходила не из богатой семьи!

Иногда жена казалась ему неискренней, скрытной, лукавой. Испытав на нем гибельную силу своих чар, она сделалась равнодушной, а ее необузданность проявлялась вовсе не в том, в чем должна была проявляться.

Всю обратную дорогу Кермит молчал, а очутившись дома, чуть не с порога заявил Миранде:

— Не пора ли нам подумать о втором ребенке? Я сто раз говорил, что хочу мальчишку!

Она тоже была чем-то раздражена, потому довольно резко ответила:

— Надеюсь, ты не думаешь, что я стану рожать каждый год? Нам здесь тесно даже втроем!

— Возможно, скоро мы переедем на другую квартиру, — терпеливо произнес Кермит, думая о том, сколько денег она тратит на всякие, с его точки зрения, ненужные мелочи. — И вообще, при чем тут это?

— Если ты не понимаешь, тогда бесполезно что-либо объяснять.

— Я надеялся, что мы будем счастливы, — промолвил он не без горечи. — После того, как я добивался тебя столько лет…

— При этом ты только и думал, как бы затащить

в постель очередную девушку! — огрызнулась Миранда, укладывая Мойру спать. — Полагаешь, я ничего не знаю?

— Я никогда не скрывал того, что спал с другими, — отрезал Кермит. Он не спускал глаз с жены. — А вот ты, как мне кажется, откровенна далеко не во всем! Думаешь, я такой необразованный, что ничего не понимаю? Откуда у Мойры взялись светлые волосы и голубые глаза, если этого нет ни у тебя, ни у меня!

— Ребенок Макдаффов, которого мы видели сегодня, тоже не похож на своих родителей! — заявила Миранда. — Дилан — блондин, его жена — рыжая, оба белокожие, а их сын черноволосый и смуглый!

— Мне нет дела до Макдаффов! Пусть они сами разбираются со своими проблемами!

— Я уверена, у них нет никаких проблем. У жены Дилана что ни день, то новое платье!

Кермит вскипел. Видит Бог, он терпел слишком долго!

— По-твоему, счастье заключается в тряпках?!

— Я не знаю, в чем, но явно не в том, чтобы прозябать в крохотной квартирке с кучей детей и подозрительным мужем!

Губы Кермита задергались, а зеленые глаза

потемнели, будто море в грозу. Подойдя к жене, он схватил ее за плечи и резко встряхнул.

— Может, тебе есть в чем признаться? Мойра — от меня? В конце концов, тогда были такие дни… Все могло случиться!

В глазах Миранды промелькнул испуг. От нападения она перешла к защите.

— Кроме тебя, у меня никого не было. Я не из тех, кто способен отдаться мужчине за миску супа! Я не знаю, почему Мойра родилась такой.

— Ты ее любишь? — устало произнес Кермит.

Это был странный вопрос, но Миранда уверенно ответила:

— Конечно. Она же *наша* дочь.

Сочтя дальнейшие пререкания бессмысленными, Кермит лег спать. Вопреки обыкновению, он даже не дотронулся до жены, и она быстро уснула. Но ему не спалось.

Кермит встал, зажег свечу и вставил ее в горлышко пустой бутылки. Так они делали на войне. Там все было проще: вот свой, а вот — враг, это черное, а это — белое. Самообман рушился в считанные минуты, а для иллюзий и вовсе не оставалось места. На войне человека способна убить только пуля, тогда как в мирной жизни его уничтожают время, переживания и мысли.

Глядя в беспросветную ночь, Кермит думал о Нелл и о том, что сказала Миранда о ее сыне. Темноволосый и смуглый мальчик… Он силился вспомнить, сколько времени пробыла Нелл у женщины, согласившейся избавить ее от беременности. Кажется, слишком мало… Кермит отметил это еще тогда, но в то время у него не было повода задуматься: он грезил о Миранде.

А если Нелл передумала? Если этот мальчик — его сын!

Кермит повесил голову. Он не может ни на что надеяться. Он сам послал Нелл на *это*, сам отказался от ребенка. И теперь — это сын Макдаффа!

Интересно, а Дилан знает? Или Нелл просто свалила на него вину за случившееся? Кермиту казалось, что женщины часто так делают. И вообще — как они могли познакомиться и сойтись? Неужели в том вихре катастрофы, временного Апокалипсиса, когда чувства обнажаются так, как они никогда не обнажаются в мирной жизни, и человеческая натура предстает, словно тело — в анатомическом театре!

Кермит ощущал нестерпимую жажду поговорить с Нелл; вместе с тем он не знал, как это сделать. Едва ли она согласится: ее жизнь налажена, у нее богатый, совестливый, заботливый

муж и — он вспомнил слова Миранды — каждый день новое платье!

Ему приходилось обучать новобранцев улавливать звук мелко- и крупнокалиберных снарядов, укрываться от аэропланов, взводить ручные гранаты, спасаться от снарядов и химической атаки. Но кто бы научил его самого, как решить с виду такие простые, а на самом деле непередаваемо сложные проблемы мирной жизни!

Кермит обхватил голову руками. Он успел полюбить Мойру и, конечно, будет заботиться о ней, но он… больше не верил Миранде. Не то чтобы он думал, будто она ему изменяет; то была уверенность в куда более серьезном, духовном, душевном предательстве. При этом он продолжал ее любить, а потому все это было во сто крат мучительнее, чем если б он ее ненавидел.

Кермит был не из тех, кто только размышляет и ничего не делает. Слоняясь возле особняка Макдаффа, он подкараулил ту самую светловолосую девушку, которая была на пикнике вместе с Диланом и Нелл.

— Привет! — нагнав ее, непринужденно произнес он.

Она остановилась, глядя на него, как на чужого.

— Что вам надо?

— Не помню, как тебя зовут, но… я бы хотел с тобой поговорить.

— О чем? — спросила она, сохраняя все тот же отчужденный и неприступный вид.

Кермит почувствовал себя глупо. Что он может сказать этой девушке? Кто еще способен дать ответ на его вопросы? Не исключено, что Хлоя тоже что-то знала, но *как* заговорить с ней об том? И главное — *чего* он хочет добиться?

Так ничего и не придумав, Кермит отступил, осознавая, что угодил в ловушку. И понимая, что проиграл в чем-то главном.

Тот хмурый осенний день 1921 года Миранда запомнила до конца жизни. Она только что закончила делать новую модную укладку и спешила домой, думая о том, что обед не готов и, вернувшись со службы, Кермит наверняка будет ворчать. Это вызывало у нее раздражение: на войне он наверняка питался всякой дрянью и был доволен; здесь же без конца сравнивал ее с Хлоей, которая готовила мужу гуляши и рагу, потчевала его домашними пирогами и различными соленьями.

В комнате был спертый воздух. Миранда открывала окна, впуская прохладу и свежесть осени и

думая о том, что надо забрать Мойру у Хлои, когда отворилась дверь, и вошел Гордон Уэйн.

— Здравствуй, — сказал он. — Присядь. У меня плохие новости.

Миранда вмиг ощутила, как у нее ослабели ноги. Она вспомнила, что рассказывал Кермит: при ранении человек не сразу чувствует боль, осознает, что произошло. Точно так же происходит при взрыве: на секунду все вокруг застывает, будто на фотографии, а после рушится, словно карточный домик.

— Что случилось? — прошептала она, опускаясь на стул.

— Кермит, — сказал Гордон, — был на учениях. Он показывал солдатам, как использовать гранаты. Один из них что-то сделал не так, граната вот-вот должна была взорваться, тогда Кермит оттолкнул его, а сам…

Лицо Миранды было белее мела. Чувствуя, что сейчас лишится чувств, она вцепилась в сиденье стула, а потом вспомнила, как Кермит говорил: что бы ни случилось, главное — не терять сознание.

— Он… погиб?

Ей почудилось, будто весь окружающий мир замер в ожидании ответа Гордона.

— Когда его увозили в больницу, он был еще жив.

Она сорвалась с места.

— Я должна идти к нему!

— Я тебя провожу. Хлоя присмотрит за ребенком.

По тому, как бережно и заботливо обращался с ней Гордон, Миранда поняла, что вскоре ей предстоит узнать самое худшее.

Деревья сверкали всеми красками осени, в листве рдели алые кисти рябин. Солнце, выбравшись из белого тумана, заливало мир ярким светом. Воздух был влажным и слегка промозглым.

Глядя на высокие, прямые контуры маяка на острове Джордж Айленд, Миранда с тревогой думала о том, что же будет теперь с ее жизнью. Если она останется вдовой с ребенком на руках, положена ли ей пенсия? А если Кермит выживет, но станет калекой? От последней мысли ей сделалось дурно.

Наконец они с Гордоном вошли в больницу. Миранда никогда не приходила сюда, когда здесь работал ее отец, но она наслушалась от него рассказов об умерших и спасенных. По его словам выходило, что иногда будущее пациента зависит всего-навсего от его судьбы.

Миранда сказала, кто она такая, и ее сразу провели к Кермиту. Он был без сознания и лежал, не шевелясь, а его лицо казалось вылепленным из серой глины. Под глазами чернели тени, а губы были совершенно белыми. Миранде почудилось, будто он успел породниться со смертью, и его душа уже далеко отсюда, а в палате находится только тело.

— Ранения очень серьезные, — сказал врач. — Мы вынули все осколки; теперь остается только ждать. Ближайшие сутки покажут, будет ли он жить.

Миранда немного посидела возле постели Кермита, подержав его за руку, а после пошла домой. Доктор сказал, разумнее будет заняться привычными делами, ибо, вопреки досужей болтовне, муж все равно не ощущает ее присутствия. Если ему станет лучше или хуже, ей обязательно сообщат.

Остаток дня Миранда проплакала в своей комнате. Она не могла ни есть, ни пить, все валилось у нее из рук. Она не думала, что судьба может отнять у нее еще что-то: галифакская трагедия казалась ей пределом пережитых несчастий.

Она наведалась в больницу и завтра, и послезавтра, однако не увидела никаких изменений.

Ее муж дышал и вместе с тем был неподвижен, словно труп.

Спустя несколько дней в состоянии Кермита произошел чудесный перелом, чудесный в том смысле, что стало ясно — он не умрет. Но во всем остальном прогнозы врачей были довольно мрачными: едва ли он когда-нибудь встанет на ноги и вернется к прежней жизни. Конечно, если попытаться отвезти больного в Европу и сделать ряд сложных операций, тогда быть может…

«Боже мой, какая Европа!» — едва не вырвалось у Миранды, когда она это услышала. Она не знала, хватит ли у нее денег заплатить за квартиру!

А потом настал день, когда ей сказали, чтобы она забирала больного домой.

Она стояла перед врачом навытяжку, комкая в руках кружевной платочек. На ее лице были написаны растерянность и страдание. Кермит пролежал в больнице два месяца, и Миранда навещала его почти каждый день. Она была неизменно ласкова с ним, хотя они почти не разговаривали: сперва из-за того, что Кермит не мог говорить, а потом — потому что на него обрушился весь ужас произошедшего, смял, исковеркал, придавил к земле.

— Да, но… что я стану делать с ним дома? Здесь

все же больница, — сказала Миранда, заикаясь от волнения.

— Теперь вашему мужу нужен хороший уход. Пока ему больше ничто не поможет.

— Но я не умею, не знаю, как… — начала она и осеклась, потому что во взгляде доктора ясно читалось: «Сожалею, но это не наши проблемы».

День, когда Кермита привезли домой, показался Миранде еще чернее, чем тот, когда она узнала, что он тяжело ранен и может умереть.

Его положили на кровать, и он выглядел безучастным. Он не привык жаловаться, потому держал все в себе, но иногда эта ноша казалась ему непосильной. Кермит не мог скрыть от самого себя, во что отныне превратилась его жизнь. Он застрял вне времени. Он может слышать лишь звуки города, но не сумеет выйти на улицу. Никогда не встанет в строй и вообще — не поднимется на ноги. Ему больше не испытать упоительного предчувствия сближения с женщиной. Миранда его возненавидит, а Мойра запомнит беспомощным калекой.

Все, ради чего стоило жить, умерло. Судьба навсегда столкнула его с выбранного пути. Если б такое случилось с ним на войне, он попросил бы товарищей прикончить его, но в мирной жизни

это было невозможно.

— Я дам тебе развод, — это были едва ли не первые слова Кермита, обращенные к Миранде.

Она перестала поправлять подушки и выпрямилась.

— Ты можешь не геройствовать хотя бы здесь и сейчас? Выходя за тебя замуж, когда ты вот-вот должен был отправиться на войну, я была готова к любым поворотам судьбы.

Однако ее глаза говорили, что она не слишком верит собственным словам.

— Но ведь это случилось не на войне.

— А вот об этом я тоже хотела сказать. Зачем ты бросился спасать того солдата? Разве он не стал жертвой собственной неловкости и ошибки?

— Ты считаешь, было бы лучше, если б я пустился бежать? Я отвечал за него. Это был мой долг. — Кермит говорил медленно и тихо: у него было мало сил.

— Разве у тебя нет долга передо мной и Мойрой? Почему ты не подумал о семье?

— Воинский долг — это нечто иное. Тебе не понять.

— Зато я хорошо понимаю, что значит жить втроем на твою пенсию!

Кермит сделал большую паузу, после чего про-

молвил:

— Я же сказал тебе в самом начале: давай расстанемся. Ты молода и красива, выйдешь замуж еще раз. А обо мне позаботится государство.

— Не надо делать из меня стерву, Кермит! — в сердцах бросила Миранда.

На самом деле она хорошо понимала, *что* в этом случае подумают и скажут их соседи, его сослуживцы, вообще все, кто знал ее и Кермита. Ей придется уехать, но куда? Без денег, с ребенком на руках! Едва ли выстроится очередь желающих жениться на ней, да еще из таких, кто сможет содержать ее достойным образом!

— Вероятно, мне придется пойти на работу, — сказала она, думая о том, каково это — целыми днями находиться рядом с беспомощным инвалидом.

— А Мойра?

— Полагаю, зная наше положение, Хлоя не решится отказать мне в помощи.

— Я не хочу, чтобы нашу дочь воспитывала Хлоя. Она хорошая женщина, но она ей не мать.

Миранда одарила его долгим сумрачным взглядом, и Кермит вдруг понял: отныне он не имеет права произносить слово «хочу». Теперь он полностью в ее власти, и решать будет она.

На следующий день Миранда решила заняться поисками работы. Она придирчиво выбирала наряд, не обращая внимания на Мойру, которая крутилась рядом. На взгляд Миранды, не было ничего страшного в том, чтобы оставлять девочку с подругой. Мойра любила бывать в гостях у «тети Хлои» и прекрасно ладила с ее дочерью Джун.

Приколов к темно-синему платью черный шелковый бант, Миранда покрутилась перед зеркалом. Она очень ценила свою не испорченную родами фигуру. Жаль только, что у нее так мало хорошей одежды! Миранда твердо решила, что, начав зарабатывать, станет больше тратить на наряды. Пенсия Кермита таяла, как снег под лучами солнца. Ему требовались лекарства; на ребенка тоже уходило много денег.

— Может, оставишь Мойру со мной? — спросил Кермит, наблюдая за женой.

— А если ей что-то понадобится? И кто накормит ее обедом? Скорее, она сможет позаботиться о тебе, чем ты о ней! — ответила Миранда, словно не замечая, как сильно ранит мужа.

— Разве ты не придешь к обеду?

— Кто знает! Я попрошу Хлою зайти к тебе и принести суп.

Кермит сжал челюсти. Она уже не раз поло-

совала его невидимыми ножами. Нарочно? Этого он не знал. Казалось, в его жизни не осталось ничего, кроме телесной неподвижности и острой душевной боли. Все мосты, ведущие в прошлое, рухнули, а сверху упало небо. Кермит был вынужден воспринимать действительность с терпеливой покорностью, а иначе впору было сойти с ума.

Несколько дней назад к нему с шумом ворвались товарищи, вернее, бывшие товарищи. Они шутили, пытаясь его растормошить, и это была сплошная мука. Они привезли коляску. Она была тяжелой, но Гордон пообещал выкатывать ее всякий раз, как приятель решит «прогуляться». Однако Кермит знал, что как бы ему ни хотелось подышать свежим воздухом, он никогда не рискнет появиться перед всем Галифаксом беспомощным инвалидом.

— Пока, папочка! — сказала Мойра, когда Миранда выводила ее из комнаты.

У Кермита так стиснуло горло, что он не сумел ответить.

На улице шел мокрый снег, он облепил фонари, отчего каждый из них стал похож на маленькую луну. Миранда часто поскальзывалась, но не замедляла шага. Крупные снежинки таяли на ее

шляпке и воротнике пальто, превращаясь из маленьких мотыльков в крохотные звездочки. Она не смотрела на прохожих — ей было не до них, ее волновала та неведомая сторона жизни, какую она наконец решилась познать. Это должно было стать своеобразным выходом на свободу. Ее воображение рисовало интересные знакомства, море новых лиц, возможный успех.

Перво-наперво Миранда отправилась в деловую часть города, где было много контор. Однако ее поиски не увенчались успехом. В лучшем случае ее выслушивали с вежливым интересом, после чего заявляли, что у них нет вакансий. В любой конторе требовались барышни с опытом работы или хотя бы с какими-то знаниями, а она не умела ни стенографировать, ни печатать.

Обедая в скромном кафе, Миранда подумала о районе Гринвиль-Молл, где было много ресторанов и пабов, и о Спринг-Гарден с его магазинами. Однако мысль о том, чтобы стать официанткой или продавщицей и обслуживать всяких грубиянов, вызвала у нее тошноту. В пабах к ней наверняка начнут приставать мужчины, а чтобы получить место в магазине, возможно, тоже требуется опыт.

Поколебавшись, Миранда решила обратиться

на фабрики, хотя эта работа казалась ей унизительной, примитивной, не достойной ни ее красоты, ни ума. На швейной не было мест, однако там ей сказали:

— Попробуйте спросить на бисквитной фабрике. Они совсем недавно запустили производство, наверняка вы что-нибудь там получите.

Дилан! С того вечера, когда она разыграла перед ним комедию с извинениями и рискнула его поцеловать, Миранда видела своего отвергнутого жениха только мельком, на пикнике, и ничего не знала о его жизни.

Значит, фабрику удалось восстановить, и там нужны работники. А что если явиться к нему с очередным спектаклем и выпросить место получше?

Такая идея пришлась по вкусу Миранде, однако понимая, что к столь важной встрече необходимо хорошо подготовиться, она вернулась домой.

К тому времени, как она открыла дверь, в комнате было почти совсем темно. От обстановки веяло запустением. Тени в углах комнаты напоминали грязные кляксы.

— Ты что-нибудь нашла? — спросил Кермит.

— Нет, но завтра я попробую снова. Ты ел?

— Нет. Хлоя приходила, но мне не хотелось.

Миранда тяжело вздохнула. При мысли о том, какими неприятными делами ей сей час придется заняться, ее передернуло. Что останется при такой жизни от ее молодости и красоты через несколько лет?

Кермит терпел ее прикосновения, невольно вспоминая времена, когда он был готов отдать за них целую жизнь.

Руки Миранды не были равнодушными или — в лучшем случае — успокаивающими руками сиделки; в том, как она к нему прикасалась, не ощущалось сочувствия любящей жены, а лишь раздражение и брезгливость. Отныне он не может мечтать даже о толике участия, даже о мимолетной ласке. Он, Кермит Далтон, всегда такой здоровый и сильный, превратился в обузу. Нет, он не обвинял Миранду, он все понимал и все же… ему было очень тяжело.

Кермит подумал, не убить ли себя? Какой-нибудь хитростью он наверняка сумел бы заставить Миранду или Хлою дать ему что-то острое, но… а если потом эту картину увидит Мойра?! Он вспомнил уход своей матери и смерть отца. Нет. Придется выносить все это, пока его глаза не закроются сами собой.

Глава двадцатая

Дилан вернулся домой чуть раньше обычного. Он давно подумывал, что надо бы отпраздновать возобновление работы фабрики, но все было некогда. Может, сегодня? Однако он застал Нелл и Сьюзен на пороге — они направлялись в кино. Такую дружбу хозяйки дома с прислугой местное общество наверняка сочло бы нарушением всяких устоев, однако Дилан давно понял, что их с Нелл никогда не будут считать обычной парой, ибо каждый второй задавался вопросом о том, как они познакомились и почему он женился на бедной девушке, работнице со своей фабрики.

— Ты уже вернулся! Может, мне остаться дома? — спросила Нелл.

— Нет-нет, идите. Что будете смотреть?

— «Гордость клана».

— Тогда тем более.

Дилан знал, что Сьюзен не пропускает ни одного фильма с участием Мэри Пикфорд. Взглянув на девушку, он заметил, что она изменила прическу. Вместо длинных белокурых локонов в подражание любимой актрисе лицо Сьюзен обрамляли

короткие кудряшки.

— Ред остается с няней, — сказала Нелл.

— Хорошо. Наверное, я погуляю с ним в саду. Хотите взять машину?

— Мы лучше пройдемся пешком.

Нелл и Сьюзен медленно пошли по улице, предвкушая приятное зрелище. Вечер был полон того задумчивого спокойствия, какое случается только осенью. Меж деревьев витала лиловая дымка, небеса были бледно-голубыми, а наполнявший дома уют, казалось, просочился на улицу.

— Зачем ты подстриглась, Сьюзи? — спросила Нелл.

— Мне не идет?

— Идет, но ведь ты…

Девушка понимающе усмехнулась.

— Из меня все равно не получится актрисы. К чему обманывать себя? К тому же одна Мэри Пикфорд уже есть, а вторая никому не нужна. Я решила посвятить жизнь чему-то более реальному и полезному. Например, поступить на курсы медсестер.

— Ты уйдешь от нас? — с тревогой произнесла Нелл.

— Если ты не возражаешь, я бы могла посещать курсы и работать у вас. Во всяком случае, пока.

— Я буду очень рада! Как тому, что ты останешься в нашем доме, так и… если ты найдешь себя. Когда Ред еще немного подрастет, я бы тоже хотела чем-то заняться.

— На твоем месте я была бы просто женой и матерью. Многие стремятся к вершинам, но нужно ли это? — сказала Сьюзен, в знак доверия беря подругу под руку. — Я давно хотела рассказать тебе… о себе. Мне было всего семнадцать, когда я встретила человека, который вбил мне в голову, что я похожа на Мэри Пикфорд, хотя тогда я еще не знала, кто она такая: ведь я была всего лишь простой деревенской девушкой, наивной дурочкой, которой так легко вскружить голову. Ему это удалось буквально после нескольких встреч.

Он обещал оплатить обучение в театральной школе, говорил, что после я смогу попасть на нью-йоркский Бродвей, и я верила каждому его слову. Потом он затащил меня в постель, и вскоре я забеременела. Мне не был нужен ребенок, и я с легкостью от него избавилась. А потом мой ухажер избавился от меня. У меня не осталось ничего, кроме грез о славе Мэри Пикфорд. Я придумала себе новое имя, надеясь, что вместе с ним изменится моя жизнь. Прошло много времени, прежде чем мне захотелось вновь стать самой

собой.

— Но ведь мы идем смотреть фильм, в котором Мэри исполняет главную роль, — тихо сказала Нелл, и Сьюзен ответила:

— Это своего рода прощание.

Нелл сжала руку подруги.

— С мечтой?

— Нет. С иллюзиями. Кино это кино, а жизнь это жизнь. Я больше не хочу идти по дороге, которую выбрала не я. Одного сходства с известной актрисой слишком мало для того, чтобы добиться успеха.

Дилан вышел в сад сразу после ужина. Он был рад немного побыть на природе, тем более дом казался пустым. Нелл ушла, а Аннели задержалась в гостях у подруги. Хотя девочка училась в хорошей школе, многие известные и зажиточные галифакские семьи, подвергавшие ее происхождение сомнению, не советовали своим дочерям сближаться с нею. В результате некоторых раздумий Дилан предложил заменить фамилию Аннели с Бакер на Макдафф, тем самым включая свояченицу в число своих наследников.

Нелл всполошилась и смутилась, тогда как Аннели восприняла предложение Дилана совершенно естественно: ведь она считала себя членом

семьи. Ей исполнилось тринадцать; тоненькая и грациозная, напоминавшая олененка, она, казалось, совсем не помнила о том, что родилась и жила в бедности.

Листья сияли золотом. В прозрачном свежем воздухе стоял мягкий запах осени. Сад выглядел притихшим и неподвижным. Любимец семьи, Галифакс, шикарный кот с блестящей пушистой шерстью, ходил вокруг скамейки, на которой сидел Дилан, мягко ступая лапами и принюхиваясь к влажной земле и пожухлой траве.

Ред качался на качелях. Это был не по годам развитый и умный мальчик.

— Папа, — прокричал он, летая туда-сюда и глядя на просветы между листьями, — а солнце тоже прыгает?

— Нет, сынок. Но оно, как и луна, одинаково светит всем.

— И мне, и тебе, и маме, и Аннели?

— Да, всем нам.

Мальчик слез с качелей и подошел к отцу.

— Я хочу аэроплан, — заявил он.

— Разве что я подарю тебе игрушечный. А в выходной день мы пойдем на набережную посмотреть на дирижабль, — ответил Дилан и, подумав, добавил: — Но если ты решишь стать

пилотом, тогда у тебя появится настоящий аэроплан.

— Правда?

— Да, если ты будешь мечтать о том, чтобы научиться летать.

Малыш забрался к нему на колени, и Дилан ласково потрепал его по темным волосам. Он всегда разговаривал с Редом, как со взрослым, хотя и не знал, правильно это или нет.

Дилан наслаждался покоем, ему казалось, будто мысли, словно облака, парят в некоем безветренном мире, а душу пронизывает беззвучная музыка. Сейчас каждый мускул его тела отдыхал, так же, как и мозг. В минувшие годы ему пришлось взвалить на себя слишком многое, однако Дилан ощущал себя частью этого беспокойного времени, частью того, что ему приходилось делать.

Он словно плыл сквозь свои ощущения и вместе с тем замечал, что думает о чем-то постороннем. То были мысли о визите Миранды. Дилан полагал, что навеки сжег свои корабли. Однако это было не так. Прошлое подстерегало его, оно было рядом и таило в себе неведомую угрозу.

Собираясь встретиться с Диланом, Миранда потратила довольно много времени, однако,

очутившись на фабрике, подумала, что едва ли в этом был какой-то смысл, потому что стоило ей подойти ко входу с надписью «Правление», ее тут же остановили:

— Вы куда?

— Хочу устроиться на работу.

— Если вас интересует работа, обратитесь в отдел по найму персонала, — без особой приветливости ответила девушка, сидевшая по ту сторону барьера рядом с телефоном.

Оценив ее равнодушное лицо, Миранда уверенно заявила:

— Вообще-то я хочу повидать мистера Макдаффа. Вы можете соединиться с его кабинетом?

— А кто вы?

— Давняя знакомая.

— Как ваше имя? — спросила озадаченная телефонистка.

— Миранда Фишер.

Пока девушка связывалась по внутренней линии, Миранда втайне кусала губы. Дилан может сказать, что знать ее не знает, и это будет его право.

Однако служащая ответила:

— Пройдите. В конце коридора — направо. Там спросите у секретаря.

Миранда миновала барьер и пошла по коридору, чувствуя на спине любопытный взгляд девушки.

Ей казалось, что откуда-то пахнет свежим хлебом. Воображение нарисовало плавящееся тесто и золотисто-коричневую корку. Миранда представила пышный поджаристый каравай, и у нее потекли слюнки.

У секретарши Дилана были кокетливо взбитые кудряшки и притворная улыбка.

— Мисс Фишер? Пройдите. Мистер Макдафф вас примет.

Переступив порог, она увидела сдержанного, проницательного, холодного Дилана, истинного наследника своего отца. Дилана, опустившего забрало и поднявшего щит. И все-таки он не смог ее прогнать!

— Здравствуй, — сказала Миранда.

— Здравствуй. У меня мало времени. Чего ты хочешь?

Миранда посмотрела на него через заваленный бумагами стол. Хотя Дилан не предложил ей сесть, она придвинула стул и опустилась на него.

— Я хочу устроиться на работу.

— Для этого надо обращаться в контору. Там есть специальный кабинет.

Миранда почувствовала, что сейчас не стоит играть. Настал тот момент, когда надо держаться предельно искренне.

— Едва ли меня возьмут. Я никогда и нигде не работала. Я обошла почти весь город, но ничего не нашла, — сказала она, нервно теребя в руках потрепанную сумочку. Ее лицо выглядело неузнаваемым, осунувшимся, бледным, а глаза были полны муки. — Дилан, ты, наверное, не знаешь, но нашу семью постигло ужасное несчастье. Кермит был ранен при взрыве гранаты, — он спасал солдата, — и стал инвалидом. Он не встает, не может ходить. Ему назначили пенсию, но нам нужны лекарства, так много всего… и я просто в отчаянии!

Выслушав ее с несвойственным ему каменным спокойствием, Дилан спросил:

— Кто за ним ухаживает?

— Я. — По щеке Миранды покатилась слеза.

Дилан нажал кнопку звонка, и на пороге появилась секретарь.

— Сэр?

— Мисс Хоген, пожалуйста, пригласите ко мне миссис Мерфи.

Очень скоро в кабинет вошла сдержанная, суровая на вид женщина средних лет.

— Миссис Мерфи, — обратился к ней Дилан, — миссис Далтон желает работать на нашей фабрике, но у нее нет опыта. Что мы можем ей предложить?

Миссис Мерфи напустила на себя еще более серьезный вид.

— Самое простое — это упаковка. Там как раз требуются люди.

— Начинающие получают пять-шесть долларов в неделю, верно?

— Да, сэр.

— Что ж, миссис Далтон, — Дилан повернулся к Миранде, — пока это единственное, что у нас есть. Если вас устроит такая работа, тогда миссис Мерфи отведет вас туда, где вам все покажут и расскажут.

У Миранды было растерянное лицо, а в глазах промелькнула беспомощность. На секунду Дилану стало жаль эту женщину. Создавалось впечатление, что ее загнали в угол. Было очевидно, что она привыкла играть на своем поле.

Чтобы дать ей мгновение передышки, Дилан спросил:

— Кстати, вы не дадите ваш адрес?

Она машинально продиктовала, и он сделал запись в блокноте.

— Итак, миссис Далтон, что вы решили?

— Я… я могу попробовать.

— Хорошо. Тогда идите, — сказал он, давая понять, что разговор закончен.

Когда Миранда ушла, Дилан взялся за дела, но после понял, что не может сосредоточиться на бумагах. Хотя он больше не любил эту женщину и понимал, что прошлые отношения с ней были ошибкой, все же Миранда ошеломила его своим приходом. В том, что она отправилась в цех, где раньше работала Нелл, таилась глубокая и беспощадная ирония. А Кермит? Каково ему жить в замкнутом мире несбывшихся мечтаний и неосуществившихся планов! Он, человек, всегда стремившийся олицетворять мужество и воплощать в себе силу, независимость и храбрость, теперь зависит от всех, кто его окружает.

Дилан знал: не стоит впускать в себя подобные мысли, а особенно — чувства, его не должна волновать участь этой семьи. И все же он думал о Далтонах, думал и тогда, и сейчас, сидя на скамейке и держа на коленях сына. Он чувствовал, что ему будет нелегко навестить Кермита, да и тому визит былого соперника наверняка причинит только боль. И все-таки Кермит приходил к нему, когда он был ранен, и даже пытался утешить.

Значит, и он, Дилан Макдафф, должен сделать то же самое.

Миссис Мерфи постаралась поскорее сбыть Миранду с рук ее будущей начальнице, мисс Каппи. Та отвела молодую женщину к шкафчику и сказала, что здесь она может оставить свои вещи, а позже ей выдадут форму.

Цех был большим, и в нем скопилось не менее сотни коробок. Примерно столько же женщин в голубой форме, на первый взгляд, неотличимых друг от друга, укладывало в коробки печенье и галеты. Здесь стоял приятный запах, однако от цементного пола исходил леденящий холод.

Миранде почудилось, будто она находится в самом низу гигантской пирамиды, наверху которой сидит Дилан с его нынешним уверенным и независимым видом, хотя на самом деле правление размещалось далеко отсюда, в другом крыле, к тому же на первом этаже.

Идя к своему рабочему месту вслед за мисс Каппи, Миранда исподволь разглядывала тех, среди кого ей предстояло проводить большую часть дня. Она бы не выбрала себе в подруги никого из них. Эти женщины были примитивными созданиями, которым все равно, как они выглядят, чьи интересы не простираются дальше скучных бы-

товых проблем и пошлых будничных мелочей.

Миранда наивно полагала, что благодаря своей смекалке она окажется в числе первых, но это оказалось не так. Ее без конца подгоняли, причем порой бесцеремонно и грубо. Работа напоминала утомительную гимнастику, а каждый час был подобен веку.

Однообразие сводило с ума; казалось, этому не будет ни конца ни края. Наконец раздался звонок, и девушки оставили работу. Наступил обеденный перерыв. Во всей этой нервотрепке и толкотне Миранда совсем позабыла о еде. Впрочем, она ничего с собой не взяла и потому угрюмо проследовала к своему шкафчику.

Когда какая-то девушка, видя, что новенькая сидит с пустыми руками, предложила поделиться с ней бутербродами, Миранда холодно отказалась. И тут же поняла, что отныне ей придется съедать свой обед в одиночестве.

Она подумала, не сбежать ли отсюда, пока не поздно, но потом решила остаться. Похоже, ей не найти ничего лучшего. И потом, разница заключалась в том, что на другой фабрике хозяин был бы для нее неким безликим существом, а здесь она знала, что это — Дилан. На первый взгляд, в этом таилось изощренное унижение,

но с другой стороны, она не могла поверить в то, что Дилан способен о ней забыть. Надо дать ему время насладиться местью. После он все равно позовет ее к себе.

Открывая дверь своей квартиры, Миранда пребывала в величайшем душевном упадке и вместе с тем — в крайнем раздражении. Она была голодна и смертельно устала.

В комнате плохо пахло, и она с грохотом распахнула окна. Кермит молча смотрел на нее с кровати, словно узник из-за решетки.

— Что с работой? — спросил он жену.

— Нашла.

— Где?

Чуть подумав, Миранда решила не открывать ему правды.

— На одной из фабрик. Платят мало, но все лучше, чем сидеть дома!

«Рядом со мной», — подумал Кермит.

Миранда занялась своими делами, не обращая ни малейшего внимания на мужа. Кермит знал, что до него дело дойдет в последнюю очередь. Он мог сколько угодно исходить криками и стонами, страдая от внутреннего удушья, вызванного унижением и бессилием, все было без толку, потому он молчал.

Сейчас существование Кермита скрашивала только Мойра, полная беззаветной детской любви. Он не мог дождаться, когда жена приведет ребенка от Хлои.

Миранда, отнюдь не стремившаяся да и не умевшая общаться с дочерью, охотно спихивала ее на Кермита. Он или читал ей книжки, или они играли в какие-нибудь простенькие игры.

Кермит никогда не думал, что так полюбит этого ребенка. Он выбросил из головы мысли о возможной неверности Миранды и сомнения в своем отцовстве, ибо отныне это не имело никакого значения.

Теперь Миранда надолго оставляла его одного, и он много спал, а когда начинал просыпаться, перед ним, на границе реальности и видений, представали все те радости жизни, что ушли от него навсегда, после чего он иногда ощущал на своем лице следы слез. Сейчас Кермит с тоской вспоминал даже войну, где он был здоров, силен и, как ни странно, полон надежд.

Однажды, когда он открыл глаза, перед ним сидел Дилан Макдафф. Хлоя, которая, очевидно, привела его в комнату, закрывала за собой дверь.

— Привет, — тихо произнес Дилан.

Кермит хотел спросить, зачем он пришел, но потом передумал.

— Здравствуй. Думаю, тебе есть чему порадоваться.

— О чем ты, Кермит?

— Как будто не знаешь! Мы с тобой никогда не дружили, больше того — ненавидели друг друга.

В глазах Дилана появилось свойственное ему далекое выражение. Он словно заглядывал в свои собственные глубины.

— Это ты меня ненавидел. Впрочем, сейчас это неважно. Я не забыл, что ты спас мне жизнь.

Кермит не сдержал усмешку.

— А ты помнишь слова, которые я сказал тебе в тот день?

— Нет, — твердо произнес Дилан, — не помню. Тогда я испытывал слишком сильную боль, чтобы что-то соображать. Но даже если ты сказал обо мне что-то дурное, не сомневаюсь, что в том была доля правды.

— Знаешь, — промолвил Кермит, — на войне есть один железный закон: там нельзя думать. То есть можно и нужно, но только по делу. Вот почему солдат всегда должен быть чем-то занят. Для того и существуют дисциплина и приказы. Никаких размышлений и рассуждений на от-

влеченные темы, ибо это — гибель. Но теперь, когда мне нечего делать, я постоянно думаю. В том числе и о том, что ты всегда умудрялся быть выше многих вещей, которые способны утопить человека: несчастья, разочарований, предательства и… денег. Недаром говорят: когда человек слишком долго смотрит на солнце, он слепнет, когда он постоянно видит перед собой золото, то тоже теряет зрение, утрачивает способность видеть вещи в реальном свете. Но ты не утонул и не ослеп.

— Зато на твоем месте, зная, что граната вот-вот взорвется, я бы растерялся и испугался. Просто упал бы на землю или… убежал.

— В данном случае выбор делаешь не ты, не твой разум, а, скорее, инстинкт.

— Инстинкт должен сказать: «Спасайся сам и не думай о других!»

— Тогда я не знаю. Наверное, то есть отражение истинной натуры человека. Кто-то может проявить мгновенный героизм, а кто-то способен на долгое и тихое мужество.

— Мне кажется, тебе свойственно и то, и другое.

— Не говори ерунды! — отмахнулся Кермит, а после сказал: — Послушай, раз уж ты пришел,

я спрошу тебя о том, о чем хотел спросить уже давно: как получилось, что ты женился на той рыжеволосой девушке? Ты говорил, вы познакомились в дни катастрофы. Как вы сошлись? Просто мне кажется… вы не слишком подходите друг другу.

Дилан воспринял вопрос совершенно спокойно.

— Многие так считают. После взрыва я поспешил на фабрику. От нее мало что осталось, и там почти никто не выжил, однако Нелл уцелела. Она попалась мне на глаза благодаря своим рыжим волосам. Я вытащил ее из-под завала; она ничего не видела. Я отвел ее в больницу. Врачи сказали, что Нелл надо сделать операцию, но не здесь, не в Галифаксе, и мы уехали в Торонто. — Он помолчал. — Мы были слишком одиноки, слишком многое пережили вместе, чтобы расстаться. Любовь пришла позже.

— Это была ужасная трагедия, — произнес Кермит, чтобы увести разговор от личных отношений. — Ты слышал, что части «Монблана» находили за несколько миль от бухты; некоторые — даже через несколько месяцев?

— Да. А осужденные капитан и лоцман подали апелляцию, и при повторном слушании дела их

оправдали. Впрочем, я всегда говорил: это было роковое стечение обстоятельств, люди тут ни при чем.

— Ты прав. Нами владеет судьба, — сказал Кермит, и Дилан подумал о том, что прежде тот едва ли изрек бы такую мысль.

А потом человек, которому не было суждено встать с постели, добавил:

— И все-таки жизнь продолжается. Ты говорил, у тебя есть сын? Как его зовут?

— Ред.

— Наверное, он ровесник моей дочери? Мойра родилась в октябре.

Кермит ругал себя за несдержанность, и все же не мог остановиться.

— Почти. Ред появился на свет летом.

Сердце Кермита забилось как бешеное, и он с трудом заставил себя успокоиться. То была еще одна греза, нечто далекое и несбывшееся. Он был уверен: что бы ни случилось, Нелл бы осталась с ним. Но даже в этом случае он ничего бы не мог сделать для своего сына, как не может сделать для Мойры.

Он был благодарен Дилану за то, что тот не стал его утешать и не спросил, не надо ли чем-то помочь. И все-таки напоследок Кермит сказал

ему, чтобы он больше не приходил.

А Дилан подумал о том, что этот человек не пожаловался ему ни единым словом. В глазах Кермита не было страдания: хотя их цвет с пронзительно-зеленого изменился на тусклый болотный, из них не ушла жизнь.

С некоторых пор утра были мучительны для Миранды. Ей приходилось вставать засветло, и к тому времени, как молодая женщина отправлялась на фабрику, ей чудилось, будто она уже отработала полную смену. Хлоя соглашалась покормить Мойру завтраком, но все заботы о Кермите ложились на плечи Миранды.

Перестелить постель, поменять белье, обтереть больного, подать ему еду, а то и накормить с ложки: голова шла кругом, и нервы не выдерживали.

Когда она наконец вышла на улицу, ей почудилось, будто она вырвалась из тюрьмы. Миранда шла по тротуару, думая о том, что теперь, когда она зарабатывала кое-какие деньги, пожалуй, стоит нанять сиделку. Конечно, придется обойтись без новых нарядов, но это все же легче и проще, чем сбиваться с ног по утрам и вечерам, после того как она проработает целый день.

Времена, когда Миранда шла медленно, чуть

поводя бедрами, чтобы юбка красиво колыхалась, остались позади. Теперь у нее была обычная торопливая походка работающей женщины. И все же она по-прежнему обращала внимание на то, во что и как одеты люди на улицах.

Разумеется, Галифакс был не тем городом, до которого быстро долетают веяния моды. Многие женщины все еще носили украшение военного времени — брошку из черного агата в форме птички и одевались в бесформенные пуловеры, юбки длиной до икр и тяжелые ботинки. Миранда читала в журнале, что во время войны большинство европейских модных домов было вынуждено закрыться, однако иные из них процветали, например Шанель со своими костюмами из джерси. И она с горечью думала о том, что у нее до сих пор нет такого костюма.

Стояла хорошая погода. В свете зари дома казались розоватыми, холмы были покрыты серебром прошлогодней травы, а вид спокойной прозрачной воды вызывал ощущение обволакивающей мягкости.

Дорога на работу и с работы была единственным светлым временем в череде унылых будней, когда труд на фабрике сменялся заботами о тяжелобольном и беспомощном человеке.

И все-таки Миранда чувствовала, что не сломалась и не сдалась. Она до сих пор не верила, что отныне счастье для нее — это нечто такое, что будет вечно поджидать за поворотом, но к чему она никогда не приблизится. Она надеялась, что рано или поздно непременно найдется какой-нибудь выход!

Как назло, на фабрике она разругалась с одной из женщин из-за пустой коробки: та тянула ее к себе, а Миранда — к себе. В тот миг, когда Миранда вырвала колобку из рук противницы и та разразилась ругательствами, к ним подошла начальница. Женщины ожидали, что их ждет нагоняй, однако мисс Каппи сказала:

— Миссис Далтон, вас вызывают в «Правление». — И, сделав многозначительную паузу, добавила: — К мистеру Макдаффу.

В ее тоне сквозила озадаченность: она явно не понимала, что может быть общего у хозяина фабрики с простой работницей.

Выпустив из рук коробку, Миранда выпрямилась и отряхнула платье. На ее лице помимо воли появилась чувственная и многообещающая улыбка. Дилан все-таки вспомнил о ней!

Она прошла мимо секретаря, которая таращилась ей в спину. Чувствуя это, Миранда подумала:

интересно, Дилан запирается с секретаршей в своем кабинете и делает то, что, по слухам, делают все начальники с красивыми подчиненными женского пола? Вряд ли. Он же настолько порядочный, что просто тошнит!

Войдя в кабинет, Миранда решила, что не станет прикидываться смиренной и робкой работницей, представшей перед хозяином. Она сразу решила взять быка за рога.

— Твоя жена знает о том, что у тебя хорошенькая секретарша? — поздоровавшись, спросила она.

— Нет. *Моя* жена не бывает на фабрике, — нетерпеливо произнес Дилан с видом делового человека, которого отвлекают по пустякам, и предложил: — Присядь. — Потом поинтересовался: — Как здоровье Кермита?

Тяжело вздохнув, Миранда опустила голову и сложила руки на коленях, обтянутых форменным платьем, мгновенно превращаясь из легкомысленной красотки в обремененную непосильными заботами женщину.

— Зачем спрашивать? Я же говорила, что он безнадежен.

— Я побывал у него, — промолвил Дилан (Миранда изумленно вскинула глаза), — а потом

зашел в галифакскую больницу. Там мне сказали, что нужно обратиться в европейские клиники: возможно, с помощью нескольких, пусть и сложных операций Кермита удастся поставить на ноги. Почему ты молчала об этом?

— А какой смысл говорить, если у нас не хватит денег даже на билеты!

— Если дело в деньгах, то это не проблема. Я узнаю адрес клиники, где Кермиту могут помочь, и примерную стоимость лечения. Я выпишу чек на твое имя. Если денег не хватит, ты мне сообщишь. Только не говори Кермиту правду.

— Почему?

— Потому что твой муж никогда не примет помощи от *меня.* Тебе придется придумать историю о какой-нибудь благотворительной организации или солгать, что ему помогло государство. Надеюсь, это будет нетрудно?

Миранда едва не потеряла дар речи. Европа! Она никогда не думала, что попадет туда *таким* образом, и все же…

А Кермит? Вдруг он и впрямь поправится, станет прежним!

— Но ведь нам наверняка придется отдавать эти деньги? — осторожно спросила она.

Дилан как-то странно посмотрел на нее.

— Отдавать? Конечно, нет.

Несмотря на бурную радость, Миранда не теряла головы.

— Почему ты это делаешь? Ведь Кермит издевался над тобой, вмешивался в твою жизнь!

— А потом он спас эту самую жизнь и оказалось, что она не такая уж и никчемная.

— Вот как? Он мне не говорил. Где и как это случилось?

— На войне. Как — нет времени рассказывать, меня ждет работа.

Значит, Дилан делает это не ради нее. Стало быть, между ними все кончено.

Миранда гордо вздернула подбородок. Если это дела его и Кермита, она не станет благодарить своего бывшего жениха за столь существенную подачку. Она привыкла выстраивать жизнь по своим правилам; так же поступит и на этот раз.

— Мне возвращаться на свое прежнее место?

Во взоре Дилана промелькнуло удивление.

— Как знаешь. Минуты, проведенные в моем кабинете, тебе засчитают как рабочее время. Когда увольняться, решай сама. Думаю, сперва надо узнать насчет клиники. Этим я сам займусь, а потом сообщу тебе результаты.

Миранда вышла за дверь. Она думала о Кер-

мите, некогда казавшемся ей воплощением самоуверенности, непринужденности и силы, и утонченном, ранимом, благородном Дилане. Она поняла, что пора отбросить давнюю досаду на жизнь и раздражение существа, обиженного судьбой. Ни один из этих мужчин не достоин Миранды Фишер. И все же с их помощью она постарается изменить свое будущее.

Глава двадцать первая

Прошло два месяца. Стояла слякотная погода, с улицы доносилась барабанная дробь ледяных капель и вой набиравшего силу ветра, а дороги превратились в грязное месиво. А потом дождь неожиданно перешел в густой снег, и за одни сутки гавань сделалась похожей на огромную полынью, окруженную белоснежными льдами. Даже чайки, сидевшие на мачтах, напоминали большие снежные хлопья.

Все это возникало в воображении Кермита, пока он лежал, ожидая возвращения Миранды. Зачастую ему казалось, будто ее приход — всего-навсего некий повторяющийся рубеж в вечно текущем времени. Он все реже оглядывался назад и вдумывался в прошлое. Он жил унылым настоящим, в котором не осталось никакой радости.

Кермит ощущал проблеск волнения и предвкушения чего-то необычайного лишь вспоминая о приближении Рождества. Да и то он думал не о себе, а о Мойре. Как славно будет наблюдать за ней, впитывая ее изумление и восторг при виде подарков и елки!

Однажды вечером, за пару недель до праздника, Миранда не вошла, а буквально ворвалась в дом, разрумянившаяся, возбужденная, с воротником пальто, припорошенным снегом, и какими-то пакетами в руках.

Кермит смотрел на нее с изумлением. Все ее уныние, раздражение и мрачность словно сдуло ветром! Наверное, она тоже думала о Рождестве. Он сам хотел предложить, чтобы в один из праздничных дней она сходила на какую-нибудь вечеринку; разумеется, без него.

— Кермит, — сказала она, присаживаясь на постель прямо в пальто, — кажется, мы спасены!

Его ответный взгляд ясно говорил: «О чем ты?».

— Мы поедем в Европу, в Англию, в один хороший госпиталь, где тебя возьмутся лечить.

— Но это невозможно.

— Возможно. — Она накрыла его руку своей ладонью, чего уже давно не случалось. — У нас есть деньги.

— Откуда?

— Часть суммы выделило твое командование, а остальное — пожертвования. Галифакс не забывает своих героев! Я еду с тобой. А Мойру оставим Уэйнам.

Кермит закрыл глаза, словно от вспышки яркого света. Своим внутренним взором он видел приподнятый занавес, за которым таилось необозримое пространство его будущего. Он не удивился. В глубине души он всегда верил, что тьма отступит.

Вместе с тем Кермит улавливал в происходящем какую-то фальшь, за последние месяцы он стал слишком восприимчивым к ней. Притворялись все: неумело скрывавшая свое раздражение Миранда, Гордон и Хлоя со своими подчеркнуто радостными улыбками и ободряющими словами, бывшие сослуживцы, пытавшиеся как можно быстрее оправиться от шока при виде молодого мужчины, в одночасье ставшего инвалидом. Только Мойра вела себя искренне. Она не пыталась его утешить, она его просто любила.

Следующий день был выходным, и когда Миранда, ненадолго отлучившись к соседке, оставила девочку в комнате, Кермит обратился к дочери:

— Подай мне, пожалуйста, мамину сумочку.

Мойра живо отреагировала:

— Мама не разрешает трогать ее вещи!

— Ничего, мне можно.

— Она меня не накажет?

— Нет.

Мойра выполнила его просьбу, и они вместе принялись рассматривать содержимое сумки. Если девочку интересовали всякие женские принадлежности, то Кермита — нечто другое. Очень скоро он нашел то, что искал. Чек. На внушительную сумму. На имя Миранды Далтон. Увидев подпись, он все понял.

Его охватило мгновенное желание разорвать бумажку, но он сдержался и положил ее на место. В конце концов теперь это деньги Миранды. Пусть тратит их на что хочет. На все, кроме одного.

Когда Миранда вернулась в комнату, у мужа было чужое, незнакомое лицо и пугающий взгляд, но в тоне появилось что-то от прежнего Кермита. Он резко велел ей увести Мойру. Миранда хотела возразить, спросить, что случилось, но слова замерли у нее на губах. С *этим* человеком, пусть и беспомощно лежавшим в постели, было опасно спорить.

— Я никогда не приму этих денег, — сказал он, когда Миранда вернулась от Хлои.

— Почему?

— Потому что они от Макдаффа. Он дал их *тебе*, вот и трать, на что хочешь. Мне они не нужны.

Миранда сразу поняла, что отпираться бессмысленно. Он все знает.

— Дилан выписал чек на мое имя, потому что ты не можешь пойти в банк и получить деньги. Он просил меня солгать тебе, потому что чувствовал, что ты не захочешь принять его помощь. Но почему, Кермит!

— Тебе не понять.

Она в волнении сжала руки.

— Да, я не понимаю. Не понимаю многих твоих поступков, а больше всего — почему ты так поступаешь *со мной,* с нашей дочерью?! У тебя есть шанс подняться на ноги, но ты предпочтешь лежать, лелея свою глупую гордость! Да, я встречалась с Диланом и собиралась за него замуж, но какое это имеет значение!

— Дело не в этом. Я не могу требовать от него слишком многого.

— Но у него же есть деньги! Богатые люди часто занимаются благотворительностью. И потом… мы можем попытаться вернуть ему эту сумму, когда ты будешь здоров.

— Дело не в этом, — повторил Кермит. — Дилан Макдафф воспитывает моего сына.

Губы Миранды приоткрылись, но прошло не одно мгновение, пока она прошептала:

— Что?!

— Когда-то я встречался с Нелл, его теперешней женой. Даже больше — я снял для нее квартиру и, приезжая в отпуск, проводил с ней все свое время. Думая, что ты навсегда потеряна для меня, я собирался жениться на Нелл, но после бросил ее ради тебя, когда она ждала ребенка. Я велел ей избавиться от него, но она поступила иначе.

— Дилан знает?

— Даже если и знает, то не скажет мне ни слова.

— Ты говоришь мне это, чтобы оскорбить?

— Я говорю тебе это, чтобы все происходящее предстало перед тобой в истинном свете.

— Ты жалеешь о своей бывшей подружке, о ее сыне! — догадалась Миранда. — Ты думаешь, она повела бы себя лучше, чем я! Эти двое для тебя дороже, чем мы с Мойрой!

Кермит молчал, и Миранда пошла в атаку:

— Этой Нелл не пришлось возиться с инвалидом, кормить его с ложки и менять испачканное белье! Она все получила на блюдечке!

— Она приняла Дилана с его изуродованным лицом, а ты не смогла этого сделать.

— А куда ей было деваться с ребенком в животе? Без родных, без средств, когда город лежал

в руинах! Нет ничего проще, чем переспать с уродом: надо просто закрыть глаза! Она же знала, что у него есть деньги!

— Деньги, — как эхо повторил Кермит. — Это напоминает клеймо. Иногда мне становилось жаль Дилана, ибо в глазах людей его состояние затмевало истинную сущность этого человека.

— Ах да, конечно, Дилан Макдафф — святой! Если сегодня день признаний и крушения иллюзий, тогда я тоже скажу тебе кое-что. Ты не был у меня первым. Я спала с Диланом еще до тебя.

— Разве?

— Да! — вскричала Миранда, войдя в раж и ощущая невероятный подъем от того, что отныне ей незачем что-то скрывать. — Я тебя обманула! Просто ты такой же самолюбивый дурак, как и все мужчины!

— Во всяком случае, — медленно произнес Кермит, — я виню в этом не его.

— Мужская солидарность? — усмехнулась Миранда. — Ты-то спал со всеми подряд, а меня выбрал лишь потому, что я была лучше всех.

— Да, я влюбился в тебя за твою красоту, не зная, какова ты на самом деле, не понимая, что главное в человеке — не внешность, так же, как ты до сих пор не поняла, что счастье — отнюдь

не в богатстве.

— Вот как? Хочешь сказать, ты взял бы меня с чужим ребенком, с изуродованным лицом и остался бы со мной, если б я превратилась в инвалида?

— Ты знаешь, что это так.

— Я знаю лишь то, что тебе наплевать на меня и на Мойру. Так ты отказываешься принять деньги Дилана?

— Окончательно и бесповоротно.

— Тогда я забираю Мойру и навсегда покидаю Галифакс.

Миранда решила это в один миг, и ей тут же стало удивительно легко. Она ничего не должна этому человеку. Она ничего не должна *никому*.

Ощущая горячее желание уехать как можно дальше от Кермита, от Дилана, от всех сомнений, терзаний и горестей прежней жизни, Миранда заметалась по комнате, собирая какие-то вещи. Потом вышла за дверь и вернулась, ведя за руку Мойру.

Глядя на ее суету, Кермит не промолвил ни слова, но увидев дочь, твердо произнес:

— Ребенка ты не получишь.

Миранда сузила глаза и скривила губы.

— Зачем тебе Мойра? Что ты станешь с ней

делать? Ты не в состоянии обслуживать самого себя!

— Это неважно. Ты можешь убираться отсюда. Отныне ты для меня — никто. Но она была и останется моей дочерью.

Подозвав малышку, он привлек ее к себе. Кермит не ожидал того, что случилось дальше: Миранда принялась яростно тянуть девочку за руку. Кермит не отпускал Мойру. Он ослабил хватку только тогда, когда ребенок расплакался.

Он знал, что у него отнимают последнее, и его железная выдержка дала трещину: по щекам потекли слезы. Видя это, Миранда рассмеялась.

— Пусть то, что ты сейчас услышишь, послужит тебе утешением. Твои подозрения не были напрасными. Мойра не твоя дочь. Я тебе не изменяла: я не настолько ветрена, как твои бывшие подружки! Во время взрыва в Галифаксе я была ранена, и доктора сказали, что у меня никогда не будет детей. Но ты был одержим мыслью иметь ребенка, ты шел напролом, и, желая тебе угодить, я притворилась беременной. Я хотела взять в приюте Торонто мальчика, но мне дали девочку. Ее настоящие родители погибли в автокатастрофе.

— Если ты призналась в этом, значит, тебе не нужна Мойра, — выдавил он.

— Может, и не нужна, но я смогу о ней позаботиться, а ты — нет.

Сердце Кермита билось странными неровными толчками. Теперь его мышцы обмякли, а в жилах вместо крови текла вода. Он задыхался под тяжелым одеялом, и ему чудилось, будто это — могильный холм. Он закрыл глаза, ожидая смерти, и лежал неподвижно и долго, пока не услышал тоненький голосок:

— Папочка, ты спишь?

Медленно приподняв веки, Кермит увидел перед собой личико дочери, ее растрепавшиеся светлые кудряшки, прозрачные голубые глаза. Миранда исчезла, рядом находилась только Мойра. В комнате было темно. С улицы доносились гудки автомобилей и шаги прохожих. За стеной комнаты кто-то кашлял, где-то бормотало радио.

Внезапно Кермит ощутил жизнь без границ и без прошлого, а главное — без страха перед будущим. А потом потерял сознание.

В это время Миранда плюхнулась на сиденье вагона, сжимая в руках сумочку с чеком, кошельком, щеткой для волос и кое-какими мелочами и остро ощущая чувство вины, внушенное ей Кермитом. Миранда знала, что, как всякая тяжелая болезнь, оно отступит не скоро, Она отрезала

прошлое по живому, и из него торчали ошметки плоти. Когда-то она поклялась не иметь дела с человеческими страданиями, но ей досталось по полной. Самое страшное, что сейчас эти страдания принадлежали лично ей.

Увидев, как Мойра испуганно таращится на нее, отступая к кровати, на которой лежал Кермит, Миранда сорвалась: не выдержав, убежала, бросив всех и все.

Вдоволь наплакавшись, она уснула в уголке вагона под перестук колес, в неудобной позе, а когда проснулась, поезд тащился по необозримым заснеженным равнинам под бледным небом, волоча за собой шлейф дыма. Было светло, как бывает только на севере; всю темень, казалось, вобрала в себя полоса вечнозеленых лесов на горизонте.

Потянувшись негибким телом, Миранда умылась в тесном, замызганном туалете, где все дребезжало и грозило отвалиться, а потом решила заказать себе завтрак. У нее было немного денег, а выписанный Диланом чек она собиралась обналичить в Торонто.

Сознавая, как убого одета, Миранда вошла в вагон-ресторан. Хотя было утро, помимо тоста, рогалика, крутого яйца и чашки кофе, она спроси-

ла еще рюмку вишневки. Глядя в окно, Миранда медленно выпила наливку, а потом вдруг поняла, что совершенно свободна. Ей больше не надо было ни о ком заботиться, рано вставать, убирать испачканную постель, готовить завтрак, слушая хныканье не выспавшегося ребенка, спешить на работу. И все же она не ощущала радости: прошлое все еще крепко держало ее в тисках, а будущее представлялось туманным. Даже имея деньги, она не знала, что станет делать дальше. В целом мире у нее не осталось ни единого близкого человека, и это было страшнее, чем стоять на паперти, выпрашивая жалкие гроши.

В ресторане было мало народу. Через столик от Миранды сидел представительного вида мужчина лет пятидесяти с небольшим. Он хорошо выглядел, за исключение того, что его лицо было бледным, как зимнее небо. Встретившись взглядом с красивой молодой женщиной, он слабо улыбнулся, но Миранда сжала губы и уставилась мимо него. Что с того, если она с утра в одиночестве пьет вишневую наливку! Это вовсе не значит, что с ней можно свести знакомство накоротке.

Впрочем, возможно, не все в ее жизни было таким уж плохим. Поезд с грохотом мчался по

мосту, и внезапно выглянувшее нежное утреннее солнце озаряло пейзаж. Деревья приветливо махали голыми ветками, на которых кое-где еще сохранились блеклые, тонкие, как папиросная бумага, листья.

Вокзал Торонто показался Миранде чужим. Она не была здесь три года и после «рождения» Мойры не писала своим родственникам. Решив поехать в отель, она хотела взять такси, как вдруг увидела на скамейке мужчину, который улыбнулся ей в ресторане. Сейчас его лицо казалось еще бледнее, глаза были закрыты. Наверное, ему стало плохо, но люди спешили мимо, не обращая на него никакого внимания.

Миранда попыталась определить, кто он такой, но не смогла. Мужчина был одет в длинное шерстяное пальто и дорогие кожаные ботинки. Его волосы посеребрила седина, но на лице виднелось лишь несколько благородных морщинок. А еще Миранда обратила внимание на его ухоженные руки. Чуть поколебавшись, она подошла к скамейке и тронула незнакомца за плечо.

— Простите, вам нехорошо? Позвать врача?

— Лекарство, — прошептал он, — там, в кармане.

Достав пузырек, Миранда дала мужчине таблет-

ку. Позже она досадовала на то, что не догадалась прочитать название лекарства. Но тогда она думала только о том, как помочь человеку.

Через несколько минут ему стало лучше, и он открыл глаза. Миранда отметила, что они светло-серые и очень прозрачные: казалось, она спокойно могла заглянуть в их глубину.

— Благодарю вас! Вы мне очень помогли.

— Я просто случайно оказалась рядом. Посадить вас в такси?

— Я немного посижу и дойду сам. Прошу вас, не задерживайтесь из-за меня.

Миранда пожала плечами.

— Я никуда не спешу.

Она посидела рядом с ним, пока он окончательно не пришел в себя.

— Простите, — он улыбнулся все той же легкой улыбкой, — такое со мной не часто случается. Позвольте отвезти вас домой, мисс…

— Миранда Фишер, — сказала она. Отчего-то ей не хотелось, чтобы незнакомец знал, что она замужем. — У меня нет жилья в Торонто. Я предполагала остановиться в отеле. Лучше *вы* отправляйтесь домой.

— Хорошо. Я так и сделаю. А вы… не согласились бы вы как-нибудь поужинать со мной? Мне было

бы приятно произнести слова благодарности в другой обстановке.

Миранда не удержалась от мимолетной усмешки. Как бы ему ни было плохо, он успел оценить ее внешность. Даже то, что она плохо одета, что ее руки испорчены работой, не сыграло никакой роли. Хвала Небесам, она не утратила способности воспламенять мужские сердца!

— Может быть, — ответила она, искусно разыгрывая равнодушие, — но только я не могу дать вам свой адрес и номер, поскольку еще не знаю, где буду жить.

— Тогда, если это возможно, осчастливьте меня своим звонком, — сказал он, вынимая из кармана карточку и протягивая ей.

Миранда повертела в руках визитку, на которой было напечатано: «Малколм Олдридж, галерея «Северный ветер». Там же был адрес и телефон.

— Хорошо, мистер Олдридж, я обязательно поинтересуюсь, как вы себя чувствуете, — проговорила она тоном, не допускавшим мысли о легкомысленной интрижке.

Когда они простились, Миранда вдруг поняла, что в минуты общения с Малколмом Олдриджем она ни разу не вспомнила ни о дочери, ни о муже.

В это же самое время, не дождавшаяся привычного визита Миранды, Хлоя (у которой были запасные ключи) приоткрыла дверь ее квартиры. Молодую женщину поразила трогательная картина: Мойра спала на постели Кермита, крепко прижавшись к отцу. Миранды не было. Похоже, она не ночевала дома.

Проснувшись, Кермит коротко рассказал Хлое о том, что случилось.

— Я боюсь, что теперь меня отправят в богадельню, а Мойру — в приют, — сказал он под конец.

Кермит не только впервые произнес фразу «я боюсь» — в его глазах в самом деле отражался неприкрытый страх. Хлоя тоже не знала, что делать, однако сказала:

— Не беспокойся. Мы с Гордоном этого не допустим. А иначе зачем нужны друзья?

— У вас своя семья, свои дела. Зачем вам заботиться обо мне?

— Возможно, Миранда вернется? — неуверенно произнесла Хлоя, и Кермит твердо ответил:

— Я не хочу, чтобы она возвращалась.

— Мы что-нибудь придумаем, — сказала Хлоя. — Главное, что твоя дочь осталась с тобой.

Нелл давно не была так счастлива, как этой зимой. По утрам она просыпалась с чувством

необыкновенной свободы, ощущением полноты грядущего дня, желанием что-то делать, петь и танцевать, жить полной жизнью.

Дилан много работал, но по выходным дням нередко принимался рисовать — теперь уже не Галифакс, а различные утолки природы, из-за чего они часто выезжали за город. Нелл любила дышать морозным воздухом, глядя на темно-зеленые пирамиды елей, унизанные гирляндами снега, неподвижную пелену облаков, слушая посвист одинокой птицы и шум далекого ветра.

В их с Диланом отношениях царила полная гармония. Они никогда не ссорились. Когда муж возвращался с фабрики, Нелл всегда спешила к нему с улыбкой, и они заключали друг друга в объятия. Аннели хорошо училась, вдобавок она стала заниматься музыкой, а непоседа Ред приносил родителям только радость. Летом следующего года ему должно было исполниться четыре, и Нелл подумывала о втором ребенке. Дилан это заслужил. Они оба заслуживали безграничного счастья.

Иногда Нелл хотелось выйти в сад, упасть прямо в снег и, заложив руки за голову, смотреть в Небо, которое даровало им так много хорошего. Она почти не вспоминала о прошлом. Нелл зна-

ла, что изменилась, но не думала, что в худшую сторону. Она больше не робела в том обществе, какое порой посещала с мужем. Дилан женился на ней, они прожили в браке четыре года, и этим было все сказано — по крайней мере, на данный момент.

Нелл понимала, что ведет себя иначе, чем любая другая хозяйка богатого дома, но не собиралась волноваться по этому поводу. Зачастую она советовалась со слугами, как и что лучше сделать, да и сама не сидела сложа руки: сажала цветы, занималась рукоделием, перестановкой в доме. Сьюзен еще не ушла, но она работала у Макдаффов всего полдня, а остальное время посвящала медицинским курсам и практике в больнице. Она больше не выглядела жеманной, она стала сосредоточенной и серьезной, и это шло ей куда больше, чем наигранный образ Мэри Пикфорд.

Помня об очередной годовщине галифакской трагедии, они всей семьей отправились на набережную. С ясного неба светило солнце. Улицы были окутаны дымкой тающего снега. Ред бегал взад-вперед, ломая серебристое кружево наста.

Послушав речь мэра и почтив память погибших, Дилан и Нелл решили немного прогуляться

вдоль гавани. На белесой глади воды теснилось множество кораблей, лишь немногие из которых имели военное оснащение. Нелл не уставала благодарить Бога за мирную жизнь, в которой, казалось, не было места несчастьям.

А потом ее взгляд случайно упал на лицо идущей навстречу женщины. Хлоя! Подруги давно не общались. Нелл узнала от Сьюзен о дружбе Хлои с Мирандой, и эта весть не доставила ей удовольствия. Поздоровавшись с бывшей подругой, она собиралась пройти мимо, но потом увидела, что спутник Хлои, мужчина в военной форме, очевидно, ее муж, катит перед собой инвалидную коляску. Посмотрев на сидящего в ней человека, Нелл узнала… Кермита Далтона!

Она пошатнулась от неожиданности. Между ними словно пронеслась гигантская волна, отбросившая их друг от друга и вместе с тем всколыхнувшая былые чувства.

Нелл знала, что горячее, пылкое счастье минувших лет смыло с ее души налет жестокого отчаяния и затаенной ненависти. Лицо Кермита выглядело осунувшимся и замкнутым. Лежащие на коленях руки были тяжелы и неподвижны. И он смотрел не вперед, а вниз, словно чего-то стыдясь или пытаясь отгородиться от мира.

Нелл испытала настоящее потрясение. Что произошло? Ведь он вернулся с войны целым и невредимым!

Хлоя вела за руки двух девочек, ровесниц Реда. Насколько знала Нелл, у подруги была только одна дочь. Наверное, это ребенок Кермита? А где же Миранда?

Нелл и Хлоя встретились взглядом, и первая прочитала в глазах второй желание встретиться и поговорить. Галифакс был маленьким городом, и Нелл вполне могла узнать адрес подруги, но стоило ли?

Не успев подумать об этом, Нелл почувствовала, как пальцы Дилана больно вцепились ей в руку. Остановившись, он оглянулся вслед Кермиту и его спутникам.

Нелл видела его изумление, волнение и тревогу, но Дилан ничего ей не сказал.

На обратном пути оба молчали. Впервые их разделяло что-то, чему было трудно подобрать название.

Нелл страдала от противоречивых чувств, а Дилан ломал голову над тем, почему Кермит до сих пор в Галифаксе, тогда как Миранда ушла с фабрики две недели назад? Он выписал чек и дал ей бумагу, где было подробно описано, как

добраться до клиники. Что происходит? Почему с Кермитом только его друзья?

Глава двадцать вторая

Нелл переступила порог квартиры Хлои, заметно нервничая. Она говорила себе, что пришла навестить давнюю подругу, хотя это, конечно, было не так. Она хотела узнать, что случилось с Кермитом. Все внутренние убеждения и уговоры были напрасными: Нелл чувствовала, что не сможет успокоиться, пока не услышит правду.

Хлоя спокойно и доброжелательно приветствовала гостью, при этом не оставив своего занятия: она гладила белье.

Нелл подумала, что жизнь ее подруги состоит из разряда обычных однообразных дел, которыми сама она — будь ее воля! — могла бы и пренебречь. Она вдруг резко и с горечью осознала, как сильно различается их быт, и задала себе неизбежный вопрос: возможно, поэтому они так давно не общались?

Да, но разве, выйдя замуж за Дилана, она не осталась прежней? Почему окружающие думают иначе?

В уголке тихо играли те самые маленькие девочки. Отчего-то при виде них у Нелл защемило

сердце.

— Прости, что пришла, — прошептала она. — Наверное, я не должна была этого делать.

Хлою было трудно обмануть.

— Ты хочешь узнать о Кермите?

— Да. Согласна, это выглядит странно; я и сама не понимаю себя. Просто увидев его в инвалидной коляске, я… Что с ним случилось?

Хлоя коротко рассказала, и Нелл потерянно произнесла:

— Я ничего не знала.

— Тебе было незачем знать, — просто сказала Хлоя. — Разве в свое время он не поступил с тобой так, как ни в коем случае не должен был поступать?

Нелл села.

— Да. Он бросил меня, и я не знала, как жить дальше. А потом — этот ужасный взрыв, встреча с Диланом… Получается, мое счастье выросло из несчастья.

— Такое случается, — сказала Хлоя и спросила: — Кермит бросил тебя беременной?

Нелл вскинула пронзительный взор.

— Откуда тебе известно?

— Догадалась.

— Да, Ред от него. Он настаивал, чтобы я изба-

вилась от ребенка, но я не смогла. Надеюсь, он ничего не знает.

— Не уверена. — Хлоя сделала паузу. — А твой муж?

— Он никогда не спрашивал о том, кто настоящий отец Реда. Мне бы не хотелось, чтобы он узнал правду. Кермит без того женился на женщине, с которой Дилан когда-то был помолвлен.

— Мне кажется, ты рискуешь. Нельзя ходить по льду, зная, что он вот-вот может проломиться. Нам с тобой хорошо известно, что такое неожиданность. Ты должна беречь свое счастье, — промолвила Хлоя и прямо спросила: — Чего ты хочешь?

Нелл задумалась. В ее сердце не было клейма, какое порой выжигает первое чувство, и все же она не была полностью равнодушна к человеку, которого когда-то любила, тем более что это человек попал в беду.

— Я могу чем-то помочь Кермиту?

— Твой муж уже помог. Но Миранда удрала с его деньгами.

Так вот чем была вызвана реакция Дилана! Сердце Нелл перевернулось в груди, и она словно ощутила на своем лице холодный ветер прошлого.

— Не может быть!

— Еще как может, — промолвила Хлоя, методично водя утюгом по детскому платьицу. — Она исчезла еще до Рождества, и ее до сих пор нет. Я нашла на столе бумаги — там написано, как добраться до клиники в Лондоне. Почерка я не знаю. Думаю, эти бумаги Миранде оставил твой муж.

Нелл ощутила острый укол в сердце. Дилан общался с Мирандой. Почему он ничего ей не сказал? Не потому ли, что ему приходилось скрывать что-то еще? Например, не угасшие чувства к другой женщине?

С трудом взяв себя в руки, Нелл спросила:

— Возможно, с ней что-то случилось?

— Вряд ли. Такие люди непотопляемы. Она никогда не скрывала, что ей неприятно возиться с Кермитом, что он не оправдал ее ожиданий, что ей в тягость ребенок.

— Одна из этих девочек — дочь Миранды и Кермита? — тихо спросила Нелл.

Гладкий лоб Хлои избороздили морщины, а ее щеки порозовели. Со стуком поставив утюг на подставку, она распрямила спину.

— Миранда всегда вела себя странно. Не как мать. Норовила спихнуть на меня все заботы о Мойре. Нет, я была не против, но… Кермит

поступил куда более человечно. Он не отдал ей малышку. Полагаю, тогда он не думал о том, насколько слаб и зависим от других людей.

— Тебе трудно? — спросила Нелл.

— Трудно, — призналась Хлоя. — У меня своя семья, ребенок… Но мы с Гордоном поклялись, что Кермита не поместят в богадельню. Оказывается, родители спасенного от взрыва гранаты солдата организовали сбор средств для лечения Кермита. Какую-то сумму обещало выделить его командование. Мы все равно отправим его в Европу.

— Нужна сиделка?

— Не помешало бы. Но это — дополнительные расходы.

— Неважно, — сказала Нелл. — Я постараюсь все уладить. Только Кермит не должен ни о чем знать.

— Понятное дело.

Спустя несколько дней порог квартиры Кермита переступила женщина в белом. Нелл стоило труда убедить Сьюзен взяться за это. Лучшим аргументом послужило то, что настоящая медсестра не должна подчиняться эмоциям. Щедрая плата тоже оказалась не лишней.

— Что вам надо? — спросил Кермит, глядя на нее через комнату.

— Отныне я — ваша сиделка.

— Вот как? Я вас не нанимал. Кто вас прислал?

— Я из больницы.

— Я вас помню, — сказал Кермит, — вы служили в доме Макдаффа. Это снова происки Дилана?

— Я больше не служу у Макдаффов. Я ушла оттуда, — ответила Сьюзен.

— Отсюда вам тоже лучше уйти, — отчужденно произнес Кермит.

Вопреки договоренности с Нелл Сьюзен была готова покинуть этот дом, но потом увидела прелестное белокурое создание, смотревшее на нее из уголка. В комнате было темно, и она не сразу заметила девочку.

— Это ваша дочь?

— Да.

— Я могу с ней гулять. Я приготовлю еду для нее и для вас. Мне не сложно поменять белье, постирать и убрать в квартире, дать вам лекарство. Вы хотите и дальше сваливать все это на ваших друзей, у которых немало других забот?

Сьюзен произнесла эти слова довольно резко, но они возымели действие.

— Хорошо. Оставайтесь. Не ради меня, а ради Мойры.

Она ничего не сказала, просто взялась за работу.

В прикосновениях ее рук не было ни равнодушия, ни презрения — только забота; притом безликая, а потому не оскорбляющая ни стыдливость, ни гордость.

Заново постеленное белье показалось Кермиту по-особому хрустким и свежим: его будто уложили на снег. А еще впервые за много дней ему захотелось пофлиртовать с хорошенькой женщиной.

— Вам говорили, что вы похожи на одну известную актрису? Мэри Пикфорд. Только у вас другая прическа.

— Вы ошибаетесь! — с едва заметной досадой проговорила Сьюзен.

Открыв окна, чтобы он подышал свежим воздухом, она занялась Мойрой.

— Меня зовут Сьюзен, я буду ухаживать за твоим папой. Сейчас мы с тобой приготовим поесть, а потом, пока папа отдыхает, погуляем в парке.

Когда они ушли, Кермит устало закрыл глаза. На самом деле появление каждого нового человека действовало на него удручающе. Он лежал, слушая приглушенные голоса в коридоре, принадлежавшие неизвестно кому, далекие звуки за окном. Время текло, убегало вперед, тогда как он оставался на месте и словно висел в пустоте.

Вокруг могло меняться все, что угодно, но для него в этом мире не было никакого выхода.

Вечером Нелл и Сьюзен, как и было условлено, встретились в небольшом кафе на набережной. Это было скромное заведение; стены тонули во мраке, а свечи на столах казались блуждающими огоньками. Вино в бокалах выглядело как темное масло.

— Мы будто в подземном мире, — заметила Сьюзен.

— Когда-то я была здесь с Кермитом. Вернее, в том кабачке, который стоял на этом месте до взрыва.

— Катастрофа перевернула нашу жизнь, — сказала Сьюзен, вспоминая багровый вихрь, сметающий все на своем пути.

Они помолчали. Видевшие неподвижный, черный, мертвый и страшный город с истерзанной взрывом землей, они понимали друг друга без слов.

Перед Нелл остывала чашка кофе и лежал не надкусанный сэндвич. Она пришла сюда не за этим.

— Как прошел день?

— Первый день всегда проходит тяжело.

— Кермит — трудный пациент?

— Нет. Он ничего не требует и даже не просит. Тяжело другое. Он сломлен. Он считает, что угодил в тюрьму, где ему придется томиться до самой смерти. Он не призывает ее, но он ее ждет. Как избавления. Внешне он превратился в бледную тень самого себя, но в его душе бушует смятение. Он словно запер себя изнутри, навсегда выбросив ключ.

Нелл молчала, но ее пальцы дрожали, а глаза налились слезами. Сьюзен продолжила:

— Ты знаешь, мне никогда не нравился Далтон. Своим самомнением, пренебрежительным отношением к женщинам. Но теперь я вижу, что он не такой уж плохой человек. Это видно по его отношению к дочери. — Заметив, что подруга вздрогнула, Сьюзен добавила: — Прости.

Нелл усмехнулась. Конечно, Сьюзен давно обо всем догадалась, так же, как и Хлоя.

— Все в порядке. У моего сына любящий и заботливый отец. А какая она, дочь Кермита? Я видела ее только мельком.

— Послушная, умная, веселая девочка. Не понимаю, как Миранда могла бросить такого прелестного ребенка! — сказала Сьюзен и, подумав, добавила: — Хлоя подозревает, что тут что-то нечисто. Что, возможно, Мойра вовсе не их

дочь. Как бы то ни было, Миранда ее оставила, а Кермит любит всей душой, так же, как и она его.

— Ее не отдадут в приют?

— Надеюсь, что нет.

Сказав это, Сьюзен задумалась. Сегодня, гуляя с Мойрой, она разговорилась с молодой женщиной, которая тоже пришла в парк с девочкой. Они долго болтали, после чего собеседница сказала Сьюзен: «Ваша дочь такая хорошенькая! Она очень похожа на вас!».

Очевидно, Мойра услышала это, потому что на обратном пути робко спросила:

— Ты моя новая мама?

Глядя перед собой невидящим взглядом, Сьюзен медленно покачала головой. На какой-то короткий миг она вновь почувствовала себя обманутой и никому ненужной.

— Подумать только, если б Миранда не украла эти деньги, Кермит уже был бы в Европе! — воскликнула Нелл, возвращая подругу к действительности.

— Не совсем так. Она не сбежала бы, если б Кермит не отказался принять помощь от твоего мужа. Миранда не сказала ему правды, но он каким-то образом догадался.

— Неужели?!

— Да.

Нелл вздохнула.

— Нам не понять его гордость.

— Вот и она не поняла. Хлоя во всем обвиняет Миранду, а я… я не знаю, как бы поступила на ее месте.

— Думаю, ты не бросила бы ребенка.

Повисло тяжелое молчание, во время которого Сьюзен нервно помешивала ложечкой кофе.

— Возьми, — сказала Нелл, передавая подруге конверт. — Это за ближайший месяц.

— Мистер Макдафф знает?

— Нет.

— Но ты не можешь…

— Могу. У него тоже есть от меня тайны.

Положив конверт в сумочку, Сьюзен взглянула на подругу и увидела на ее лице выражение, которое впервые появилось на нем за все годы брака. Похоже, уверенность Нелл в собственном счастье, в его нерушимости и чистоте дала ощутимую трещину.

В это же время другая пара ужинала в другом заведении, за многие мили от Галифакса. Миранда все-таки позвонила мистеру Олдриджу, и он пригласил ее в ресторан. Хотя к тому времени она изрядно пополнила свой скудный гардероб

(к счастью, Миранде больше не приходилось закусывать губы при виде ценников на вещах!), ей пришло в голову одеться со старомодной тщательностью. Молодая женщина еще не знала, какое впечатление хочет произвести на мистера нового знакомого, а также, чего ждет от нее *он*, потому выбрала платье глубокого синего цвета с длинными рукавами и высоким воротом, выгодно подчеркивающее фигуру и вместе с тем достаточно скромное, а из украшений надела только нитку жемчуга.

Поскольку в последнее время Миранда хорошо высыпалась и посвящала время только приятным занятиям, цвет ее лица улучшился и мелкие морщинки разгладились.

Она понятия не имела, где находится заведение, в которое ее пригласил мистер Олдридж, она знала только название ресторана и потому взяла такси. Проехав мимо рынка Сан-Лоран и здания городской ратуши, машина остановилась возле небольшого симпатичного ресторанчика, расположенного в подвальном помещении, с окнами на уровне тротуара.

Мистер Олдридж ждал внутри; при виде Миранды он поднялся навстречу и, приветливо поздоровавшись, помог ей снять легкую серебри-

стую накидку.

Молодую женщину порадовало неяркое освещение и маленькие столики. Свечи отбрасывали золотистые отблески на белое полотно скатерти и серебряные приборы. Миранда посвятила много времени укладке волос, и знала, что они лежат идеальными волнами, переливавшимися при каждом движении. А еще — что длинные ресницы отбрасывают тени на высокие скулы, а губы напоминают спелые вишни.

— Я очень рад, что вы пришли, мисс Фишер.

Она непринужденно рассмеялась.

— Я давно никуда не выбиралась. Так что, надеюсь, этот ужин разнообразит мою жизнь.

Он тепло улыбнулся, его глаза излучали интерес. Миранда подумала о том, насколько приятно вновь ощущать себя не фабричной работницей, не сиделкой при больном, а просто женщиной.

— Что вы будете пить?

— Шампанское, — с легким кокетством произнесла Миранда.

Она выбрала блюда, которые никогда не ела, но давно хотела попробовать: консоме, каре ягненка, пюре из спаржи и яблочный штрудель.

Сделав заказ, Малколм Олдридж откинулся на спинку стула. Сегодня он выглядел значительно

лучше, чем тогда, на вокзале: лицо утратило нездоровую бледность, светлые глаза ярко сияли. Видя, что он любуется ею, Миранда едва могла скрыть довольную улыбку.

Она не стала задавать ему вопрос о самочувствии: и без того было ясно, что у него все прекрасно. Вместе с тем ей хотелось узнать о нем побольше, потому она поинтересовалась:

— В вашей визитной карточке упомянута галерея. Чем вы занимаетесь, мистер Олдридж, если, конечно, не секрет?

Судя по всему, вопрос доставил ему удовольствие.

— Галерея — мое маленькое хобби. Вы что-нибудь слышали о «Группе семерых»[10]?

Миранда осторожно кивнула, хотя ни разу не сталкивалась с таким названием, и он с воодушевлением продолжил:

— Прежние живописцы подражали иностранным мастерам, тогда как группа художников, входящих в этот союз, решительно отказалась копировать чужую манеру. Они изображают

---

[10] Примечания: 10

«Группа семерых», или «Группа семи», — творческое объединение 20—30-х гг. XX в., представлявшее новое самобытное канадское искусство. В него входили такие художники, как Джеймс Макдональд, Лорен Харрис, Артур Лисмер и др.

природу Ближнего Севера Канады — озера, скалы, хвойные леса, кленовые рощи, болота. Однако это не реализм, это… это нужно увидеть.

— И вы выставляете их картины?

— Да. И по возможности продаю.

Официант принес вино и разлил в бокалы. Малколм не произнес тоста, потому Миранда сделала глоток.

— Я знаю одного человека, сделавшего зарисовки Галифакса. До, во время и после трагедии. Я не разбираюсь в живописи и все же смею предположить, что его картины — это нечто уникальное.

— Как интересно! Кто он?

— Владелец бисквитной фабрики в Галифаксе. Но при этом он еще и рисует. Думаю, он талантлив, хотя, возможно, я ошибаюсь, — небрежно произнесла Миранда.

— Он где-то учился?

— Нет, но ведь в любом искусстве встречаются самородки и самоучки.

— Вы тоже из Галифакса?

— Да.

— Эта трагедия… я читал в газетах…

— Перевернула мою судьбу. — Миранда не была уверена в том, что стоит начинать знакомство со лжи и притворства, но не видела другого выхода.

Она поклялась начать новую жизнь, но никакая жизнь невозможна без прошлого, и потому ей была нужна *легенда*.

— Вот как? — В глазах Малколма читалась растерянность. — Вы можете не говорить, если…

— Я скажу, — ответила Миранда, чувствуя, что этим расположит его к себе. — С каждым годом это причиняет мне чуть меньше боли, хотя я знаю, что она никогда не исчезнет. Я была дочерью известного в Галифаксе врача. Мой отец, как и мама, стали жертвами взрыва. Жених погиб в Европе во время войны. Какое-то время я была вынуждена работать на фабрике, а потом, скопив немного денег, решила уехать в Торонто.

— У вас здесь родственники?

— Никого. Я совершенно одна.

Миранда допила вино, и он, не спрашивая, налил ей еще.

— Я искренне сочувствую вашим потерям. Мне было жутко читать о взрыве в газетах, но самому пережить такое… — И вдруг спросил: — Почему вы выбрали Торонто?

— Прежде всего потому, что это англоканадский город. А еще — потому что он отличается от Галифакса.

— Размерами?

— Не только. Галифакс не дает простора мыслям, сковывает действия. Маленький городок, где все друг друга знают, а правила морали вековечны. Мне хотелось уехать туда, где я смогу затеряться в толпе.

— Не думаю, чтобы вы смогли затеряться, где бы то ни было. Полагаю, в Торонто это будет гораздо труднее, чем в Монреале. Монреаль — игривый и жизнерадостный французский город, тогда как Торонто многие считают оплотом чопорности, холодности и протестантского ханжества.

Он улыбнулся, и от уголков его глаз разбежались приятные морщинки. Миранда ответила на улыбку. Зная, что нравится ему, она старалась держаться непринужденно и вместе с тем независимо.

— Стало быть, я больше привязана к своим корням, чем мне кажется. И, возможно, Торонто не такой уж консервативный город, во всяком случае, не во всем. Вот и художники, о которых вы говорили…

— Я хочу пригласить вас посетить мою галерею. Там вы сможете посмотреть картины и даже познакомиться с их создателями.

— Я с удовольствием приду.

Он слегка подался вперед.

— Не хочу показаться чересчур прямолинейным и невежливым, так же, как забегать вперед, но мне не хочется долго ходить вокруг да около. Мисс Фишер, вам нужна работа?

Миранда невольно отпрянула. Она не ожидала такого вопроса и потому ждала, что последует дальше. Уловив ее реакцию, Малколм не стал тянуть с объяснениями:

— Мне крайне необходим помощник в галерее, а еще лучше — помощница. Встречать посетителей и художников, назначать нужные встречи.

— Я уже говорила, что не разбираюсь в картинах.

— Вы быстро всему научитесь. К тому же мне нужен не знаток, а человек для представительства. Столь красивая женщина, как вы… — Он замолчал, откровенно любуясь ею.

Миранда гордо тряхнула головой.

— Уверена, в Торонто полным-полно красивых женщин!

— Мне не нужна пустоголовая красотка, я ищу человека с определенным жизненным багажом, душевным опытом и чувством стиля.

Миранда заметила, что он очень четко знает, что ему нужно, а главное — открыто заявляет об этом. Пожалуй, такого человека будет нелегко

обмануть.

— Что ж, — произнесла она не без иронии, — благодарю вас за деловое предложение.

— Я немедленно сделал бы вам другое, если б не боялся показаться нетерпеливым и дерзким.

— И если б не знали, что миссис Олдридж станет возражать.

— Миссис Олдридж нет. Я столь же одинок, как и вы, только причина кроется не в трагических обстоятельствах.

— А в чем?

— Просто среди десятков женщин я не сумел найти ту, которая смогла бы зажечь в моем сердце какое-то особое чувство.

Хотя все это было довольно странно, Миранда не сочла возможным отказаться от общения с таким обаятельным, холостым и явно не бедным мужчиной.

— Хорошо я подумаю над предложением о… работе. Будет лучше, если я отвечу вам после посещения галереи.

— Конечно.

Когда после ужина они очутились на ярко освещенной вечерней улице, Малколм сказал:

— Я провожу вас.

Глядя ему в глаза, Миранда твердо ответила:

— Только в номере отеля у меня нет ни чашки кофе, ни глотка бренди.

— Я даже не думал об этом. Предел моих мечтаний — поцеловать вашу руку.

Она рассмеялась.

— Думаю, к этому не будет никаких препятствий!

На следующий день она поехала в галерею. Миранду поразили ее простор, простота и одновременно изысканность интерьера, искусное освещение и особый уютный запах чего-то обжитого. Картины были расположены так, что рассматривая одну, посетитель фактически не был способен отвлечься на созерцание другой. Миранде понравилось, что в углах стоят мягкие диваны и столики с бесплатными напитками, а откуда-то сверху доносится приглушенная музыка.

Она читала имена художников, разглядывала их пейзажи, на которых были изображены серые сумерки арктического дня, скованные льдами озера, буйная игра северного сияния, скупые краски зимы, синее небо и еще более синий лес, речная зыбь с плывущими по ней осенними листьями.

Миранда не знала, права ли она, но ей чудилось,

будто рисунки Дилана Макдаффа не уступают этим полотнам. Она не совсем понимала, отчего заговорила о нем с Малколмом при первой же встрече. Возможно, ее все же терзало чувство вины? Порой образы прошлого, которые она всеми силами гнала от себя, казались такими яркими, что у нее перехватывало дыхание.

Как бы то ни было, сейчас Миранда бродила по галерее, рассматривая картины и не ощущая себя самозванкой. Почему бы ей не согласиться на предложение Олдриджа? Она чувствовала, что полюбит волнующую, праздничную суету, связанную с новыми выставками. Она будет вращаться в интересном обществе, встречаться с художниками, возможно, даже войдет в круг избранных и начнет новую полноценную жизнь. Это поможет ей отвлечься и забыть о былом.

Когда, подойдя к Миранде, Малколм слегка приобнял ее за плечи, она не сочла его поведение дерзким. Повернув к нему лицо, она сдержанно, но вместе с тем искренне произнесла похвалу его галерее, а потом сказала, что согласна у него работать.

Миранде не довелось разочароваться: ей нравилось то, чем пришлось заниматься, она все схватывала на лету. Она чувствовала, когда надо

вести себя мягко, а когда — жестко. И пусть у нее было куда больше чутья на выгоду от сделки, чем на талант художника, это устраивало Малколма.

Прошло два месяца, прежде чем Миранда согласилась с ним переспать, а потом переехать из отеля в его квартиру в центре Торонто. Все свершилось по обоюдному стремлению: Миранда давно не была близка с мужчиной, и ее унес вихрь страсти, к тому же ей хотелось, чтобы о ней снова кто-то заботился.

Малколм оказался искушенным и вместе с тем деликатным любовником, умным и щедрым человеком, и она была вполне довольна завязавшимися отношениями. Единственное, что ее тревожило, так это то, что он ничего о ней не знал, однако мог узнать. Она решила действовать, искусно перемежая правду и ложь, выкладывая лишь то, что способно ему понравиться, и скрывая некоторые непривлекательные и даже жестокие свойства своей натуры.

Когда Миранда откровенно рассказала ему о том, что с ней стряслось во время галифакской трагедии, и призналась, что не может иметь детей, Малколм отнесся к этому спокойно и даже с долей облегчения. Он сказал, что едва ли у него хватит времени и сил вырастить потомство. Он

собирался посвятить себя галерее и, может быть, путешествиям, если хватит времени и сил.

Миранда не совсем поняла, что он имел в виду. Судя по всему, у него были деньги, он не жаловался на здоровье, а пятьдесят три — не тот возраст, когда стоит всерьез задумываться о смерти. И все-таки что-то в нем настораживало: будучи рассудительным, серьезным человеком, он явно спешил жить. Об этом говорило как его предложение о работе в первый же вечер, так и предложение руки и сердца через несколько дней после того, как они впервые легли в постель. Миранда обрадовалась и вместе с тем запаниковала. А если Малколм узнает, что она замужем? Это могло все разрушить.

Подумав, она решила: едва ли Кермит захочет, чтобы она вернулась. Наверняка он давно уже проклял ее. Способен ли отказать ей в свободе из чувства мести? Тогда она могла пригрозить ему судом, дабы отнять у него Мойру. Что-то подсказывало Миранде, что в этом случае Кермит пойдет на уступки. Если так, то у нее было время тайком отправить ему документы о предстоящем разводе.

Глава двадцать третья

Это произошло весной 1925 года, когда Нелл позабыла былые тревоги и вновь всецело сосредоточилась на жизни семьи. Она прожила в Галифаксе десять лет, и ее мечты больше не гасли, словно свечи на ветру, и двери не захлопывались, едва она успевала до них дойти.

Аннели исполнилось семнадцать, она оканчивала школу и была успешной во всех отношениях девушкой. Семилетний Ред оставался единственным ребенком Дилана и Нелл, что немного тревожило последнюю. Дилан любил сына и теперь, когда дела фабрики наладились, посвящал ему много времени. Несмотря на внешние различия, они были настоящими друзьями.

Нелл давно поняла, что муж никогда не будет давить на Реда, дабы тот стал продолжателем его дела; напротив, он всячески поощрял в мальчике выбор собственного пути. И ей тем более казалось, что она должна родить Дилану еще детей, *его* детей. Но, как ни странно, он никогда не заговаривал об этом.

Нелл была уверена, что в его жизни нет других

женщин, в том числе и Миранды. Где она и что с ней, никто не знал. Хлоя говорила, что спустя несколько месяцев после отъезда из Галифакса Миранда прислала Кермиту документы о разводе, которые он без промедления подписал, и с тех пор о ней не было слышно.

Кермита общими усилиями командования, друзей и просто неравнодушных людей отправили на лечение в Европу. Он до сих пор оставался в Англии, и Нелл знала только, что Сьюзен отправилась вместе с ним и малышкой, поскольку Кермит ни за что не хотел расставаться с дочерью.

К большому удовольствию Нелл, Дилан приобрел небольшую квартирку в доме на берегу гавани. Иногда они уединялись там на выходных и прекрасно проводили время.

Между гаванью и городом словно не существовало границы. Крыши домов будто низвергались в свинцовую гладь. Вода мерцала в затуманенном солнечном свете, и по ней скользили тени облаков. Чайки то стремительно взмывали в поднебесье, то камнем падали в воду за рыбой. Теперь Нелл понимала, почему в Галифакс так часто приезжали художники-маринисты.

Сейчас она сидела на полу, где разложила ри-

сунки мужа. Нелл всегда нравилось, как Дилан использует детали. На фоне серо-белой зимы он мог нарисовать яркие кисти рябин, а по контрасту со спокойной заводью изобразить полные непередаваемой мощи контуры военного корабля.

— Мне кажется, надо взять эти и эти, словом… все.

Дилан рассмеялся. Несколько дней назад он получил письмо из Торонто, от владельца одной из художественных галерей, в котором тот предлагал ему приехать вместе со своими работами.

— Откуда он обо мне узнал? Ведь я не профессиональный художник! — изумился Дилан, прочитав письмо жене. — На конверте нет подробного адреса, указан только город, название фабрики и мое имя. Но письмо, конечно, дошло.

— Помнишь, ты выставлял свои работы в зале Сити-Холл? Могли найтись люди, которые списались с хозяином галереи, — предположила Нелл.

— Едва ли. Там не было никого, кто бы всерьез интересовался живописью или что-либо в ней понимал. Эти картины понравились им лишь потому, что на них был изображен Галифакс.

— Полагаю, они понравились бы не только им, — задумчиво произнесла Нелл.

— Ты же знаешь, я рисую не для публики, а

лишь для себя.

— Да, но если выпадает возможность показать свое искусство людям, почему бы не воспользоваться этим?

— Хорошо. Только ты, Ред и Аннели отправитесь вместе со мной. Вы сто лет никуда не ездили, и вам будет полезно немного развлечься. — Он вздохнул. — Я много раз думал о поездке за границу, но все как-то не складывалось. Фабрика, то одно, то другое…

— Знаешь, — промолвила Нелл, — я слишком сильно люблю Галифакс. Чтобы почувствовать себя счастливой, мне не нужно куда-то уезжать.

— Галифакс — маленький город.

— Но явно не меньше того счастья, которое я в нем нашла, — сказала Нелл, и они с Диланом улыбнулись друг другу.

Аннели пришла в восторг от этой идеи. Она побывала в Торонто всего однажды, восемь лет назад, и теперь не чаяла увидеть город другими глазами.

И вот они сидели в вагоне, глядя на пролетающий мимо пейзаж. Аннели и Ред оживленно болтали, Нелл лишь изредка вставляла какое-то слово, а Дилан и вовсе о чем-то задумался, глядя на быстро чернеющее сапфировое небо, и, судя

по выражению его лица, эти мысли не были гнетущими или печальными.

Очутившись в Торонто, он ощутил почти физическое блаженство. Все-таки Дилан любил этот город за его чуть старомодную элегантность, не раздражающую, а, напротив, немного трогательную чопорность. Он собирался позвонить мистеру Олдриджу из отеля и договориться о встрече.

Хозяин галереи предложил увидеться в известном ресторане, и Дилан отправился туда один, а Нелл, Аннели и Ред в это время гуляли по городу. Малколм Олдридж оказался располагающим к себе человеком лет пятидесяти с хвостиком. Хотя он держался по-деловому, кое-что выдавало в нем человека из мира богемы: артистически небрежно повязанный галстук, блестящие лаковые туфли, крупный перстень на пальце.

Заказав коньяк и легкую закуску, они немного поговорили о том о сем, а потом Олдридж предложил Дилану показать работы.

Когда тот раскрывал папку, у него предательски дрожали пальцы. Он не ожидал от себя такого волнения. Ему казалось, он находится на экзамене, на самом важном экзамене в своей жизни. Внезапно Дилану захотелось, чтобы рядом очу-

тилась Нелл и крепко взяла его за руку, хотя… Да, жена считала его талантливым, но ей нравилось все, что он делал.

Олдридж просматривал рисунки, порой бегло, иногда — пристально вглядываясь. Однако Дилан не замечал ни оживления в выражении его лица, ни блеска в глазах.

— Вы где-то учились, мистер Макдафф?

— К сожалению, нет. Мой отец был против того, чтобы я получил художественное образование.

— А что вы окончили?

— Университет Торонто.

— Вот откуда вы знаете город! И что же вы изучали?

— Экономику.

— Вы хорошо учились?

Дилан удивился. К чему эти расспросы? Олдридж напоминал врача, готовящего пациента к сообщению о неутешительном диагнозе. Дилан знал, что Нелл будет расстроена. А он сам? Может, когда-то он и мечтал стать художником, но жизнь изменила его планы.

— Да, хорошо. Но не потому, что у меня были способности. Я просто старался.

— А душу выражали в рисунках?

— Я пытался.

Малколм Олдридж откинулся на спинку стула.

— Вам это удалось. По вашим рисункам можно проследить вашу жизнь.

— Да, я делал это для себя. То, что я рисовал до взрыва, уцелело чудом.

— Вы сможете рассказать об этом прессе?

Дилан слегка растерялся.

— Зачем?

— Пара заметок в газете не помешает. Такая тема непременно привлечет интерес к выставке.

— Выставке?

— Да, если вы не против. Может, вам и не хватает мастерства в общепринятом смысле, но у ваших работ великолепная энергетика. Я хорошо помню фотографии разрушенного Галифакса, они впечатляют, но ваши картины… у меня просто нет слов! Самая удачная и сильная из них, на мой взгляд, вот эта — с рыжей девушкой.

— Благодарю вас. Это моя жена. А как вам другие рисунки?

— Ранние полны юношеского света; выполненные после того, как город начали восстанавливать, — ностальгии, а последние, с загородными пейзажами, или спокойны, или порой чуть тревожны, но неизменно глубоки. Мистер Макдафф, давайте встретимся в моей галерее через пару

дней и обсудим все условия и детали. Вы приехали с супругой?

— Да.

— Тогда приходите вместе. А я представлю вам *свою* жену.

В отеле Нелл, Аннели и Ред забросали Дилана вопросами. Они были возбуждены и счастливы. О нем напишут в газетах! Его талант наверняка будет признан! В этом вихре новизны и восторга Дилан совершенно забыл, о чем собирался спросить Малколма Олдриджа в первую очередь: откуда тот узнал о нем и его картинах?

Миранда увлеченно собиралась на встречу с Диланом. Она хотела устроить ему сюрприз и не сомневалась в том, что у нее все получится. Она знала, что болезненная порядочность Дилана не позволит ему рассказать Малколму о ее прошлом, потому не боялась разоблачения.

Как ни странно, Миранду переполняло желание отблагодарить его за «билет» в новую жизнь, попросить прощения и даже пообещать вернуть деньги: ведь теперь она могла это сделать! Пусть он увидит, что она счастлива, что она наконец нашла то, что ей нужно.

Что касается рыжей, ей не составит труда затмить эту провинциалку, думала Миранда,

надевая шелковое платье цвета шампанского с кружевными кремовыми вставками, прихваченное на бедрах широким поясом. Наряд дополнял золотой браслет, цепочка и серьги — теперь Миранда носила только золото, благо Малколм не жалел на это денег, как, впрочем, на все ее покупки.

Единственное, что огорчало Миранду: они с мужем до сих пор не побывали в Европе, например во Франции. Она желала увидеть архитектуру, о которой столько читала, картины, которыми восхищалась лишь по фотографиям, а еще мечтала пройтись по знаменитым парижским магазинам.

— Так ты считаешь, у Дилана Макдаффа есть будущее? — спросила она мужа.

Он уже оделся и сидел в кресле, ожидая, когда она закончит свой туалет. Миранде почудилось, будто сегодня он не любуется ею, как это обычно бывало, а погружен в свои мысли.

— Оно есть у большинства из нас, хотя, конечно, не у всех, — произнес Малколм с непривычным оттенком грусти и добавил: — Его работам свойственно то, что является основой всякого искусства: искренность.

— Не талант?

— Считай, это одно и то же. Зачастую людям плевать на мастерство, но они отлично чувствуют фальшь. Художник, идущий на поводу у кого-либо или чего-либо, уже не творец. Я говорю тебе это не как владелец прибыльной галереи, а как ценитель искусства.

— Откуда ты знаешь, что Дилан Макдафф не такой?

— Я видел его работы, — веско произнес Малколм, а после спросил: — Давно хотел полюбопытствовать: откуда ты его знаешь? Что вас связывает?

Миранда издала непринужденный смешок.

— Ничего личного. Он выставлял свои картины в городском собрании, тогда я их и увидела. Они потрясли не только меня, всех, кому довелось пережить галифакскую трагедию.

Малколм кивнул.

— Полагаю, картина с рыжей девушкой станет гвоздем выставки. Он сказал, что это его жена. Мне не терпится с ней познакомиться. Кстати, теперь она видит?

— Да, кажется, после операции.

Невольно почувствовав себя уязвленной, Миранда поспешила перевести разговор на другую тему:

— Надеюсь, в этом году мы наконец встретим Рождество в Париже?

— До Рождества еще далеко. В крайнем случае, встретишь его без меня.

Миранда не поняла смысла его ответа, но он прозвучал удручающе. Ее вдруг начало знобить, и она подумала, что надо бы взять с собой шаль.

— Что ты имеешь в виду?

— Я давно хотел признаться, но все боялся омрачить твою, то есть нашу жизнь. Но прогнозы неутешительны, и я должен рассказать тебе все как есть. Я никогда не совершаю поспешных или опрометчивых поступков, Миранда, но когда я увидел тебя… Тогда я точно не знал, сколько мне осталось, потому подумал: провести последнее время с самой красивой женщиной, какую я встречал в своей жизни, будет наилучшим решением. Я думал не только о себе, я надеялся сделать счастливой *тебя*, ибо ты показалась мне растерянной и одинокой. Смею предположить, что мне удалось воплотить свой замысел. И еще: я взрастил помощницу, которой смогу с чистым сердцем завещать свое любимое дело.

— Что ты имеешь в виду?! — почти истерически повторила Миранда.

— То, что пройдет не так много времени, и я

отойду в мир иной. Я смертельно болен. Я не мог покинуть город, поскольку получал лечение. Но оно не помогло; лишь отдалило неизбежное. А сейчас я не способен уехать, потому что у меня осталось мало сил. Я должен сберечь их для других дел.

Когда он это сказал, Миранда вдруг заметила, что у Малколма восковое, отекшее лицо с мешками под глазами, почти бесцветные губы, что он выглядит старше своего возраста. Казалось, в нем почти ничего не осталось от того человека, которого знала Миранда.

Обычно в тревожные моменты она обхватывала его руками и прижималась к груди: Малколма всегда умилял этот жест. Но сейчас ей не хотелось этого делать. Она вновь очутилась в ловушке, откуда хотелось вырваться любой ценой.

— Возможно, это ошибка; твоя или врачей? Ведь на свете случаются чудеса! — Она надеялась, что это прозвучит обнадеживающе, однако у нее был странный деревянный голос.

Малколм слабо улыбнулся.

— Да, но только, боюсь, не в моем случае.

Надеясь очнуться от дурного сна, Миранда сжала руками виски. На мгновение ей почудилось, что она дошла до предела и дальше уже нет

пути. Она не хотела думать о том, что ей вновь предстоит все это: уход за безнадежно больным, одиночество и отчаяние.

Внезапно Миранда вспомнила Галифакс, жемчужно-белый город с красными крышами, сверкавший за бухтой, воду, зеленую вдалеке и ярко-лазоревую — вблизи, и ее посетило непередаваемое чувство безвозвратности, какого она не испытывала никогда в жизни. Муж завещает ей галерею, она продолжит его дело, она не будет бедна. И все же ей чудилось, будто у нее ничего не останется.

Разумеется, она произнесла все те слова, какие Малколм, наверное, ожидал услышать. Но сидя в такси, везущем их в галерею, Миранда удрученно и задумчиво молчала. Она решила, что скажет Дилану совсем не то, что собиралась сказать.

Миранда увидела, что он приехал не только с женой. С ними была какая-то девушка с длинными каштановыми волосами, чистым лицом и нежным румянцем, и мальчик. Сын Нелл. Но не Дилана.

Дилан неплохо выглядел. Пожалуй, он мало изменился за эти годы. Был ли он счастлив, занимаясь делом, которое ему никогда не нравилось, и воспитывая не своего сына?

Одежда рыжей не уступала наряду Миранды: верх ее платья был изумрудного цвета, тогда как вокруг ног шуршали и легко колыхались многослойные юбки из бледно-зеленого креп-жоржета. В то время как Малколм знакомился с супругой Дилана, Миранда отлучилась под каким-то предлогом. Молодая женщина решила, будет лучше, если она появится чуть позже.

Она видела, как рыжая сияет улыбкой, а Малколм галантно склоняется к ее руке. Потом жена Дилана направилась вглубь галереи, а мужчины прошли к дивану, стоявшему неподалеку от входа.

Пока Нелл вместе с девушкой и мальчиком рассматривала развешанные по стенам картины, Малколм продолжал обсуждать рисунки Дилана. Укрывшейся за занавесом Миранде был хорошо слышен их разговор.

— Почему картина с девушкой называется «Ярче, чем солнце»? Из-за цвета ее волос?

— Нет. То есть не только. В момент взрыва над городом вспыхнуло сияние, сильнее которого никто никогда не видел.

— С этой повязкой на глазах девушка напоминает… некую трагическую Фемиду.

— Тогда наши судьбы висели на волоске. Все

думают, это я спас Нелл, но на самом деле именно она вытащила меня из мрака.

— Похоже, вы боготворите свою супругу, мистер Макдафф! — громко произнесла Миранда, внезапно появляясь перед ними.

Ее выход был эффектным, и она это знала. Дилан замер. В его лице не осталось ни кровинки. Похоже, эти мгновенья были самыми напряженными в его жизни, ибо он не знал, как себя вести, как не ведал, какую роль она сыграла во всей этой истории. Впрочем, догадаться было нетрудно.

— Это моя жена Миранда, — промолвил Олдридж.

Все еще не обретя дар речи, Дилан кивнул.

— Простите, я оставлю вас на минутку, — вдруг сказал Малколм, тяжело поднимаясь с дивана.

Заметив мертвенную бледность в его лице, Миранда подумала, что ему стало дурно, и тем не менее не двинулась с места. Сейчас ей был нужен не муж, а Дилан.

— Значит, это ты, — обреченно произнес Дилан. — Твой муж знает?

— О чем? — невинно поинтересовалась Миранда.

Дилан вздохнул.

— Зачем ты это сделала?

— Твой талант должен быть признан, вот и все. Не думай, Малколм не романтик, а делец; он не станет выставлять в галерее бездарные произведения, даже если бы я попросила его об этом, — небрежно произнесла она, сама решая, к чему относился его вопрос, и добавила: — Я хочу поприветствовать твою жену. — И, не дожидаясь ответа, остановила одну из служащих галереи: — Пожалуйста, подзовите сюда даму в зеленом. — Потом вновь повернулась к Дилану. — А кто вон та девушка?

— Сестра Нелл.

— А мальчик — твой сын? У тебя, наверное, куча детишек?

— Нет, у нас всего один ребенок.

Подошла Нелл. Она тоже казалась напряженной и растерянной. Миранде понравился ее вид, как нравилось ощущать себя разрушительницей. Она знала, что эти двое ни за что не посмеют дать ей отпор.

— Я рада познакомиться с вами, как и со всей вашей семьей, — промолвила она, обращаясь к Нелл. — Ваш сын потрясающе похож на своего отца. — Заметив, что Нелл смотрит с нескрываемой тревогой, Миранда изрекла фразу, ради которой и устроила всю эту комедию: — Я имею в виду, на

своего настоящего отца, Кермита Далтона.

Стоявший рядом Дилан отшатнулся, а в его глазах появилось что-то пронзительно-острое, почти дикое. Миранда не ожидала настолько сильной реакции. Словно что-то спящее глубоко внутри его души внезапно вырвалось наружу; он был уязвлен и потрясен гораздо больше, чем она смела надеяться.

Позабыв обо всем, кроме услышанного, Дилан направился к выходу. Нелл видела, что он шел, как в тумане, не видя никого и ничего.

Она повернулась к Миранде.

— Зачем вы это сделали? — Ее щеки пылали так сильно, словно внутри горел огонь.

— Я всего лишь сказала правду, которой ваш муж, как ни странно, не знал.

— *Ваша* правда заключается в том, что вы бросили собственного ребенка!

— Вы ошибаетесь, — холодно произнесла Миранда, — у меня нет детей.

Нелл не знала, промелькнула ли в глазах молодой женщины затаенная боль или ей это только почудилось? Она поспешила к Аннели и, отведя ее в сторону, сказала:

— Если что, поезжайте в отель. Мне надо отлучиться.

Аннели распахнула глаза.

— Что произошло?

— Эта женщина, Миранда, сказала Дилану, что Ред — сын Кермита Далтона.

— А он разве не знал?

— Я ему не говорила.

— Почему?

— Он никогда не спрашивал. И сейчас он не просто расстроен — раздавлен!

— Какое это имеет значение, если он любит Реда и вот уже семь лет считает его своим ребенком? — бросила вслед Аннели, но Нелл уже спешила к выходу.

Дилан стоял на улице, засунув руки в карманы пальто, и смотрел в пронизанную огнями тьму. Иные из них — огни автомобилей — проносились быстро, словно падающие звезды, другие — окон и фонарей — тихо мерцали, будто светила далеких галактик.

Не зная, что делать. Нелл молча остановилась рядом с мужем, и тогда он сказал:

— Игра получилась веселой.

Нелл похолодела.

— Надеюсь, ты не о нас?

— Не замечать очевидного — это вполне в моем духе, — промолвил он, не отвечая на вопрос, — но

ты… Почему ты не сказала?

— Мне казалось, ты никогда не хотел этого знать.

Дилан сделал долгую паузу.

— Только не в этом случае.

— Почему?

— Мы с Кермитом всегда были соперниками, если не явными, то скрытыми. Он всегда считал меня никчемным.

— Разве в данном случае проиграл не он?

Дилан не нашелся, что ответить, и тогда Нелл продолжила:

— Я охотно родила бы тебе ребенка, но ты… ты никогда об этом не заговаривал.

— Я думал, ты боишься за Реда. Что я стану любить его меньше, чем…

— А ты бы стал любить его меньше?

— Конечно, нет.

— Тогда в чем заключаются наши проблемы?

— Наверное, в том, — вздохнул Дилан, — что я в самом деле ничтожество. Попался в расставленную Мирандой ловушку, как ребенок. Поверил, что мои рисунки в самом деле чего-то стоят. — И подытожил: — Нам надо уехать.

Внезапно Нелл подумала о том, почему собственная жизнь порой воспринималась ею, будто

чужой сон? Возможно, она чего-то боялась? Если так, то сейчас все страхи остались позади.

— Нет, — сказала она, и ее голос обрел неожиданную силу, — мы не должны уезжать. Решение об организации выставки принял муж Миранды, и, похоже, он ничего не знает о своей жене, зато разбирается в искусстве. А она… она не умеет никого любить. Она считает, что все так и должно быть, и не испытывает никаких угрызений совести. Подчиняясь ей, мы сломаемся, признаем свое поражение. Она совершила ошибку, посоветовав мужу пригласить нас в Торонто. Она надеялась тебя унизить, но у нее ничего не получится. Она не сумеет уничтожить того, что есть между нами.

— Да, ты права, — сказал Дилан и сжал ее руку. — Ты меня любишь? Ты веришь мне? Ты ни о чем не жалеешь? Ты счастлива?

Нелл улыбнулась сквозь слезы.

— К чему такие вопросы? Мы знаем друг о друге больше, чем каждый из нас — о себе самом! Мне кажется, с некоторых пор мы решили проживать каждый час так, будто это последний миг в нашей жизни. А разве не таким образом люди обретают счастье?

— Я люблю тебя, — с волнением произнес он, —

тебя, Реда, Аннели, все, что есть и было в моей судьбе.

Нелл шла в парк, держа за руку Реда. В заново отстроенном Галифаксе, как и в прежние времена, было много парков. Сейчас они направлялись в Паблик-Гарденс, особо популярный потому, что он граничил с крупнейшим торговым центром.

Ред был увлечен аэропланами, он часто говорил о небе, и Нелл думала, что с высоты птичьего полета осенние парки, наверное, смотрятся яркими золотисто-бордовыми гривами, разделенными проборами улиц.

Она остановилась в глубине длинной аллеи. Границы города здесь словно размывались, уступая место первозданной природе. Ветви дубов и буков устремлялись в небо, высокая трава пахла сыростью, и в ней исчезали тропинки. Птицы взмывали ввысь, хлопая крыльями. Затянутое дымкой солнце казалось далеким. На горизонте набухли тяжелые облака, но из них еще не пролилось ни капли.

Нелл села на скамейку, скрестив ноги, смежив веки, и наслаждалась приятным осенним теплом и неярким светом. Ее мысли были глубокими и неспешными.

Выставка работ Дилана «Три времени Галифак-

са» все-таки состоялась и имела большой успех. О ней даже написали в газетах. Дилан был смущен, тогда как Нелл думала: пусть люди лишний раз задумаются о том, что произошло в Галифаксе, оценят, что такое война и что есть мир. Ведь закон как хорошего, так и плохого гласит: ничто и никогда не случается однажды. Это были времена, о которых стоило забыть, и вместе с тем лучше всегда помнить.

Миранда не смогла им помешать, потому что они твердо и преданно держались друг за друга. И они знали о ней слишком много, чтобы она смогла заговорить. Перед отъездом из Торонто Дилан сказал жене, что муж Миранды неизлечимо болен: Малколм сам признался в этом. Нелл сочувствовала и мистеру Олдриджу, и его супруге. Быть неблагодарной и корыстной не менее тяжко, чем немощным и зависимым.

Стоило ей подумать об этом, как странно знакомый голос произнес:

— Не позволишь присесть?

Когда она открыла глаза, перед ней предстал *он*, и на миг тишина сделалась многозначительной и тяжелой, как камень. Но потом Нелл поняла, что рада видеть Кермита таким, каким он стал сейчас.

— Садись.

Он немного тяжело опустился на сиденье, прислонив к скамейке палку. Прежде пронзительно-яркие глаза Кермита теперь напоминали тихую зеленую заводь.

— Твой сын? — кивнул он.

— Да. А это твоя дочь? — спросила Нелл, глядя на белокурую застенчивую девочку.

— Ее зовут Мойра.

— Моего сына — Ред.

— Я знаю, — Кермит вложил в ответ особый смысл, и Нелл поняла.

— Это мой давний знакомый и его дочь, — сказала она сыну и предложила: — Погуляйте по парку.

Мальчик и девочка отошли, немного стесняясь друг друга, но вскоре Нелл увидела, как они разговаривают. Ред показывал на небо, откуда только что сорвалось несколько крупных капель.

— Он все время смотрит вверх! — засмеялась она. — Наверное, станет пилотом.

— А Мойра любит делать прически своим куклам; впрочем, это нравится всем девочкам.

— Я бы тоже хотела иметь дочку.

— Ред — твой единственный ребенок?

— Пока — да, но, надеюсь, скоро появится

второй, — сказала Нелл, улыбнувшись своим мыслям. Потом спросила: — Как ты?

— Пошел на поправку. К началу следующего года надеюсь вернуться в строй, — по-военному коротко ответил Кермит.

— Сьюзен с тобой? — не выдержав, спросила Нелл.

Вздохнув, он сокрушенно помотал головой.

— Значит, все-таки ее прислала ты!

— Не я, — спокойно ответила Нелл. — Я знаю о том, что она за тобой ухаживала, потому что мы со Сьюзен поддерживали дружеские отношения.

— Я просил ее остаться со мной, — сказал Кермит, глядя в землю. — Они с Мойрой сильно привязались друг к другу.

— Они очень похожи.

— Все принимают Мойру за ее дочь, но Сьюзен вбила себе в голову, что счастье не может вырасти из несчастья и двое не должны сходиться только потому, что они оба одиноки.

— Думаю, она неправа. Я могу доказать это на своем примере.

— Прости меня за мою жестокость, — потерянно произнес Кермит. — Не оставь я тебя тогда, все бы сложилось по-другому.

— А я довольна тем, что у меня есть то, что есть.

Если б ты поступил иначе, я бы этого не имела.

— Ты очень любишь Дилана?

— Очень. Хотя ты всегда считал его слабым, мне с самого начала казалось иначе, — сказала Нелл, чувствуя, что время, когда у нее кружилась голова от глубины зеленых глаз и блеска темных волос, безвозвратно прошло.

Колдовство неистового мужского обаяния утратило силу, на место ему явилось волшебство пусть тихой, но зато настоящей любви.

— На мой взгляд, Дилан Макдафф — самый сильный, а главное — цельный человек, которого я встречал в жизни, — твердо ответил Кермит.

— Я рада, что ты изменил свое мнение.

— Ты еще придешь? — с надеждой спросил он.

— Сюда, в парк? Конечно. Только мне бы хотелось увидеть Сьюзен и поговорить с ней.

— Наверное, она придет завтра, потому что у нее нет дежурства в больнице.

— Хорошо. Я буду ждать. Пусть возьмет с собой Мойру, а я приведу Реда. А сейчас мне пора.

— Я желаю тебе счастья! — сказал Кермит.

— Я счастлива.

В высоких деревьях шумел неумолчный ветер. Тучи ушли, и аллея утопала в солнечных лучах. Переплетенная причудливыми арабеска-

ми листва полыхала такими яркими цветами, какие возможны только в конце мира или — в его начале.

Позвав сына, Нелл пошла вперед, зная, что Кермит смотрит ей вслед, и думая о чувствах, которые ярче, чем солнце.

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.